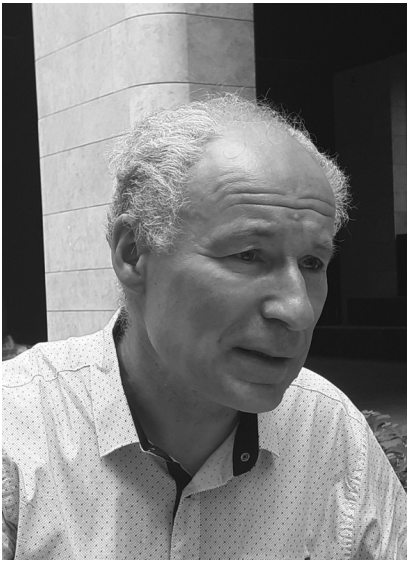

Александр ПИЛЯСОВ

России не дадут заснуть

Александр Николаевич Пиясов – один из самых известных отечественных исследователей Севера и Арктики, а также большой друг нашего журнала. Его очень беспокоит актуальное развитие арктического региона, в связи с чем учёный подготовил конкретные предложения по поводу того, как улучшить ситуацию в Арктике и к чему нам надо готовиться. Мы встретились с Александром Николаевичем и выяснили, почему Арктика так важна для национальных интересов России.

– Александр Николаевич, расскажите, что сейчас новенького с освоением Севера и Арктики России?

– Сдвинулось дело по льготам. С прошлого года Минвостокразвития начало готовить пакет законопроектов по льготам для инвесторов в Арктике. Имелись в виду инвесторы и крупные, и малые. Вообще, это большой прорыв, потому что на протяжении последних 30-ти лет вся вот эта, – извините, если буду говорить грубо, – мафия кудринская полностью отрицала специфику территориальных особенностей России. То есть, Север, Арктика – всё как Центральная Россия, никаких особенностей. Призывы к тому, что Северу и Арктике нужны особые условия для развития, полностью игнорировались или признавались этой мафией Кудрина как «вредные». В итоге у нас не развивались эти территории, потому что они не

могут на равных развиваться вместе со всей Россией.

Тем не менее, в прошлом году наметился прорыв, когда команда молодых ребят в Минвостокразвития, пришедшая с опытом развития Дальнего Востока, стала лоббировать пакет льгот для Арктики. Дело шло нелегко, потому что мгновенно возбудились крупные компании, которые сказали: «О, так это то, что нам надо! Конечно, нам нужны новые льготы. Давайте поставим планку, сколько надо инвестировать в Арктику, чтобы иметь право на статус резидента, которое даёт льготы. Давайте 50 миллионов?». Но ведь 50 миллионов – это немалые деньги; малый бизнес такую планку не потянет. Соответственно, все мелкие предприятия отсекаются, остаются только товарищи Сечин, Алекперов и прочие. Возник конфликт: крупные компании хотят поставить высокую планку (50 миллионов рублей) и

получать все возникающие выгоды, а Минвостокразвития лоббирует идею снижения этой планки до 500 тысяч рублей. В итоге, согласно пакету новых законопроектов, принятому 7 июля, была обозначена следующая планка – 1 миллион рублей. Это огромная победа, потому что малый бизнес обычно может позволить себе вложить миллион рублей в арктическую зону. Это подъёмно, особенно при сегодняшней инфляции и девальвации рубля. Таким образом, новый пакет законопроектов позволяет нам говорить о резкой демократизации льгот с точки зрения резидентов, благодаря которой не только «крупняки», а сотни, может, тысячи средних и малых предприятий смогут реально участвовать в развитии Арктики.

– А в чём участвовать? Общепит, бытовка, стоматология – или в чём-то посерьёзнее?

№ 4 (128), 2020

Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Евгений БОГАЧКОВ

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Ольга ПЕЛЕНКОВА

В оформлении обложки использованы
фотографии Владимира ВАСИЛЬЕВА

Подписано в печать
29 июля 2020 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65

www.north.litrossia.ru
E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в ФГУП
«Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Заказ 554к-20

СОДЕРЖАНИЕ

Время, вперёд!

Александр ПИЛЯСОВ.

России не дадут заснуть. Беседу вёл Александр Рязанцев...1

Национальный интерес

Светлана ЗАМЛЕЛОВА.

Арктика ждёт.....7

Далёкое-близкое

Олег ХИМАНЫЧ.

Небо бортрадиста Малышкина.....10

Письма из Коряжмы

Евгений АНТОНОВ.

Доброе утро, Анечка!.....15

Ностальгия

Борис САВЧЕНКО.

В сердце моём Магадан30

Подвижник

Юрий КАНЕВ.

Университет для Сибири.....60

След в жизни

Сергей СУЦАНСКИЙ.

Когда в Магадане вспомнили про Шаламова.....66

Как это было

Вячеслав ОГРЫЗКО.

*В Советском Союзе не было прямых указаний не упоми-
нать Высоцкого. Записал Дмитрий Силкан.....70*

Рассказ

Насур ЮРУШБАЕВ.

Новый аппарат из Германии.....78

Эпос

Александр БАЛТИН.

Яростное обаяние Олонхо.....80

– Конечно, в серьёзных проектах – например, развитии наукоёмких технологий. В этом и задача новых льгот – они нужны не для того, чтобы мы красили заборы для Роснефти или привозили им обеды в столовые, – это уже и так малый бизнес делает. Задача в том, чтобы патенты были не в Москве-Питере, а в северных городах – Архангельске, Мурманске. То есть, чтобы города, располагающиеся рядом, отслеживали потребности компаний и вовремя на них реагировали – как в Норвегии или на Аляске, например. У нас такого пока нет – это выжженное поле, а фактические проекты – соборы в пустыне. Ситуация очень плохая, она даже против советского времени ухудшилась. В СССР, может быть, делали очень некачественно, но это было своё, а сегодня есть качественное, но заграничное, которое может в любой момент исчезнуть. Вышеупомянутый пакет законопроектов даёт шанс на создание реальной инновационной системы, где компании выступают в роли заказчиков, а малый бизнес отвечает на возникший спрос. Это идеальная схема, которая в нашей стране пока совершенно не складывается. Но сложится, если государство обяжет компании выполнять положения данного закона – то есть, когда эта схема станет государственной политикой.

Сегодня государство смотрит сквозь пальцы на то, что Сечин и Михельсон всё заказывают за границей. У государства не было никакой регуляторной роли, главное, чтоб был результат. Это абсолютно попустительская позиция, в духе либеральных концепций, где государство – инфраструктурщик и правщик провалов рынка. Радует, что теперь оно становится активным участником рынка, установщиком правил игры, принуждая компании к тому, чтобы они активно мобилизовывали предпринимательство на инновации.

– Получается, что новый пакет законопроектов стал частью государственной программы по развитию Арктики. Она реальна или несёт декларативный характер?

– Нет, там написаны реальные льготы – становясь резидентом, предприниматель на 10 лет освобождается от налога на прибыль. Это большой подарок. Уменьшаются страховые взносы, а Агентство по развитию Дальнего Востока выступает гарантом прав резидента. Конечно, надеяться на то, что всё будет красиво, наивно. Должен быть милиционер (в чьей роли выступает

Агентство по развитию Дальнего Востока), который будет контролировать и направлять, разбирать случаи нарушения и попрания прав арктических резидентов. Разработан чисто советский механизм «с дубинкой» – ведь без дубинки всё и вправду окажется декларацией.

– Обращаясь к сути происходящего – а для чего вообще всё это затеяно? Зачем России нужно развитие Арктики?

– Это вопросы долгосрочные. Мгновенной окупаемости даже у Транссиба не было – а потом как он нам в дальнейшем помог! Всё потому, что инфраструктурные объекты и железные дороги лишними не бывают. Соответственно, пакет льгот рассчитан на долгосрочную перспективу. Он не даст мгновенного эффекта, понадобится пара лет, но поможет создать так называемый «российский контракт» между добычными ресурсными компаниями в Арктике и южными машиностроительными заводами. Задача – обеспечить между с ними «смычку», чего никогда не удавалось, так как компаниям выгоднее покупать всё необходимое из-за рубежа, а не использовать имеющиеся в стране ресурсы. Это не даёт нашей экономике развиваться, а потому нужно государственное принуждение.

– Это, как я понимаю, один из приоритетов развития региона. Могли бы вы назвать остальные?

– Да, конечно. Сейчас я больше говорил про экономические приоритеты, а есть ещё геополитические. Россия должна заниматься Арктикой, а не то повторится ситуация, сложившаяся в 1990-е годы, когда Мадлен Олбрайт официально заявила о том, что мы не в состоянии быть хозяевами над своими владениями, а потому российские территории в Арктике должны находиться под международной юрисдикцией. Это реальная угроза, она была. Есть мощный советский задел, который мы не можем потерять: например, из 24 актуальных проектов, связанных с русской Арктикой, практически две трети – советское наследие из «запасников» 50–60-х годов, когда их технически невозможно было реализовать. Советские геологи оставили нам огромный задел на многие десятилетия, который остаётся только реализовать, используя соответствующие технологии.

– Россию можно назвать лидером в Арктике?

– Нет, нельзя. Да, по площади она лидер, но никак не по населению, инновациям, качественным показателям, человеческому капиталу. Например, молодые и умные ребята из Мурманска поголовно уезжают в Норвегию. Норвежцы, само собой, поощряют эту утечку, а мы ничего не делаем для того, чтобы своих задержать.

– **Может, России и не нужно это лидерство?**

– Нет, лидерство нужно, особенно потому, что мир на это лидерство согласен. Когда я выступал в Америке и Норвегии, то мне говорили: «Какой у России фасад! Очевидно, что она должна заниматься Арктикой». То есть, мир признаёт право России на лидерство. Это та сфера, где её права безусловны. Потому Россия должна быть инициатором проектов в Арктике, быть законодательницей мод, выходить с повесткой в международные арктические организации с конкретными предложениями, чего не было в последние 30 лет. В связи с этим мы в следующем году проводим Международный конгресс арктических социальных наук в Архангельске, на площадке САФУ (Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова. – *Прим. ред.*) впервые за 30 лет Россия вдруг у себя принимает зарубежных специалистов по данной проблематике! Все государства, связанные с арктическим регионом, уже проводили подобные конгрессы, мы остались последними.

– **Как вы можете прокомментировать политику Китая в арктическом регионе?**

– Десять лет назад никто бы и не подумал, что Китай заинтересован в Арктике. Теперь же мы официально признаём, что Китай – это арктический игрок, который в Исландии прикупает территории, является одним из крупнейших инвесторов в Гренландии, проявляет интерес к портам (именно портам) Северного морского пути. Это агрессивная, долгосрочная, планомерная и цепкая политика Китая. На примере Арктики он проявляет себя как глобальный игрок. Изучая Белую книгу Китая по Арктике, мы видим, какие серьёзные аппетиты у Китая, каковы его глобалистские амбиции. При пятикратном прочтении этого документа я понял, о чём хочет сказать Китай.

– **О чём же?**

– О том, что современная глобализация должна проходить не по англосаксонской модели, где доминируют рыночные институты, а по китайской, в основе которой лежат ценностные модели. Сначала возникают ценности, а потом экономика – но не наоборот.

– **А о какой глобализации может идти речь в период пандемии?**

– О самой что ни есть настоящей. Да, многие сейчас говорят, что мы откатываемся от глобализации из-за пандемии коронавируса, что мы сейчас наблюдаем закат глобализации. Однако я так не считаю. Обозначился определённый тренд: глобализация решает, на какую модель опираться для своего дальнейшего развития. Глобализация продолжится, но будет схватка между китайской и англосаксонской моделями.

– **Как Китай подминает под себя территории, какие использует инструменты?**

– Подминает в основном по африканской модели. Речь идёт об инвестициях, благодаря которым китайские работники приезжают на территорию определённого региона и осуществляют проектирование с учётом китайских технологий, заказчиков и так далее. Грубо говоря, на китайские деньги и за счёт присутствия китайских работников и китайских технологий. Африка рада и такому раскладу, так как он всё равно дарит ей хоть какой-то эликсир жизни. Справедливости ради скажу, что Советский Союз был гораздо щедрее в отношении к Африке, когда он проводил свою политику поддержки и помощи.

– **В последнее время всё больше говорят о глобальном потеплении, но ясности нет – то ли это повод для выкачивания денег из бюджета и потому несёт исключительно политический характер, то ли это реальная опасность. Какова тенденция на ближайшие 10 лет, к чему нам надо готовиться и как реагировать?**

– Проблема глобального потепления очень серьёзная. Это реальный феномен – споры могут идти о том, будет ли он долгосрочным или цикл закончится похолоданием. Этот вопрос несёт дискуссионный характер. Но то, что последние 30 лет реально обнаруживаются в Арктике тенденции к глобальному потеплению, к уменьшению многолетних льдов, к динамике деградации вечной мерзлоты – это всё абсолютно реально, и Россия платит самую высокую цену. Причём особенность России (её мерзлотной части) состоит в том, что она инвестирует больше в здания и сооружения, а Штаты, Канада и другие – в инфраструктуру. В результате в России созданы крупные города на мерзлоте, а потому страна несёт большие убытки из-за разрушения зданий, как это было в Норильске, различных сооружений, портов и проч. Тогда как на Аляске, в Канаде

Два собеседника: Александр ПИЛЯСОВ и Александр РЯЗАНЦЕВ

и Норвегии, ввиду того, что Америка «одноэтажна» (то есть, нет панельных многоэтажных домов), основной ущерб возникает из-за проблем, связанных с инфраструктурой.

– А к чему нам всё-таки готовиться? Грубо говоря, к тому, что всё скоро растает и мы сможем по Севморпути золото из Арктики вывозить, или к закату всего человечества?

– Нам надо готовиться к тому, что будет одиночное плавание по Севморпути; что время, когда мы его контролировали просто потому, что у других стран ледоколов нет и никто не придёт, закончилось. Чужие корабли могут спокойно идти по грани национальных вод, и пограничники никак не смогут их остановить, ведь юридически они находятся на своей территории. Соответственно, будет одиночное плавание сначала иностранных авантюристов, затем – людей, которые хотят получать прибыль от транзитных перевозок. И Россия, в прошлом – ледовая хозяйка, она не имеет прежние права на контроль. Намечается сильнейший вызов национальным интересам России, выражающийся в трёх проблемах. Первая: иностранные судна готовы идти в одиночное плавание, без ледокольного сопровождения (от него отказываются), прямо по трассе Севморпути в наших территориальных водах. Вторая: из-за исчезновения льдов пропадает и территориальная юрисдикция. Об этом никто не говорит, и это третья проблема – не поднимается вопрос, не продумывается законодательство, у нас

нет дискуссии о новых рисках и новой реальности, которая формируется вне зависимости от того, какой мы хотим её себе представить. Мы думаем, что всё будет по-прежнему, с караванами и ледоколами – это иллюзия. Так уже не будет. Надо менять повестку и быть лоббистом в хорошем смысле этого слова – льды уменьшаются каждый год, поэтому надо быть готовым к модернизации сложившейся системы. России не дадут заснуть, если она не будет вести себя как ледовая хозяйка. Её будут всё время тревожить этими комариными укусами – и нужно реагировать не на каждый укус, а изначально не подпускать к себе комаров, выработав реальную стратегию государственной политики в арктическом регионе.

– Но она же существует, разве не так?

– Да, существует, но это недостаточная стратегия. Я говорил с её авторами в Министерстве по делам Дальнего Востока и объяснял, на какие аспекты надо особенно обратить внимание: политика государства в отношении частных компаний в арктическом регионе, чтобы было внятно прописано, что конкретно хочет государство от компаний. Ноль, умолчание. Я говорил им, что надо написать, у вас есть возможность, – ничего не было сделано. И второе – политика государства в отношении Северного морского пути. Какие есть риски, как мы к ним относимся и к чему готовимся? К одиночному плаванию относимся так, к плаванию за пределами территориальных вод относимся так – это же вопросы, а их как будто не существует. Это очень горько.

– **Существует ли риск пробуждения древних вирусов из-за глобального потепления?**

– Нам угрожает сибирская язва, конечно. Про древние вирусы не знаю – мне кажется, что это немного утрированная опасность. Но про сибирскую язву на Ямале скажу, что это действительно большая опасность. Которая возникла, кстати, во многом из-за глобального потепления. Это, в свою очередь, выявило отсутствие ветеринарной службы у оленеводов-личников, потому олени и заболевают – нет вакцинации, как у общественных стад. На Ямале львиная доля – личники. И раз большинство стад личников заразится, то заразятся и стада общественные. Соответственно, нам нужна тотальная вакцинация.

– **В завершение – какие реальные выгоды для нашей экономики может принести российская арктическая политика?**

– Самая главная выгода: импульс арктических проектов и инициатив способен пройти по российским смежным отраслям и развить их. Цель – достичь синергии, когда каждый рубль, вложенный в арктический проект, пошёл на машиностроение и обрабатывающую промышленность Центральной России, зоны основного расселения. Так возникнет эффект межотраслевых связей, чему может помочь новый пакет законопроектов. Это позволит создать единый, сложный и эффективный механизм, локализованный в России, а не расплывённый по всему миру. Безусловно, это непросто. За девяностые и десятые годы нами утрачена инженерная культура, технологии, предприятия, кадры. Но они не про-

пали, их ещё можно возродить. Это наш национальный интерес: мы не можем всё время сотрудничать с, например, Китаем и Голландией. Ирония в том, что «Ямал СПГ» способствовал формированию новой школы китайских инженеров, которые выпустили нам важные агрегаты по сжижению газа. У них не было нужных компетенций, но «НОВАТЭК» делает заказ, выращивает целую школу китайских инженеров, которые стали способны производить эти агрегаты. Они не умели, так же, как и мы, но научились (на наши деньги) и стали поставлять нам же агрегаты, которые мы могли производить сами. То есть мы на свои деньги сформировали не просто конкурентов, а целую школу с арктическими компетенциями в Китае. Это абсолютно нетерпимая и неприемлемая ситуация. С таким же успехом мы могли бы на те же деньги вырастить своих инженеров – но, возможно, это заняло бы чуть больше времени. В этом, думаю, и состоит всё дело. Некоторые компании даже щебень завозят из Норвегии, а не с Урала – это уже настоящее хулиганство. Справедливости ради отмечу, что в торговую политику наших компаний вносятся правки, они извлекли уроки, чтобы потихоньку включать отечественные компании в арктические проекты.

– **Будем надеяться, что вскоре появятся новые, целесообразные документы, которые будут учитывать национальные интересы России и будут гарантированы в своём исполнении.**

Беседу вёл Александр РЯЗАНЦЕВ

Арктика ждёт...

После войны сложилась международная традиция: в последний день лета отмечать память Полярных конвоев. Именно в этот день, 31 августа 1941 года, в Архангельск прибыл первый конвой союзников «Дервиш», доставивший в СССР товары для фронта и тыла. Поставки по ленд-лизу осуществлялись и через Атлантику и Персидский залив в Иран, и через Тихий океан в Дальневосточные порты. Но путь через северные моря был самым коротким, хотя и самым опасным – немецкая авиация и подводные лодки базировались в Норвегии, почти на пути следования кораблей союзников. И всё-таки за пять военных лет полярные порты приняли сорок конвоев. Только в 1941 году в СССР северным путём было доставлено более ста пятидесяти тысяч тонн грузов, а вывезено в Великобританию и США – почти сто сорок тысяч тонн древесины, руды, химикатов. Несмотря ни на что арктический путь оказался и важным, и эффективным.

По традиции, в конце августа – начале сентября собираются в разных странах ветераны Полярных конвоев, вспоминая приход

«Дервиша» в Архангельск и последующие за ним конвои, отдавая дань памяти всем, кто погиб в северных морях. Особо вспоминается печально знаменитый конвой PQ-17, в котором из тридцати семи судов погибло двадцать три. Кстати, PQ – так обозначали конвои, следовавшие в СССР, те, что шли в обратном направлении именовались QR. Обозначение это возникло случайно, по инициалам офицера британского Адмиралтейства P.Q. Edwards`а. С конца 1941 г. конвои стали обозначать литерами JW и RA соответственно.

Между тем Арктика сегодня превращается в центр геополитики. По данным Геологической службы США, в зоне Северного Ледовитого океана располагается более 20% мировых запасов углеводородов. И очень скоро, уверяет портал Business Insider, за эти проценты разразится нешуточная битва. Тем более что тающие льды открывают доступ не только к залежам ресурсов, но и к незамерзающему больше половины года морскому пути, кратчайшему из Атлантики в Тихий океан.

11 июля с.г. в швейцарской газете Neue Zürcher Zeitung вышла статья Рудольфа Херманна, посвящённая битве за Арктику.

Памятник участникам северных конвоев, г. Архангельск

Херманн пишет, что Арктика из ледяной пустыни превращается в важнейший геополитический регион, за присутствие в котором борются мировые сверхдержавы. Главными претендентами на присутствие в Арктике называются Россия, Китай и США. Ключевым преимуществом в грядущей битве станет количество и мощность ледоколов, имеющих в распоряжении каждой из этих стран. Россия, по заверениям Херманна, в настоящее время располагает четырьмя атомными ледоколами, в дополнение к этому строится ещё один новый суперледокол. У США же есть всего один дизельный ледокол, который был спущен на воду в 1976 году. К тому же по размерам он в два раза уступает российским.

В американских изданиях тоже время от времени поднимается арктическая тема. Причём авторы статей, как правило, сетуют, что для войны во льдах Россия подготовлена значительно лучше США, а скоро российское присутствие в Арктике может сравняться с советским, времён холодной войны.

Казалось бы, какое дело США до освоения Россией своих заполярных территорий? И почему Америка, а уж тем более Китай, должны осваивать Арктику наравне с Россией, когда площадь полярных владений США составляет 0,126 млн. кв. км., а площадь российской арктической зоны – 5,8 млн. кв. км.? Не довольно ли будет с них нефтеносного Персидского залива, где, несмотря на удалённость, они и так неплохо освоились?

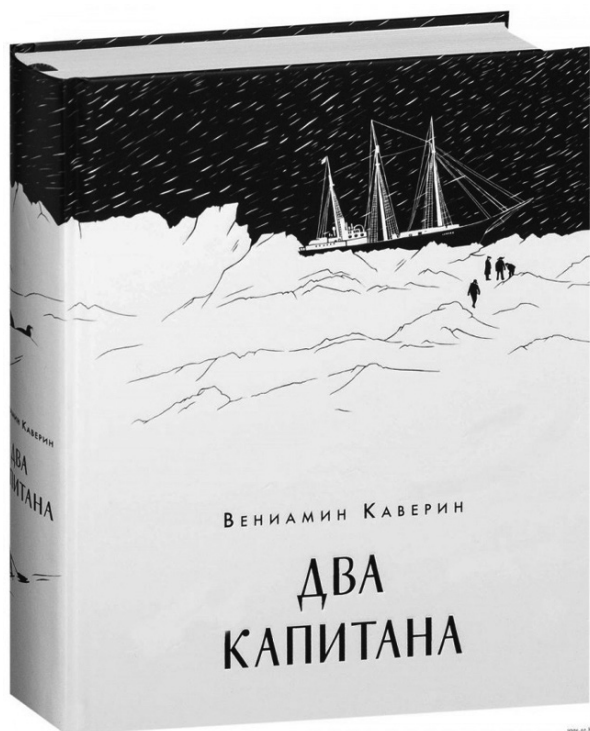
Американцы не раз высказывались в том смысле, что Арктика должна остаться местом международного сотрудничества и что Россия не может претендовать на северные богатства, которые ей не принадлежат. Дело в том, что в

20-е годы XX века сложилась норма распределения полярных территорий по секторальному принципу. Основанием такого сектора служило побережье того или иного государства, а боковыми линиями – меридианы от Северного полюса до государственной границы. В связи с этим территорией СССР считался весь сектор от северного побережья СССР до Северного полюса. Но Конвенция ООН по морскому праву от 1982 года предложила другие принципы организации границ. Конвенция установила, что суверенитет прибрежного государства распространяется на двенадцатимильную зону территориальных вод, а двести миль, отсчитываемые от исходных линий, объявляются исключительной экономической зоной. Всё остальное принадлежит человечеству, и любое государство может претендовать на разработку там шельфа.

В 90-е годы, когда Россия, пребывая в летаргии, Арктику забросила, туда, как стая голодных волков, немедленно устремились «западные партнёры». Только в 1998 году США, Норвегия и даже Германия, никогда не считавшаяся арктической державой, предприняли порядка десяти экспедиций вдоль границ двухсотмильной экономической зоны России. А в 1999 году на территории Норвегии прошли масштабные учения НАТО, причём отработывались действия в конфликте из-за континентального шельфа. Учитывая, что из арктических государств к Североатлантическому альянсу не принадлежит только Россия, догадаться, кто подразумевался под потенциальным противником, совсем несложно. Тогда же всё громче стали звучать разговоры о необходимости «интернационализировать» Северный морской путь и создать для управления им некий трансарктический консорциум.

К счастью, до этого не дошло. Северный морской путь остаётся пока российским. Когда-то в Арктику устремлялись романтики, открыватели новых земель и исследователи новых путей. Г.Я. Седов погиб, стремясь опередить Амундсена, чтобы российский флаг появился на Северном полюсе раньше норвежского. Но сегодня энтузиасты и романтики не главные. Когда-то они только готовили почву, предрекали как Ломоносов, что «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном»; описывали моря и берега, как Лаптев; искали полезные ископаемые, как Русанов. Но настало время, и в Арктику вслед за исследователями вошёл капитал. Подготовка закончена, наступает время дележа. А делить, как известно, есть что.

Арктика – это настоящая кладовая. Это углеводороды, рыба и олени, это кратчайший путь из Европы в Америку – своего рода Босфор, это запасы золота и алмазов, платиновых металлов и марганца, угля, никеля, вольфрама и апатита. Это, наконец, место базирования военно-морских сил. И всё же для России, помимо экономики и геополитики, Арктика имеет совершенно особое значение. Победа, Космос, Арктика – если уж эта триада не может считаться нацио-

нальной идеей, то национальным приоритетом и достоянием очень даже может. Освоение русской Арктики началось не сегодня и не вчера. Побережья Белого и Баренцева морей славяне заселили ещё в XI–XII веках. Потом поморы ходили к Новой земле и Шпицбергену (Груманту), через Карское море и Обскую губу – в город Мангазею на реке Таз. В XVII веке С.И. Дежнёв описал свой поход из Колымы вокруг Чукотского полуострова, доказав существование пролива между Азией и Америкой. В XVIII в. экспедиции В.И. Беринга и А.И. Чирикова, а после – Х.П. Лаптева исследовали восточное побережье Северного Ледовитого океана, описав Таймыр, Аляску, Алеутские и Командорские острова. Тогда же М.В. Ломоносов обосновал необходимость освоения морского пути от Архангельска до Камчатки. С этой целью была предпринята экспедиция В.Я. Чичагова, не увенчавшаяся успехом, но положившая начало освоению кратчайшего перехода из Европы в Америку. В те далёкие годы Арктика действительно напоминала космос: пробиться туда было непросто, существовать там – ещё сложнее.

Только в конце XIX века Россия приступила к созданию собственного арктического флота: в 1899 году в Англии был построен линейный ледокол «Ермак», начинавший плавать под командованием адмирала С.О. Макарова и прослуживший вплоть до 1963 года. В начале XX в. одна за другой отправлялись в Арктику исследовательские экспедиции, как, например, пропавшая экспедиция Э.В. Толля (1900–1902), целью которой было исследование Новосибирских островов. Или также погибшие экспедиции В.А. Русанова, Г.Л. Брусилова, Г.Я. Седова, начавшиеся, независимо друг от друга, летом 1912 года. В.А. Русанов, исследовавший месторождения Шпицбергена, намеревался потом «широко осветить, быстро двинуть вперёд вопрос о Великом Северном морском пути в Сибирь и прийти Сибирским морем из Атлантического в Тихий океан», но судно его «Геркулес» погибло во льдах Карского моря. Пройти Северным морским путём предполагал и Г.Л. Брусилов, чья шхуна «Св. Анна» вмёрзла в ледяное поле Карского моря и была затем отнесена дрейфом к Земле Франца-Иосифа. Из всей экспедиции спаслись несколько человек, покинувших шхуну и добравшихся до южной оконечности архипелага, где их подобрал «Св. Фока» – корабль погибшего Г.Я. Седова. Сам Г.Я. Седов стремился попасть на Северный полюс раньше Р.Амундсена. В докладной записке он писал: *«Амундсен желает во что бы то ни стало оставить честь открытия Северного полюса за Норвегией, а мы пойдём в этом году и докажем всему миру, что и русские способны на этот подвиг»*. До полюса Г.Я. Седов не дошёл, потому что погиб в пути, но то, что русские способны на подвиг, доказал вполне.

Счастливой оказалась экспедиция Б.А. Вилькицкого (1913–1915), впервые преодолевшая Северный морской путь с востока на

запад с одной зимовкой и совершившая крупнейшее географическое открытие XX века – был открыт архипелаг Северная Земля, названный первооткрывателями Землёй Николая II.

Россия вернулась в Арктику вскоре после Гражданской войны. Освоение Севера пошло семимильными шагами, а за Арктикой закрепилась романтическая слава. Даже первыми героями Советского Союза стали лётчики, спасатели челюскинцев.

Чкалов, Шмидт, Папанин... Имена советских полярников гремели на весь мир. А кто не слышал тогда о ледоколе «Красин», спасшем экспедицию У.Нобиле?.. Вся планета наблюдала, как советские учёные, лётчики, моряки боролись и искали, находили и не сдавались. Кстати, книга В.А. Каверина «Два капитана», появившаяся в 1944 году на волне популярности арктической темы и оказавшая огромное влияние на советскую молодёжь, вобрала в себя истории Русанова, Брусилова и Седова.

После войны на Север ехали за романтикой и «длинным рублём», находя беспрепятственно и то, и другое. Сегодня туда потянулись пресытившиеся южными видами туристы. Ростуризм уверяет, что арктические круизы могут превратиться в доходную отрасль, ведь Северу есть, что показать: полярное сияние и белые медведи, незаходящее солнце и нескончаемая ночь, берёзы, расстилающиеся у подножья грибов и бруснично-морошковые заросли, ненцы в малицах и олени с грустными глазами, грибы, среди которых нет ядовитых, и рыба, ловить которую впору ведром – ничего похожего нигде в мире не встретишь. Да и против такой «интернационализации» возражать не приходится, тем более что пока приезжают в основном иностранные туристы.

Арктика досталась России в прямом смысле потом и кровью, а потому «интернационализировать» Север значило бы примерно то же самое, что отказаться от Победы и Космоса. Но стоило бы думать не только о том, как превратить Арктику в коммерчески выгодный проект, но и о том, чтобы вернуть её в русское самосознание. Ведь Арктика для России – не просто хранилище богатств, не просто пушнина и рыба, нефть и золото. Это, прежде всего, лучшие люди и великие свершения. Это примеры для подражания – примеры самоотверженности и целеустремлённости, мужества и воли; это понимание себя, видение своего места в истории. Арктика – до сих пор ещё малоисследованная земля для кино и литературы, богатая сюжетами не меньше чем рыбой. И опять же: в одном ряду с Победой и Космосом Арктика может дать богатый материал для патриотического воспитания.

Если уж Россия возвращается на Север, то не пришло ли время вспомнить его героев, не пришло ли время объявить Арктику зоной исключительных национальных интересов.

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Олег ХИМАНЫЧ, морской историк

Небо бортрадиста Малышкина

Случается, с героями газетных публикаций доводится знакомиться и не по журналистской заботе, а случайно и при необычных обстоятельствах.

Так и с Виктором Алексеевичем Малышкиным – встретились мы по несчастью в одной больничной палате. А таких «соседей», как правило, тянет на долгие разговоры.

Вот мы и говорили...

Доброго нрава Виктору Алексеевичу и было, что вспомнить, и как у рассудительного рассказчика, да ещё и с мягким чувством юмора, множество его историй не утомляли.

К тому же имелась в них и особая «географическая привязка» – Арктика, Север, аэродромы в Лахте и на Кегострове...

Но сначала был в его судьбе год 1944-й. Уходящую на запад войну он, тамбовский паренёк, должен был нагнать в пехоте, куда поначалу его и призвали. Но вскоре случился нежданный поворот – служить направили в морскую авиацию. Таганрог был одним из её центров – здесь и авиазавод, и лётное училище, аэродромы, базы, воинские части.

Воевал Малышкин на Ил-2 – штурмовиках, летал на них над Чёрным морем. Больше запомнился первый полёт, когда попали под яростный огонь немецких «зениток».

Ни до, ни после не было так страшно...

А вскоре, уже после Победы, приспел приказ взять курс на дальний Север...

ОШМАС и «Каталина»

ОШМАС расшифровывали так: отдельная школа младшего авиационного состава. Несколько странно, но дислоцировалась она в Молотовске (Северодвинске), дорога-ми в небо никогда не связанном. Но сотни специалистов школа подготовила – радистов, стрелков и механиков. Вот и Виктор Алексеевич, прошёл здесь «переподготовку» – на фронте был стрелком, а здесь стал бортрадистом, и эту свою профессию, так вышло, приобрёл на всю жизнь.

Оставшись на Севере, сначала служил в Лахте, что в двадцати двух километрах к юго-востоку от Архангельска. Точнее, был здесь не аэродром, а гидропорт, где базировались самолёты-амфибии – от лёгких советских Ш-2 до тяжёлых американских «Каталин». Собственно с рассказа о последних и началось наше знакомство с Виктором Алексеевичем...

– Морской патрульный бомбардировщик. Летаящая лодка с двумя моторами – по 1200 «лошадей» у каждого. Сама – за шестнадцать тонн, а бомб и торпед брал почти две тонны, – нахваливал он машину. – Скорость, правда, небольшая и скромный потолок, но хороша для дальних расстояний, крепкая, надёжная – могла и в шторм и на морскую волну садится. Был у неё специальный зацеп, чтоб бедствующих с воды подбирать, и мы на учениях такую задачу отработывали...

– Хороша техника у союзников? – разгорался уже мой интерес.

– Если по правде, американцы, хоть на четверть корпуса, но впереди. Вот и Ли-2 – я на них много летал, это же, считай, американский «Дуглас», только нами слегка перелицованный...

– А ещё американская «Каталина», между прочим, имела свой непростой характер, –

Виктор Малышкин - воздушный стрелок штурмовой авиации. Чёрное море, 1945 год.

признавался Виктор Алексеевич, – Уже после войны, когда наши с американцами «поссорились», таганрогские умы попытались, было, «посадить» на американские самолёты с выработавшим ресурсом наши отечественные моторы. Путного ничего не вышло – «Каталины, будто почувствовали подмену» и в полёте стали часто «артачиться»...

– Что ж, выходит, у каждого самолёта свой характер?

– Ещё какой! – подхватывал тему Виктор Алексеевич. – Поверишь ли, но иногда так и думалось – каждый, пуская даже однотипный самолёт, он как живое и разумное существо, хотя из металла!

Увлечённо, даже с азартом рассказывал Виктор Алексеевич. И, к слову, хотя и не любил вспоминать аварии и катастрофы, об одной всё же поведал в подробностях – как раз о «Каталине», что рухнула на Угломин – остров в двинском устье. И всё сокрушался: самолёт и погибших искали долго, нашли уж как выпал снег – по торчащему из глубокого сугроба обломку крыла...

– В «Каталине» экипаж восемь душ: командир, пилот, бортмеханик, штурман, бомбардир, два стрелка по бортам и один в носу... – рассказывал Виктор Алексеевич. – А летали мы так много, так часто, что годы нас родней делали. И если трагедия, смерть

сослуживца по полку, это как бритвой полоснуть по сердцу...

Когда в 1962-м грянуло печально известное «хрущёвское сокращение Вооружённых сил», многие военлёты искали себе дело на гражданке. Бортрадист Малышкин в их числе. А ближайший от Лахты аэродром – в Кегострове, где местный архангельский пригород с тридцатых жил под гул самолётных моторов...

В завидных женихах

Кегостров – на тот час элитная гавань Севера! Как же: парк самолётов в комплекте и почти все из заводского новья. К 1958-му даже «разжились» двумя Ил-14 – роскошными лайнерами. С небес спустились «стрекозы»-вертолёты, у берега Двины загудел аэрогидропорт. Ну, где ещё лучше?!

– Вот скажи, кто в Архангельске пятидесятых ходил в завидных женихах? – смеялся Виктор Алексеевич и сам отвечал. – Моряки заграники и лётчики, которые на дальний Север летали. У тех, и у других зарплаты высокие, надёжные – это раз! А ещё и романтика: у какой девчонки голова не закружится от Лондонов и Марселей, куда беломорскую доску возили?!

– А, что у кегостровских лётчиков?

– Диксон, Земля Франца-Иосифа, Шпицберген... Разве не романтика?!

– Как же! Про Диксон тогда песни слагли...

– И то верно: столица всего – Диксон! Можно сказать, мы, кегостровские, Диксон более всего обжили. Правда, аэродром там отдельно от посёлка – через пролив на острове, без катера не доберёшься. А добирались! Потому как в посёлке клуб по той поре роскошный и каждый вечер танцы под духовой оркестр. И молодёжи полно – молодёжь тогда в Арктику рвалась, и жизнь кипела! Многие наши ребята себе невест оттуда поувозили...

– И вы по тогдашним меркам ходили в завидных женихах? – подзадоривал я. На то Виктор Алексеевич добродушно улыбался и рассказывал уже о семье. Она у него появилась здесь, в Архангельске, и первое время жила на Кегострове. Родились две девочки и мальчишка, которых, чувствовалось, лелеял-обожал Виктор Алексеевич...

Но нисколько не огорчился полярный пилот, что дети избрали иную профессию, пошли не по авиационной стезе, а все, как один – по медицинскому направлению. К

4-я отдельная Молотовская школа ШМАС. Класс № 9. Ученики – бывшие участники войны.

слову, одна из дочерей Виктора Алексеевича – Татьяна Викторовна Лужбинина – сегодня известный в Северодвинске врач-кардиолог.

Будни и праздники

– А на крайнем западе Шпицберген и ЗФИ. Расскажите – я-то худо представляю, что там в ту пору было?

– На Шпиц мы грузы и людей без конца возили, – вспоминал Малышкин, – там же советский брат-шахтёр целыми колониями день и ночь уголёк рубил. Уголёк, если по правде, низкокалорийный, зольный, но для наших северных пароходов очень даже сгодился, когда с кардиффскими и донецкими сортами надолго образовался дефицит... Баренцбург, считай, это тамошняя столица

– скажем так, образцово обихожанный городок. А помимо Баренцбурга были ещё Пирамида, Грумант – тоже горняцкие вотчины... Мне они как-то больше сверху запомнились, а две их радиосигнальные «привязки» даже по сей день на слуху – маяк Линне – тот, что встречный на Шпицбергене, и Маккауэр, этот, когда с островов уже к материку отворачиваешь. И был у нас ещё один замечательный визуальный ориентир – советская шахта №5 – всегда в ярких огнях, как вечная новогодняя ёлка...

В местные бухты наши моряки частенько заходили. Больше помню «Дежнёва» – он там всякую летнюю навигацию будто прописался. Многие ребята с этого парохода числились у нас в знакомцах, и мы им при случае своими «крыльями покачивали», мол, привет земляки-архангельцы!

– В бухте Тихой, где Георгий Седов на «Фокке» зимовал, тоже бывали?

– Это на ЗФИ, в бухте Тихой... Могилы Седова не видел – она уже тогда считалась пропавшей, а вот к местной полярке мы частенько вплотную подсаживались – там и аэродром, и склад ГСМ – топлива-то нам только в один конец хватало, приходилось подсасывать... Эх, ЗФИ – для многих романтиков острова мечты! Всей тамошней красоты не передать, вот только медведей тьма!

О медведях у Виктора Алексеевича имелось сразу несколько историй: как порой приходилось «отстреливаться» от хозяев Арктики из сигнальных ракетниц, или, напротив, как «забавлялись», подбрасывая

Легендарная американская «Каталина» или звено «Каталин» в полёте.

полярным сладкоежкам банки сгущёнки... Но одна история получилась совсем уж особенная, когда архангельских лётчиков попросили «подбросить» для зоопарка на материке пару медвежат. Медвежата молодые – пестуны, то есть, ещё до трёх лет возрастом, и, конечно в клетке. Но уже в полёте то ли переволновались зверушки, то ли ещё какая причина, хотя и в клетке они сидели, но устроили в хвостовом грузовом отсеке настоящий тарарам. Пассажиры перепугались – бросились в кабину к лётчикам, мол, караул – спасите! Так и не долетела тогда буйная медвежья парочка до Кегострова – пришлось срочно садиться в Оленегорске...

Ах, «открутить бы назад» то время, чтоб подробнее вспомнились многие уже подзабытые детали его повестей о буднях и праздниках Кегострова, кровно связанного с небом. Как редкий день здесь обходился без полётов, как с радостью посезонно меняли крылатые машины свою «обувь», переходя с колёс на лыжи и наоборот. Как осваивали экипажи новые аэродромы по Архангельской области. Хотя, какие тогда аэродромы, скажем, в Пинеге или Лешуконском? Так, лысая поляна среди тайги, а на краю – изба вместо аэровокзала! Или вот «полёты на зондирование» с метеорологами. Ли-2, хоть и доходный аэроплан, а тут карабкался на максимальную высоту, чтобы «снять показания», ведь чем выше замер, тем выше зарплата. И здесь Виктор Алексеевич хохотал:

Кегостров – элитная воздушная гавань Севера. Год 1955-й. Друзья-пилоты гражданской авиации. Дом лётного состава по улице Колхозной, 8.

Экипаж Ли-2 к вылету готов

Большой день авиации Архангельска – из Киева в Талаги привёл первый Ан-24
1966 год.

– Был, был у нас экономический стимул разогнаться, чтоб «подпрыгнуть»...

Впрочем, не только по отдалённым окраинам летали в те годы кегостровцы, но и в столицы наведывались. Правда, рейсы на ту же Москву были тогда с посадками – чаще в Череповце или Вологде. Пока то да сё – считай, лёту целый день. Обратно, если «газетный рейс» (с тиражом центральной прессы и почтой), тогда летели без посадок и «укладывались» в пять часов...

И снова рассказывал Виктор Алексеевич о необычном острове-аэродроме, что бытовал на виду у всего Архангельска: в соседстве с местным лесопильным заводом и совхозом, в тесном кольце поморских деревень, как буйно зеленел он с летним теплом и, напротив, ощетинивался дымами избяных труб в морозы, как навечно сроднился со своей речной переправой, ведущей в город...

Когда же мы с Виктором Алексеевичем об Арктике говорили, частенько, хотя и ненадолго забирал его пафос, мол, нигде так не сознаёшь, сколь велика Россия, когда вдоль Севморпути идёшь и что ты – как крохотная песчинка огромной станы. Впрочем, вскоре снова не без восторгов он возвращался к местной прозе:

– А чем Архангельск тех лет не чудо, которое только сверху и разглядишь?! Совсем не то, что сейчас, а рабочий город посередине тайги, поля возделаны, редкий остров не обжит, а порт длиннющий, вся река, всё устье и берега парходами заставлены. Как же глазу это любо-дорого! И заводов – больших и крохотных – тьма тьмушая! И всё по живому, правильному распорядку – всё в работе...

Родной Кегостров

Был Виктор Алексеевич в экипаже, который 30 марта 1966-го привёл из Киева в Архангельск самый первый Ан-24. Есть снимок того дня: радостные, гордые за свой труд лётчики на полосе аэродрома в Талагах. И уж точно не помышляли они, что в двадцатом столетии их коллегам на подобные мгновения будет везти куда реже, а иным и вовсе гордиться нечем, хотя бы потому, что во времена молодости бортрадиста Виктора Мылышкина месячная норма налёта экипажей гражданской авиации составляла от 120 до 150 часов. У нынешних показатель много скромнее...

На лётную судьбу свою Виктор Алексеевич не жаловался: по сути, числился в первопроходцах северного неба 60-х, работал в экипажах первых в Архангельске Заслуженных пилотов СССР Ф.Д. Попова и В.Т. Киселёва, и свою карьеру бортрадиста завершал уже на Ил-18... Об этом, казалось бы, в первую очередь мог бы поведать рассказать ветеран. Ан нет! Хоть давно уж не слышны аэродромные гулы на заречном Кегострове, именно он чаще будил память Виктора Алексеевича...

– Когда из рейса возвращаешься, с какой бы стороны к городу ни заходили, ищешь, прежде всего, очертания Кегострова, – итожил он рассказы о своей молодости. – С пилотами и штурманом в роде ясно – им машину на аэродром нацеливать и сажать. А мне, радисту, с чего бы в иллюминатор глазеть?! Но ведь такая радость на душе, когда Кегостров видишь, родной наш Кегостров под крылом!

Всё описанное в рассказах, написанных в форме писем знакомой по имени Анечка, случилось в рабочем посёлке (тогда ещё) под названием Коряжма, в его окрестностях и на ремонтно-механическом заводе, на котором рассказчик имел удовольствие проработать определённое количество лет. Герои рассказов – простые люди, жители посёлка, охотники, рыбаки, рабочие местных предприятий, в основном – большого целлюлозно-бумажного комбината, вместе с которым и строился рабочий посёлок.

Евгений АНТОНОВ

Доброе утро, Анечка!

Программа телепередач на завтра

Доброе утро, Анечка!

Расскажу тебе ещё одну историю, раз тебя так заинтересовала наша суровая ироничная жизнь.

Структура местного Рыбнадзора для меня всегда оставалась загадкой. В прежние годы сюда наезжали инспекторы из Яренска. Оно и понятно – район-то Ленский. Я и сам с ними сталкивался, когда донками рыбачил в покое. С кокардами, при оружии. Только что с меня возьмёшь, размахивающего над головой леской с двумя крючками?

Затем проверяющие стали появляться с обоих концов реки, разношёрстные, кто на чём, и было непонятно, кто за какой участок отвечает.

Сейчас с проверками ездят из Котласа или Коряжмы, хотя район тут, опять же, Ленский.

И ты знаешь, это моё невежество меня вполне устраивает. И то, что я с ними близко не знаком, устраивает ещё больше! Пусть так оно и остаётся! Однако по рассказам Бычка с Хмелем, я слышал о нашем Коряжемском инспекторе Валере Пономарёве, по кличке, естественно, Пономарь. В принципе, все они, что рыб-, что охотинспекторы – такие же заядлые рыбаки и охотники, как и все прочие, только с претензией на что-то большее и соответствующими полномочиями. И лодки их, которые личные, стоят на тех же лодочных станциях, что и у других. И знают они всех местных браконьеров, как облупленных, как, впрочем, и те их. Это нормально. В

таких отношениях главное – не нагнать, не зарываться и, как говорится, не переступать черту. Как тем, так и другим. Так оно было всегда, ещё с незапамятных времён.

Вот, например, не при мне это было, неразлучная троица – два брата, Серёга и Эдик Шушпановы и их закадычный дружок Лёха Сазонов, по кличке, естественно, Сазон, выловили как-то раз сёмгу, зашедшую чудесным образом из Двины. Ну, выловили, так и радуйтесь меж собой потихоньку! Так нет же, те давай друзьям хвастаться по телефону. Может, спяну, а может, от радости такой мозги поотшибало. Скорее всего, что и то, и другое. А ведь на лодочной вести разлетаются быстрее, чем в телеграфных агентствах. А если ещё учесть, что лодочная наша расположена вплотную к Спасательной Станции, где держат свои плавсредства и ГИМС, и Рыбнадзор, и охотведы, то совсем неудивительно, что уже на следующий день, рано утром Пономарь с напарником оказались на стоянке у Шушпанов. Те даже и проснуться-то толком не успели. На вешалах у них сетки сохнут, прямо возле лодки фитили горкой сложены, а в холодной яме, в мешке, помимо прочей рыбы и сёмга лежит.

Тут расклад всем понятный: у одних работа такая, другие, сколько на них глаз не закрывай, попались с поличным, придётся хоть как-то да отвечать. Для формальности, как положено, составили протокол и стали договариваться. В итоге, пришли к согласию: конфискует у них Пономарь сетки, что уж совсем на виду, да пару фитилей, что похуже, ну, и штраф выпишет, небольшой. В том, что рыбу заберёт, даже никто и не сом-

невался и претензий не предъявлял – так уж заведено.

Уехали инспекторы, и, вроде, не на что на них рыбакам обижаться. Сами, дураки, себя наказали за длинный язык и «халатное отношение к делу».

Но в другой раз по-другому вышло. Что там у них стряслось до этого – поди, сейчас разберись, а только обиделись сильно Шушпаны с Сазоном на Пономаря. Обиделись и решили ему, при случае, сказать, что они обо всём этом думают. А случай такой подвернулся, когда эти балбесы, будучи уже навеселе, собрались с лодочной выезжать на очередную рыбалку, а Пономарь, по каким-то делам, туда спустился. Увидев его, идущего к будке дежурного по бону, те тут же выскочили из лодки, и пошли доказывать неправоту своего оппонента. Лёха даже, на ту беду, прихватил весло, для пущей убедительности. Этим-то веслом ему по челюсти и досталось. В результате лишился Лёха пары зубов (хорошо хоть челюсть цела осталась), а Эдик с Серёгой залечивали синяки и ссадины, в основном на лице. Они ведь тогда ещё не знали, что служил, в своё время, Валера Пономарёв в штурмовом десантном батальоне, и навыки свои, за годы гражданской жизни, растерять не успел. Понятно, что обиделись они на него пуще прежнего, но и опасаться стали куда больше.

То, что они придумали тем майским праздничным вечером, превзошло все мои ожидания и подняло их в моих глазах на несколько пунктов.

Весёлые длинные выходные заканчивались, волна гостей схлынула, и на стоянке продолжало оставаться пятеро самых отъявленных и стойких, включая неразлучную тройцу, которые ежегодно брали отпуска, больничные или просто отгулы именно на первую половину мая. Жили они тут, кстати говоря, почти безвылазно две-три недели, по очереди гоняя в город на «побывку», чтобы отвезти всё добытое, помыться и пополнить истощившиеся запасы. Так вот, ближе к вечеру, выехавшие домой товарищи и такие же братья-браконьеры, стоявшие на реке течением ниже, сообщили по телефону, что к ним едет Пономарь. Ну, может, и не к ним конкретно, а только до них он доберётся точно. Тут уж к бабке не ходи! И что, ты думаешь, они придумали? Нет, слушай, это просто гениально!

На той самой простыне, служившей им пологом, они мастерски нарисовали углём и валявшимся у кого-то в лодке синим маркером экран телевизора с диктором и праздничной заставкой, мозолившей всем глаза в те майские дни. Затем, натянув этот экран меж двух деревьев, они соорудили перед ним пару скамеек и маленький столик, на манер журнального. Заслышав рёв мотора на входе в полый и определив наверняка, что к ним подъезжает Пономарь, они расселись перед экраном в позах людей, увлечённых захватывающим зрелищем, выставив на столике пивные банки, водочные бутылки и надорванные пакетики из под сухариков.

Причаливший к берегу Пономарь не сильно удивился тому, что его никто не вышел встречать. Он к этому уже привык. Но какого же было его удивление, когда, поднявшись к костру, он обнаружил описанную выше картину! И ладно бы только это! Парни на него вообще никак не реагировали, на вопросы не отвечали и вели себя так, словно его здесь не было! Они просто продолжали тарачиться в нарисованный экран телевизора, словно загипнотизированные. Вот такого Пономарь ещё не видел!

Походив вокруг них какое-то время, он не решился их тормозить руками, а просто смачно выругался и заключил вслух: «Допились, идиоты!». Плюнув, он спустился к лодке, завёл мотор и уехал.

Ржали они до упаду, до коликов в животе. Хорошо ещё выпивки немного оставалось, а то чуть плохо не стало со смеху! И до сих пор

ходит эта байка в их среде, как высочайший образчик рыбацкой изобретательности и фантазии!

Казус ухажёра

А с мотоциклом своим, под названием «Иж-Планета-Спорт», возился Володя, как с дитём малым. Вернее, как малое дитё с любимой игрушкой. Мыл, чистил и драил его так, что он весь блестел и сверкал своими никелированными и полированными деталями даже в пасмурный день. Весёлый блеск буквально гипнотизировал народ, собиравшийся вокруг этого чуда техники, стоило Володе ненадолго оставить его во дворе. Даже спустя пару лет после покупки, мотоцикл выглядел так, что люди несведущие полагали, что он буквально на днях сошёл с заводского конвейера и каким-то волшебным образом оказался здесь, в Коряжме.

Такое великолепное состояние мотоцикла объяснялось ещё и тем, что Володя ухаживал за ним больше, чем на нём ездил. Так он его берёг. Не был Володя гонщиком по своей природе. Для него важнее было просто обладать такой чудесной машиной, а, сверх того – чтобы машина эта работала как швейцарские часы, которые Володе тоже непременно бы приобрёл, будь у него такая возможность.

Хороших дорог за пределами Коряжмы тогда ещё вообще не было, разве что «бетонка» до железнодорожной станции Низовка, и разогнать такой мотоцикл по-хорошему было просто негде. А гонять на нём по плохим дорогам Володя не хотел. Так только, на дачу или на рыбалку, когда сухо. Ну, и вообще, на природу, особенно в компании. Кто же не любит, будучи молодым, выехать компанией в погожий день куда-нибудь на берег реки или в чистый, светлый бор и повеселиться там от души, с музыкой, песнями и разными интересными напитками, способствующими возникновению тяги к музыке и песням? Когда-то выезжали на вёсельных лодках, в телегах, запряжённых лошадьми, потом на велосипедах и мотоциклах, а также моторных лодках, ну, а сейчас – на автомобилях, конечно же. Впрочем, Анечка, ты и сама всё это прекрасно знаешь, и не мне тебе рассказывать про езду по сельской местности на мотоциклах! Чего только не происходило в таких увеселительных поездках! Наверное, каждому, кто в них участвовал, есть что вспомнить. Вот и с Володей случился однажды курьёз, о котором он тоже вспоминал, но нехотя, с горькой усмешкой.

Поехали они, всей большой компанией Володиных друзей и знакомых (а, будучи общительным, имел Володя очень широкий круг знакомств), на мотоциклах в лес, на известное многим чудесное место, по той самой дороге, по которой я тебя возил в Христофорову Пустынь. Помнишь? Мы ещё проезжали железнодорожный переезд в Черёмухе. Вот тут-то и случилась с Володей эта неприятность.

В качестве предыстории, следует заметить, что нравилась Володе одна девушка из их круга. Очень даже нравилась. Ну, и ухаживал за ней Володя, как умел, то есть не ухаживал за ней совсем, как это принято понимать, а лишь пялился на неё во все глаза, боясь заикнуться о своих чувствах, и оказывал всякие нелепые знаки внимания. Хотя ухажёр мог бы получиться из него знатный – и мотоцикл-то у него самый лучший, и на гитаре-то он играет так, что заслушаешься, и нравом-то он весёлый... да ещё к тому же умный! Подводила Володю его природная робость в отношении противоположного пола. Но удача Володю, в этот раз, не подвела – по дороге на пикник девушка эта оказалась на заднем сиденье его мотоцикла с Володиной же гитарой за спиной!

Ах, как Володя был этому рад! И, естественно, изо всех сил старался оправдать доверие, оказанное ему СВЫШЕ. Как ветер промчался он по дороге до Черёмухи, первым подкатил к железнодорожному переезду и остановился перед опущенным шлагбаумом – на тот момент как раз ожидалось прохождение поезда. Досадно было Володе, ведь он хотел дать всем такой отрыв, что об этом потом долго бы вспоминали! Ну, да ладно. Он своё наворачивает, только полпути ещё проехали. И вот Володя стоял перед шлагбаумом, слыша, как подъезжают с грохотом и тарактеньем остальные члены их дружной компании, и нервно покручивал ручку газа, как настоящий гонщик перед стартом, ожидая, когда же этот шлагбаум поднимется.

А шлагбаум тот был устроен весьма своеобразно, сейчас таких уже не встретишь – стандарты изменились. К его основной поперечной балке на кольцах крепились дополнительные вертикальные элементы в виде коротких, также ярко раскрашенных палочек (или трубочек). Получалось что-то вроде бахромы. Причём на концах этих палочек (или трубочек) также были колечки, видимо, для того, чтобы их можно было ещё удлинить.

Вот прогромыхал поезд, и шлагбаум начал подниматься. Медленно так, как Володе тогда казалось. Не в силах дожидаться окончания этого действия, Володя, дав газу и бросив рычаг сцепления, рванул в образовавшийся просвет, только палочки шлагбаума брякнули о его шлем. Но девушка, бедная девушка, до этого беззаботно сидевшая за его спиной, осталась висеть на поднимающемся всё выше шлагбауме! Гитара, которую она везла за своей спиной грифом вверх, зацепилась колками за дополнительные элементы этого дьявольского изобретения, эти чёртовы висюльки! Не понимая происходящего, дрыгаясь, и болтая всеми конечностями, как кукла-марионетка в руках неумелого кукловода, она выскользнула таки из под гитарного ремня и, совершив короткий полёт, плюхнулась на усыпанную гравием землю, сильно ушибив ногу. А гитара так и осталась висеть там, на шлагбауме, вознесённая им ввысь, как символ любви, вечной молодости и свободы. Хотя кто-то решил, что больше она была похожа на приз, подвешенный на обледеневший столб в Масленицу.

А Володя, увлечённый дорогой и почувствовавший себя настоящим мотогогонщиком, к величайшему своему стыду, даже не заметил пропажи той, на которую он так неровно дышал. Чуть пригнувшись и привстав на подножках, словно на стременах, он с рёвом пролетел вдоль по деревне ещё с полкилометра, пока не почувствовал неладное. А уж когда он почувствовал, что что-то пошло не так, и осознал всю нелепость ситуации, он, конечно же, быстро развернулся и примчался обратно к переезду, однако было уже поздно. Анекдот уже сложился, и обновить его выход «в широкие массы» было уже невозможно. Как говорится, баба не воробей – залетит, не выгонишь!

А, да, кстати, с девушкой той так у Володи ничего и не вышло.

Новая эра

Началась эта эра с того, что новую лодку мы чуть не сожгли ко всем чертям! Мы – это мой самый близкий друг детства Серёга Ефимов, живущий в нашем подъезде этажом ниже, и я.

Привезли её, в полдень, в упаковке из брусков, фанеры и промасленной бумаги, прямо к нам на Набережную, и сгрузили за последним рядом гаражей, где до откоса и спуска к «лягушатнику» оставалось всего метров пятьдесят. Это он сейчас, кстати, стал лягушатником, а в те времена это был

хороший речной залив, по которому моторки мелькали одна за другой, и весь берег был уставлен лодками.

Так вот, сгрузили, значит, наш новенький «Крым» за гаражами, отец специально для этого с работы отпросился, и оставили его там до вечера. Мне, только вернувшемуся из школы, велели сторожить. А нам с Серёгой только того и надо – уроки можно не делать, мы лодку караулили!

Походили мы вокруг неё кругами, посмотрели, пощупали, и стали искать себе ещё какое-нибудь занятие, чтобы не было скучно. А чем можно заняться пацанам в двенадцать-тринадцать лет погожим майским деньком, когда перед тобой заросли кустов и сухой прошлогодней травы, а в кармане у тебя заваялся коробок спичек? Ну, ты знаешь.

Берег, на котором когда-то, при строительстве комбината и посёлка, производились земляные работы, размещались открытые склады стройматериалов, и даже была проложена железнодорожная ветка, был весь изрезан канавами и ямами, заполненными талой водой. Поэтому мы нисколько не опасались устроить хоть какой-нибудь маленький пожарчик. Кроме того, мы уже были натренированы, при необходимости, сбивать пламя с травы и затапывать его ногами. У нас и обувь по весне была вся обожжена и оплавлена. Не учли мы только того, что «Аннушка уже разлила масло».

Да, представь себе, Анечка (не Аннушка), у какого-то идиота хватило ума вылить на то самое место, где лежала лодка, целое ведро (а может, и не одно), отработанного масла. Растеклось оно широким пятном, незаметным в сухой траве, частично впитавшись в землю и мелкий мусор, и только ждало своего часа. А тут и мы со спичками подоспели!

Когда мы поняли, что подбиравшееся к лодке, весело потрескивающее пламя невозможно затаптать, нас охватило, что называется, состояние аффекта. Мы, не сговариваясь, при этом что-то бессвязно выкрикивая и не по-детски матерясь, скинули с ног сапоги, и, в одних носках, начали судорожно таскать в них из ближайшей канавы воду. Выливаемая из сапог вода, однако, не давала ожидаемого эффекта. Тогда мы, вдвоём, уцепились в валяющуюся тут же, в канаве, деревянную, намокшую створку ворот от какого-то старого разломанного сарая, приволокли её к лодке и бросили сверху на остановленное в движении, но всё ещё не сдающееся пламя, вылив сверху ещё несколько сапог воды!

Когда всё было кончено, мы просто рухну-

ли в изнеможении на траву и лежали молча какое-то время, не в силах отдышаться. Придя же в себя начали дико смеяться, показывая на разодранные носки, промокшие до колен штаны и чумазные рожи. А эту створку ворот, так нам помогшую, мы уже не смогли оттащить хоть немного в сторону. У нас хватало сил, только чтобы немного приподнять её с одного конца и снова бросить. Однако отец, прилетевший как на крыльях вечером с работы, и увлечённый своей новой и большой игрушкой, ничего и не заметил. Средний брат, правда, обратил внимание, на наше состояние и обгоревшую траву. Мы ему всё и рассказали.

Тот лишь беззаботно рассмеялся и вынес свой простой вердикт: «Ну, вы и дураки!» И трудно было с ним не согласиться.

И ещё это «новое время» ознаменовалось поступлением старшего брата в институт. Три года подряд он пытался это сделать, работая в перерывах модельщиком литейного цеха у нас на заводе, и, наконец, у него это получилось. Поступив в свой заветный «политех», расположенный в городе, тогда ещё, Горьком, брат там и остался, лишь наездами бывая в родной Коряжме. Для меня, как и для среднего брата, это означало многое. Прежде всего, то, что я теперь мог спать не в большой комнате на диване, а в нашей «ребячьей» комнате на настоящей кровати, с письменным столом

в изголовье, на котором стояла настольная лампа, и громоздились кучи всяких полезных вещей, до которых можно было дотянуться, не вставая с этой самой кровати. Ну, а кроме того, новенькая лодка оставалась теперь в нашем, со средним братом, распоряжении, когда отец ею не пользовался.

Со старой лодкой «Крым» не шёл ни в какое сравнение. Что ты! Лёгкий, тонкостенный, сварной, просторный, удобный, с тентом, рулевым управлением и обводами тримарана он летел по гладкой воде, как на крыльях! Единственным его недостатком было, пожалуй, то, что, будучи плоскодонным, он не резал волну, а скакал по ней. Однако это всё с лихвой компенсировалось его ходкостью по спокойной воде и той лёгкостью, с которой его можно было протаскать по любым отмелям, просто взявшись за ручку на носу.

Тут, весьма кстати, выяснилось, что у меня вполне уже хватает сил и сноровки, чтобы заводить «Вихря» и обходиться со всем остальным лодочным хозяйством.

Бензин я приноровился возить на лодочную в канистрах, привязанных к раме велосипеда (как делали многие), или просто засовывал канистру в рюкзак и вёз её за спиной. И не забыть мне анекдотичный случай, когда однажды я, вот так, с канистрой за спиной, подкатил на велике к спуску на лодочную и нацелился съезжать по крутой тропинке, кото-

рая вела к самой воде вдоль деревянных трапиков. В самом начале спуска мне пришлось, клацая от тряски зубами, перескочить через несколько рытвин, промытых дождями между корнями деревьев. На этих-то рытвинах и соскочила со звёздочки ослабленная велосипедная цепь. Заметил я это буквально в ту же секунду, когда попытался начать притормаживать. Заметил, но сделать уже ничего не мог. Велосипед начал стремительно разгоняться по тряской узенькой тропинке, слева тянулись деревянные мостки с наколоченными поперечинами, чтобы не скользили ноги, справа – камни, кочки и ухабы, поросшие ольхой и кустарником. Будь я налегке, можно было бы ещё попытаться соскочить с велосипеда на ходу, но болтавшаяся за спиной двадцатилитровая канистра, полная бензина, лишала меня и этих шансов. Я тут же сообразил, что до воды доехать у меня не получится в любом случае – тропинка делала несколько зигзагов, обходя большие камни-валуны и глубокие ямы, миновать которые, с такой скоростью было просто невыносимо. Оставалось только одно – влетать, на полной скорости в кусты и деревья – перспектива не из радужных, но всё же лучше, чем кувырнуться через валуны и ямы с последующим приземлением на кучу топляков ржавого железа, валявшегося у самой кромки воды. А тут и место подходящее нашлось! На небольшом и относительно пологом пятачке, в самых зарослях дикой малины и крапивы, мужики, отправляясь на рыбалку, повадились копать червей. Земля здесь была изрыта настолько, что колёса велосипеда неминуемо должны были в ней увязнуть. Так оно и случилось. Не упуская своего шанса, я резко свернул с тропинки на этот пятачок и уже в следующее мгновение летел «щучкой» через велосипедный руль, вытянув предусмотрительно руки.

Просто плюхнуться плашмя в грязь – дело почти болезненное, а для некоторых даже и приятное. Но это, опять же, когда ты налегке. Но эта чёртова канистра за спиной сделала своё чёрное дело – словно производя контрольный выстрел, она гулко ударила меня по затылку, лишь только моё лицо окунулось в мягкую, напитанную водой землю, вогнав в неё мою голову почти целиком. Вдобавок ко всему, велосипед, перевернувшись, обрушился мне на ноги. Ощущения мои были, как ты, Анечка, сама понимаешь, непередаваемы! А на душе, всё равно, не было грустно – могло всё выйти куда как хуже! Тем более что для тех, кто видел мой спуск, находясь на лодочной, я просто скрылся в кустах. Этот случай научил меня спускаться к лодочной пешком.

Грести же вёслами я научился, когда мне не было ещё и десяти лет. В общем, готов я был по всем статьям. И началось моё свободное плавание!

Ездил я, по началу, недалеко. До дач с мамой и бабушкой, когда позволял уровень воды, или на «ближнюю» рыбалку с друзьями. И знаешь, кто меня учил навигации, помимо того, что я успел нахвататься от отца и старших братьев? Не поверишь – бабушка!

Да, это была боевая бабка! В продовольственном магазине «Луч», ближайшем к нашему дому, её многие знали и очень даже побаивались. В неизбежных тогда очередях за мясом и колбасой она не давала спуска никому, тем самым обеспечивая нашу семью дефицитными продуктами, пока родители были на работе. Она была безграмотной, но в жизни разбиралась получше многих людей учёных, особенно когда дело касалось искусства выживания. Все свои зрелые годы она проплавала на самоходных баржах и пароходах по реке Каме, в качестве то разнорабочей, то поварихи. Да и мама с ней не один год проплавала, в летнее время, когда в школу ходить было не нужно.

Так вот, учила она меня просто и наглядно: «Ты почто сюда-то едешь, дурачок?! Створов на берегу не видишь? Так вот и езжай на них, как совпадут!» Или: «Ты за бакен-то не заезжай, не заезжай! Не смотри, что место-то широко! Кто потом тебя с мели-то стаскивать будет? Я что ли?» Или: «И куда ты, паренёк, разогнался то? Там же бакен свальный стоит! Сейчас в перекат-то и ткнёшься!» Ну, и так далее. При этом рука её так и тянулась дать мне подзатыльника или тычка в спину. Надо отдать ей должное, уроки её приносили большую пользу. Так она научила меня «читать» навигационные огни на мачтах катеров и буксиров. С её подачи я мог уже точно определить, что за посудина приближается в темноте, что она буксирует, и с какого борта. А при тогдашней интенсивности судоходства на Вычегде, это было очень важно. Много было случаев, когда люди били лодки и моторы, и сами тонули, налетев в темноте на буксируемую баржу или плот, а то и залетая скоростной «Заре» прямо под форштевень.

Позже, годам к пятнадцати-шестнадцати, мы уезжали уже настолько далеко, насколько хватало бензина, то есть аж до Литвиново, тех самых мест, где мы с тобой, Анечка, иногда так хорошо рыбачим. В одной из таких поездок я и открыл для себя те самые загадочные «чёртовы пальцы», которые так удач-

но вписались в интерьер твоей прихожей. Вернее, мои друзья открыли их, получается, для нас всех. А случилось это вот как.

Поехали мы в начале лета, после окончания девятого класса, вчетвером, к отцовской землянке. Ты в том месте была, знаешь. Думали порыбачить пару ночей удочками на заломе, однако добрались туда лишь на вторые сутки. Так сложились обстоятельства.

Когда мы проезжали высокий и обрывистый Федяковский берег, мотор вдруг встал. Резко, без всяких сбоев, словно кнопку «Стоп» нажали. И сколько я ни дёргал за стартёр – ни малейших признаков жизни. Пристали к берегу на вёслах, чтобы не сносило течением. Я достал инструмент и стал разбираться. При первом осмотре, всё было в порядке: искра на обоих цилиндрах – слона убьёт, топливо поступает исправно, кнопка «Стоп» не замыкает – я даже провода её отцепил, чтобы не думалось. В общем, «фары протёр, пепельницу вытряхнул, а всё равно не заводится!» Немного подумав, я ещё снял стартёр и проверил момент размыкания контактов прерывателей – всё было почти идеально. Опираясь на свой опыт, мне оставалось предположить, что либо залегли в канавках поршневые кольца, что случалось при использовании некачественного масла, либо вышли из строя клапанные шайбы. И то, и другое требовало разборки мотора. Мороки много, особенно в полевых условиях, но делать больше ничего не оставалось, тем более что устройство мотора мне уже было куда как знакомо. Развернули лодку транцем к берегу, отцепили рулевое, сняли мотор. Расстелив на галечнике брезентовый плащ, я принялся за дело.

А ребятам чем заняться? В этом деле они мне были не помощники. Ну, и стали они искать себе занятие по душе. Один развёл костёр, котелок повесил, стал что-то на обед придумывать. Второй размотал удочку и начал, на удивление ловко, вылавливать пескарей. Третий же просто слонялся по берегу и, временами, помогал нам всем, как умел. После полудня к реке спустился какой-то пожилой, но довольно крепкий, плотно сбитый мужик. Сказал, что из Федяково, и пришёл проверить, что тут за компания образовалась у них под носом. Опасения его были вполне понятны: на берег были вытащены и заперты цепью на замок к толстому стальному тросу, торчащему из песка, несколько лодок, на двух из них даже висели моторы, укутанные бре-

зентом от непогоды. Объяснениям нашим он, видимо, не очень поверил, несмотря на очевидность ситуации, потому что продолжал торчать на берегу, наблюдая за нами, и, иногда заводя неспешные беседы на незначительные темы. О погоде, там, о рыбалке, о том, как раньше оно было. Вот тут-то, один из моих друзей, неопределившийся с занятием, и наткнулся на первый камешек.

«Ух ты! – воскликнул вдруг он, нагнувшись, и что-то подобрав у себя из под ног, – Смотрите, какая штука интересная! Как наконечник от стрелы! А вот ещё один! Ничего себе!»

Да, это были они, «чёртовы пальцы». Сразу на память приходит твоя реакция на первые «пальцы», которые я подобрал и показал тебе.

«А ты, правда, их здесь нашёл, а не привёз с собой?»

Федяковский абориген тоже был слегка удивлён, но только в другую сторону: «Так это же чёртовы пальцы! Вы что, не слышали про них никогда?»

Нет, не слышали. И уж тем более, не встречали. Бросив все дела, мы тут же принялись их искать. В результате, насобирали примерно такую же коллекцию, что ты увезла к себе домой. Не зная, как для тебя, а для нас это было что-то вроде маленького чуда: полупрозрачные, конусообразные, с отверстием внутри, словно специально сделанным, чтобы вставить туда древко стрелы, и разных размеров, от тех, что похожи на детский мизинчик, до крупных «морковок». Подсознательно уверовав в магию, об их истинном происхождении мы тогда и не задумывались. Это уж потом, будучи взрослым, я стал выдвигать разные версии. Ты их слышала, и ты знаешь, чем всё закончилось.

Наш же соглядатай высказался по этому поводу просто: «А они всегда тут лежали, сколько мы себя помним, и деды наши. Вреда от них никакого нету, а одна, вишь, только польза. Порежешься, бывает, ножом, али ещё как поранишься, разотрёшь это камешек в порошок, ранку присыплешь, она и заживёт быстрёхонько!»

Вот как оно бывает! А теперь попробуй сказать, что врут всё про особые точки на земле, где сходятся меридианы или какие-то иные магические оси, и в которых вещи происходят абсолютно необъяснимые, но, казалось бы, предрешённые. Ведь, разобрав, у костра, в течение вечера и последующей ночи, весь мотор практически «до косточек», я так и не обнаружил ни малейшей неисправности. Собрав его, под утро, и повесив на транец, я тут же завёл его, что называется, «с полтыка», а наш Федяковский сторож, просидевший с нами до самого утра, (лишь несколько раз

поднимался он в деревню, чтобы перекусить и одеться потеплее), исчез, словно растворился, лишь только взревел мотор! Короче говоря, не обошлось без руки проведения.

До места мы добрались быстро, уже без каких-либо проблем. Был у меня с собой и фотоаппарат, поэтому ты, Анечка, можешь лицезреть моих друзей на фотографии. Вот он тот самый стол напротив входа в землянку, вот три моих спутника. Про того, что в накинутом капюшоне, друга моего детства, я тебе рассказывал. Помнишь? Игорек, лосяра одноглазый, с которым я недавно столкнулся на улице, спустя почти тридцать лет после нашей последней встречи, когда он только откинулся из зоны после второй своей отсидки и зашёл ко мне домой, чтобы стрельнуть немного денег. Двое других – мои одноклассники.

Пусть говорят, что пить нельзя...

Мой средний брат, к тому времени, уже окончил школу, но, как и старший, не поступив с первого раза в институт, работал на заводе модельщиком. Человек он был общительный, и компания друзей была тогда у него большая. Следуя установившимся традициям, рыбачить они выезжали сразу на двух-трёх лодках, набрав с собой вина не меньше, чем бензина. Иногда брали с собой и меня. Спиртного я, по молодости, не употреблял, да мне и не предлагали – брат следил за этим строго. Зато насмотрелся я всякого. И как на берег вылетали так, что лодка залипала на обрыве почти вертикально, и как друг друга таранили на полном ходу («Так вы же мне махали! Я к вам и поехал»), и как сжигали на себе одежду, уснув у костра.

Было и такое, что пошёл один парнишка, ночью, в лес пособирать для костра дров, сколько его не уговаривали остаться. Поплутал он там с пол часика, вышел с двумя сухими сучьями в руках, весь расстроенный, чуть не плачет. На вопрос «что случилось», стал объяснять, что потерял в лесу дорогую импортную зажигалку, подаренную ему кем-то из родственников, и что какая она была классная, и что, вообще, видал он эту гребанную рыбалку и этот долбаный лес на одном интересном месте! Погоревав так немного, он решил отправиться на её поиски. Тут уж все, кто был в состоянии это делать, принялись его отговаривать, приводя веские и разумные доводы, и даже пытались удержать его силой. Ничего не помогло – мучимый тоской по

любимой вещи, парень был неуправляем. Пошёл, утирая сопли и слёзы. Скрылся во тьме, всхлипывая, громко хрустя сухими сучьями и валежинами. Вернулся минут через пятнадцать успокоенный, сел у костра, молча достал из кармана и показал всем вновь обретенную зажигалку. На вопрос шокированной публики «Как?!» коротко ответил: «Да [чёрт] его знает! Сам не понял». И умиротворённо завалился спать. Проведённое же поутру расследование показало, что бредя в темноте по узенькой тропинке в поисках дров, он запнулся за торчавший из земли корень, грохнулся плашмя и, очевидно, выронил из нагрудного кармана зажигалку. Иначе и быть не могло, так как, вновь углубившись в ночной лес, уже в поисках этой замечательной вещицы, наш герой запнулся за тот же самый корень, а, растянувшись, обнаружил драгоценную потерю прямо у себя под носом!

Случались вещи и не столь чудесные, а больше комичные, на грани трагизма.

Поехал однажды брат на рыбалку с двумя своими друзьями на «Казанке» одного как раз вот из этих друзей. Я даже имя его помню – Валентин, хотя все звали его просто Валиком. Он на это не обижался. Был он парень спокойный, покладистый и улыбочивый.

Отъехав от Коряжмы чуть дальше того места, где мы собирали чёртовы пальцы, они «встали» на свою старую перетягу и, не теряя времени начали разматывать снасти, наживлять и «выставлять» поводки и продольники. Причём, времени не терять они решили буквально во всём – между делом успевали наливать стаканчик и опрокидывать его по очереди «за удачу». Закусывали, чем придётся, то есть почти ничем, так как рыться в рюкзаках и заводиться с едой не хотелось, да и некогда было. А перетяга была длинная – реку перекрывала больше чем на половину, и дело это у них несколько затянулось. А и день стоял жаркий. В общем, когда они снарядили все снасти и развернулись ехать к берегу, к своей старой стоянке, «напекло» их так, что они чуть не сомлели. По этому поводу было принято решение сначала искупаться, а уж потом заняться вещами, костром, едой и так далее. Сказано – сделано! Только лодка ткнулась носом в песок, они, мгновенно раздевшись до трусов, сиганули из лодки в реку. Однако просто бултыхание в воде их уже не устраивало, поэтому они снова спихнули лодку на воду и стали демонстрировать друг другу

своё умение нырять с неё разными способами, благо забираться в «Казанку», с её низкими бортами, было просто. В какой-то момент Валику пришла идея завести мотор и прокатить своих друзей, вцепившихся в борта, волоком, на малом ходу. Друзьям это понравилось. Ободрённый их радостными криками и восклицаниями, Валик слегка прибавил оборотов. Однако радости у брата и второго его друга, Саньки, от этого больше не стало, так как они начали захлёбываться, при этом быстро трезвея, а отпустить борт лодки им тоже не очень-то хотелось, чтобы случайно не угодить под винт. Особенно неуютно стало Саньке – струёй воды с него сдёрнуло труссы. Отплёвываясь, ребята начали громко кричать Валику, чтобы он сбросил газ, но Валик...

Вот что в тот момент случилось у него с головой, он и сам не мог впоследствии объяснить. Просто что-то щёлкнуло, и Валик как-бы переключился в другой регистр, в иную реальность. Судя по всему, ему стало казаться, что он уже возвращается домой с какой-то долгой и трудной рыбалки. Иначе, от чего же ему так тяжело? И возвратиться, нужно как можно быстрее, чтобы скорее лечь на диван и, наконец, отдохнуть.

Широко и привычно улыбнувшись, Валик дал полный газ и, не оборачиваясь, понёсся налегке по волнам, только брызги радужным веером разлетались по сторонам!

Двум его друзьям ничего не оставалось делать, а только выпустить борта лодки и, откашливая и матерясь, наблюдать, как «Казанка», со всеми их вещами, вылетает на фарватер и, сделав плавную дугу, скрывается за поворотом реки, по направлению к Коряжме.

Всю нелепость ситуации брат осознал, когда они выбрались на берег и увидели там лишь наполовину занесённые песком угли старого костра, в том месте, где они уже до этого ночевали, кучку сухого плавника возле него, да пару брёвен, служивших им скамейками. У них не было ничего, даже спичек. А Санька, и вообще, оказался на берегу в чём мать родила.

Было уже далеко за полдень, близился вечер, и нужно было что-то придумывать. А что можно было придумать, если ближайшая деревня находилась в пяти километрах и на другом берегу реки? Взвесив все «за» и «против», друзья решили, что наилучшим для них вариантом будет сидеть на месте и ждать, когда Валик придёт в себя и вернётся.

Валик же, тем временем, оставаясь на той же волне, вполне благополучно добрался до

лодочной станции и вот тут уже, когда бодрящий ветерок и брызги воды перестали освежать лицо и тело, его окончательно вырубил.

Очнулся он под утро, когда начало светать, и обнаружил, что лежит, в штанах и рубашке, на диване в своей комнате. С болезненным скрежетом в голове он пытался вызвать в памяти события предыдущего дня, но смог вспомнить лишь то, что они собирались на рыбалку. Возникшее тягостное предчувствие усугубило мерзопакостность его состояния. Разбудив мать, Валик узнал, что вечером его буквально притащили на себе знакомые мужики с лодочной, тоже хорошо поддадые. Объяснить толком они ничего не могли, и мать решила, что рыбалка, на которую отправился, было, её сын с друзьями, отменилась по известным причинам.

Гонимый тоскливым чувством вины за что-то очень нехорошее, содеянное им накануне, Валик поспешил, задыхаясь, с колотящимся в горле сердцем, на лодочную.

Опрос дежурного ничего не дал, но, подойдя к своей лодке и увидев неразобранные рюкзаки и валяющуюся одежду, Валик тут же сообразил, что друзья его остались где-то там, на реке. И ещё вопрос, с чем они там остались, и в каком положении!

А положение у незадачливых купальщиков было интересное. Сначала они просто валялись на песке, иногда залезая в воду, чтобы освежиться или просто отдохнуть от наседавших оводов и слепней. С приближением сумерек, когда от реки и из лесов потянуло прохладой настолько, что становилось неуютно, они просто бродили по пустому песчаному берегу, с тоской поглядывая в ту сторону, откуда должен был появиться Валик. К тому времени они уже почти протрезвели и, всякий раз, когда они слышали приближающийся снизу по течению шум лодочного мотора, в груди их вспыхивала надежда. Однако все их ожидания были тщетны – это всё были чужие лодки с незнакомыми им людьми. Кричать, махать руками и подзывать лодки, идущие мимо в сторону Коряжмы, они не решались. Уж лучше сутки здесь просидеть, чем появиться на лодочной в таком виде, став всеобщим посмешищем не на один год!

Когда совсем стемнело, они заметили вдаль, выше по реке, на их же берегу мерцающий огонёк – кто-то жёг костёр. По их прикидкам, идти до него было километра полтора-два, но ведь ничего другого им не оставалось! Ёжась от холода (а ночи в августе у нас бывают ух какими холодными), отбиваясь от одолевающих их, совсем озверевших после

захода солнца комаров, они двинулись в том направлении.

Песчаные плёсы то и дело чередовались с густым ивняком, спускавшимся к самой воде. Чтобы миновать его приходилось либо залезать по пояс в реку и брести против течения, спотыкаясь о кочки и скользкие ивовые корни, либо обходить его берегом, петляя в темноте меж зарослей, по колючей прибрежной траве, уже покрывшейся холодной росой, рискуя раскроить себе ногу о какую-нибудь корягу. Поэтому когда они, наконец-то, приблизились к небольшому мысу, усеянному выброшенными на песок топляками и мелким плавником, на котором горел костёр, чувствовали они себя совершенно вымотанными и разбитыми.

У костра, почти не шевелясь и заворожённо глядя в огонь, сидели двое – мужчина и, к величайшему санькиному огорчению, женщина. Оставив Саньку за ближайшими кустами, брат подошёл к ним, немало их встревожив. Однако они успокоились и даже немного повеселели, когда брат описал им сложившуюся ситуацию.

«Так, где у тебя друг-то? Сюда то он почему не идёт?»

«А он... того... (неопределённый жест рукой)... стесняется».

«А чего стесняться-то?! Ты же вон стоишь, и ничего!»

«Так на мне хоть трусы есть, а он и вовсе голый!»

Тут они совсем развеселились. Женщина, однако, тут же засуетилась и, порывшись в небольшом брезентовом мешке, достала потрёпанный клеёнчатый плащ.

«На, вот! Пусть надевает да к костру ступает, а не то околеет там в кустах!»

Оказалось, что они из Тимасовой Горы, и привёз их сюда, ещё с вечера, на лодке родственник, который должен был снова за ними заехать на другой день, до обеда. С рассветом они собирались подняться по знакомой им тропинке в лес, чтобы пособирать чернику.

«Черничник там у меня застолблён знатный! – хвастался мужик. – За утро можно корзину набрать двухвёдерную, если в четыре руки!»

Так они и поступили. Лишь только стало светать, мужик растолкал задремавшую у костра напарницу, они быстро собрались и скрылись в зарослях ивняка, бодро вышагивая по узкой, едва заметной тропке. Плащ Саньке они великодушно оставили, попросив сунуть его потом здесь же, возле костра под ближайшую корягу, чтобы не унесло ветром.

Часа через три после их ухода появился Валя. Он мог бы появиться и быстрее, но, не обнаружив своих друзей в том месте, где он их бросил накануне, Валя жутко перепугался и решил развернуться обратно, чтобы ещё раз пройти вдоль самого берега малым ходом. Вдруг они отправились домой пешком, и сейчас бредут где-то меж кустов, а он их просто не заметил? Затем, здраво рассудив, что идти они могли только кромкой воды, Валя причалил к открытому песчаному берегу и обследовал его. Не обнаружив на песке следов, он понял, что стоит поискать их и выше по течению. Что он благополучно и сделал.

К его удивлению, друзья не накинулись на него с руганью и, уж тем более, кулаками. Слишком они были для этого уставшие и вымотанные. Они лишь пригрозили, что на рыбалке Валику они наливать больше не будут. И надо сказать, это пошло ему только во благо!

Львиная охота

Пожалуй, следовало бы назвать этот рассказ «Львиная рыбалка», но уж как назвал, так и назвал! А всё дело в том, что...

Лёва Сафронов был у нас на заводе фигурой почти легендарной. Знали его абсолютно все, даже монтажники из цеха централизованного ремонта, которые приходили на завод, собственно, только чтобы переодеться и помыться, так как основным их местом работы были производственные цеха огромного комбината.

Лёва был сварщиком. И числился у нас, в ремонтной группе, что и неудивительно, так как был он сварщиком, что называется, от Бога, имел шестой разряд и голову изобретателя-рационализатора.

О голове его, в физическом плане, стоит сказать отдельно. Имел Лёва слегка рыжие волосы, но росшие, преимущественно, не сверху, на макушке, а снизу, то есть на щеках и подбородке. Борода его была просто замечательна – густая, шелковистая, окладистая! Зато сверху на голове его красовалась обширная глянцевая плешь. Лёва даже как-то сказал, что мать-природа подшутила над ним, поставив всё с ног на голову. Понятно, что в «оригинальном виде» можно было увидеть Лёву только во внерабочее время, так как на работе он носил, не снимая, шерстяную шапочку-подшлемник, на которую легко одевалась маска сварщика, брезентовую защитную робу и короткие кирзовые сапоги, специальные, со стальными защитными вставками. В общем, всё как положено!

Был Лёва невысок и коренаст, и всем своим видом очень напоминал отца Фёдора из фильма «12 стульев», в исполнении Ролана Быкова. С персонажем этим Лёву сближала также манера общения (мягкая и доверительная), очень живая мимика и спонтанность поступков, замешанная на природной сообразительности и крестьянской хитрости. Хотя эта же спонтанность иногда Лёву и подводила.

Как-то раз, один из его приятелей, с которым они иногда охотились, токарь-карусельщик по кличке Рекс, решил над Лёвой пошутить. Работая в вечернюю смену, он намотал Лёвин сварочный кабель на стационарном посту вокруг верстака, тисков и стула такими петлями и узлами, что Лёва, на другое утро, замучился его распутывать. Распутав же, он тут же подхватил свою походную катушку, вышел в цех и, на глазах у ржущих слесарей-сборщиков, на участке которых стоял железный инструментальный шкаф Рекса, приварил дверцы шкафа одна к другой. Приварил не «намертво», прихватками, но электродом из нержавеющей стали. Когда Лёва, удовлетворённый своей работой, уже сворачивал кабель, кто-то из слесарей заметил, что из шкафчика начал струиться дымок. Лёва, поначалу, просто отмахнулся, сказав, что это всего лишь неостывший сварочный шлак, но когда струйка дыма сгустилась и появился характерный запах горелых тряпок, Лёва всерьёз обеспокоился – не хватало ещё устроить в цехе пожар! Он засуетился и попытался заглянуть в узенькую щель над дверцами шкафа, чтобы увидеть, что там такое чадит. Однако и без того было ясно, что зашаяла ветошь, которой токари вытирали руки и чистили станки. Ветошь ветошью, но ведь Бог его знает, что ещё Рекс мог хранить в своём шкафчике!

Скинув с себя защитную робу, Лёва судорожно попытался срубить зубилом свои же свежие прихватки, плескал из банки воду, подносимую добровольными помощниками, пинал в отчаянии шкаф ногами – ничего не помогало. Дым лишь только усиливался, а собравшиеся вокруг слесари, хоть и помогали ему, чем могли, продолжали от души веселиться. Лёве же было далеко не до смеха – если за этим занятием его накроет старший мастер или начальник цеха, не миновать потом разбирательств с последующими санкциями. В конце концов, кто-то подал Лёве здоровенный лом. Лёва с силой загнал тот лом в узкую щель между дверцей и корпусом шкафа, и умудрился отогнуть дверцу так, что бы туда можно было просу-

нуть руку. И вот тогда уже, обжигаясь, он выбросил за несколько приёмов дымящуюся ветошь на пол и залил её водой.

Однажды, под всеобщий смех, во время чаепития, он рассказал нам, как отучил одну взбалмошную собачонку, живущую в соседнем подъезде, от её самой подлой привычки. Собачонка эта имела обыкновенные повадки бегать по двору за людьми, которые ей не очень нравились, и лаять им вслед, громко и противно, с повизгиванием и подвыванием. Причём, «заходила» она не сразу, завидев подходящий объект, к коим, по непонятным причинам, относился и Лёва, а выждав, когда человек пройдёт мимо неё. Представляешь, Анечка: идёшь так себе спокойно, никого не трогая, думая, может быть даже о чём-то хорошем, проходишь мимо милой собачки, сидящей мирно в сторонке с благодушным выражением морды, и вдруг за спиной у тебя раздаётся громкий и истеричный лай! Тут, поневоле, подпрыгнешь от неожиданности, подавляя в себе желание либо броситься бежать, либо огреть эту гадкую животину чем-нибудь тяжёлым. А собачонка бежит за тобой ещё с полсотни метров, не умолкая ни на секунду...

Лёве, как и любому, кто оказался бы на его месте, это порядком поднадоело. И вот, возвращается он однажды с работы, прелестным весенним вечером, в чудеснейшем расположении духа после выпитой по пути баночки пива, и натывается, уже подходя к дому, на эту противную собачонку. Зная все её подлые повадки, Лёва даже не вздрогнул, когда за его спиной раздался надсадный лай. Не оборачиваясь, он просто ускорил шаг, почти побежал, отрываясь от собаки, словно её испугавшись. Повернув за угол дома, Лёва быстро сдёрнул с головы кепку, которую он, по известным причинам, носил на улице постоянно, развернулся в обратную сторону и встал на четвереньки. Когда собачонка, воодушевлённая бегством неприятеля, с лаем вынырнула из-за угла, Лёва, также громко и противно лая двинулся ей навстречу.

Трудно даже представить, что она пережила, столкнувшись, нос к носу, с этим лысым, бородатым и, судя по всему, очень свирепым зверем, возникшим внезапно из ниоткуда и бросившемся на неё! Поперхнувшись собственным лаем, она подлетела в воздух, попытвшись сделать кульбит, но лишь шарахнулась спиной о заборчик палисадника. Затем, вскочив на лапы, она с диким визгом, ежесекундно оглядываясь и орошая землю тоненькой струйкой, бросилась прочь, ещё раз

шарахнувшись, теперь уже головой, о фонарный столб.

Лёва же поднялся, как ни в чём не бывало, отряхнул колени, накиннул на голову кепку и, удовлетворённо хмыкнув, направился к своему подъезду. Больше эта тварь его не облаивала. Более того, она всячески избегала с ним встреч и, вообще, стала вести себя гораздо тише и боязливее.

Рыбаком Лёва был страстным. Куда мне до него! Рыбаком и охотником.

Традиционно, он брал отпуск по осени, когда можно было вволю предаться своей страсти. Механик наш, Николай Фёдорович, ценя такие высококвалифицированные кадры, всегда шёл ему на встречу и, составляя очередной годичный график отпусков, оставлял Лёве место в сентябре-октябре. А уж заполучив долгожданный статус свободного человека, Лёва бросал все домашние дела и отправлялся с ружьём и прочими припасами в лес, на свою «заимку», в избушку, расположенную на таёжной речке Паламыш, где пропадал неделями, рыбака и охотясь. Нет, не один, конечно! Лёва не был затворником. Было у него много друзей и знакомых, таких же лесовиков, которые с удовольствием составляли Лёве компанию. Был среди них и Валентин Быков или уже знакомый тебе Бычок. Как-то раз упомянул он в разговоре свои походы на Паламыш и я тут же вспомнил Лёву.

«А ты Лёвку Сафронова не знаешь? Он тоже на Паламыше постоянно ошивается. Избушка там у него стоит».

«Лёвку-то? – вскинулся Бычок, – Да как не знать! Мы с ним столько вместе охотились! Что ты! Бывал я у него. И не раз. Да только какая же это избушка?! Нора!»

Да, как подтвердилось позже рассказами других людей, Лёвино жилище, которым он так гордился, оказалось землянкой, больше напоминавшей кроличью нору.

На склоне большого, поросшего вековыми соснами и мхом распадка, по дну которого протекала речка, Лёва соорудил нечто вроде армейского блиндажа с крытым ходом сообщения, служившим тамбуrom, выход которого был завешен куском брезента. Внутри было довольно уютно, стояла печка, стол, большие нары, но не было окон. Поэтому, когда Лёва с товарищами не были заняты охотой или рыбалкой, большую часть времени они проводили снаружи, на берегу речки, где было оборудовано костровище и построен

небольшой навес. Сидя погожим сентябрьским вечерком 1988 года под этим навесом, они и испытали все прелести небольшого землетрясения, вызванного подземным ядерным взрывом.

Да, именно так! Подземным ядерным взрывом, ни больше, ни меньше. Взрыв этот относился к разряду, так называемых, «мирных», и был произведён буквально в нескольких километрах от их стоянки, «с целью геосейсмозондирования», как кратко говорилось в новостных сообщениях. Все подробности мы узнали позже, уже в постперестроечное время. А тогда мы все были просто потрясены, в прямом смысле слова. Я, например, лежал в тот вечер на диване в своей комнате и читал книгу, когда вдруг задрожали стены и начала раскачиваться люстра. Поначалу я просто не поверил в происходящее, подумав, что всё это мне только кажется, но уж потом, спустя минуту-другую, когда соседи по подъезду стали выбегать из квартир и, с ужасом, спрашивать друг друга «что случилось?», все сомнения рассеялись. Конечно же, это было землетрясение. И хоть причина его раскрылась уже спустя несколько часов, народ ходил взбудораженным ещё не один день.

Когда же мы спросили Лёву, как только он появился на работе, что довелось ему испытать тем вечером у себя в лесу, он описал свои ощущения так: «Только то мы, значит, разлили по стаканам, поднесли ко рту, тут-то нам и поддало снизу! Посуда зазвенела на столе, миски-ложки аж подпрыгнули, кореша у меня повскакивали с перепугу, а я, хоть и сидел на здоровенном чурбане, едва на нём удержался! Но, заметьте, никто свой стакан не пролил! Так только, расплескали немно-го».

Впрочем, большой неожиданностью для Лёвы и его друзей это событие не стало. Они уже давно наблюдали за военными, проложившими технологическую дорогу от железнодорожной станции Кивер вглубь леса и гонявшими по ней тяжёлую технику. Территория эта была отгорожена и хорошо охранялась. Однако люди бывалые говорили, что такое уже случалось в семидесятых годах и закончилось всё ядерным взрывом, буквально двумя километрами дальше.

И напомнило всё это Лёве другое событие, из его далёкого детства, о котором он нам тут же и поведал.

Каждое лето отдыхал маленький Левчик

у своей бабушки, где-то в Карелии. И это было нормально, так делали многие, у кого жили в деревнях и сёлах бабушки-дедушки. Деревня та была не из захудалых, и летом там собиралось много разновозрастной ребятни из разных уголков большой страны. По интересам, формировались отдельные ватаги и компании, бывшие между собой, впрочем, на дружеской ноге. К Лёвиному кругу, принадлежали, естественно, самые заядлые рыбаки. Выбор методов ловли, как и снастей, был невелик: примитивные удочки, простейшие верши и фитили, сплетённые дедами из ивовых прутьев или связанные из грубой кордовой нити. И хотя всё это с избытком компенсировалось обилием рыбы в окрестных водоёмах, хотелось ребятам нечто большего. Оно и понятно: молодость – пора исканий, так сказать. А тут и случай подходящий подвернулся.

Старый и проверенный в походах друг Лёвы, Серёжка, проживающий с родителями где-то под Ржевом, и не раз хваставшийся до этого разными безобидными трофеями времён войны, привёз с собой на этот раз (ты не поверишь!) целую сумку тротила! Да ещё ручную гранату в придачу! То, что они с ребятами, тайком от родителей, бродили по окрестным лесам и полям в поисках разных «железяк», а потом ими активно обменивались – было понятно и объяснимо. Но как он умудрился доставить это, незаметным образом, до бабушкиной деревни – уму непостижимо! Впрочем, этим вопросом Серёжкины друзья, включая Лёву, особо не задавались. Привёз – и хорошо! Найдём применение! Со слов Серёжки, тротил они с приятелями извлекли из неразорвавшегося снаряда старым проверенным способом – нагрев его на костре. Доказательством этого служило то, что сумка была набита кусочками и сгустками грязно-жёлтого вещества вперемежку с золой и мелкими угольками. «Лимонку» же ему удалось выменять на ржавый и уже непригодный немецкий Вальтер, найденный им самолично. Лимонка тоже была ржавая, хотя чека её всё ещё была надёжно зафиксирована, а уж о степени её пригодности можно было лишь догадываться.

«Ну, всё! Будем глушить рыбу!» – единодушно решили ребята, когда Серёжка продемонстрировал им своё богатство.

В качестве опытного полигона они избрали небольшое озерцо в трёх километрах от деревни. С их точки зрения, оно подходило наилучшим образом: по разме-

ру – то что надо, место укромное, рыбы в нём видимо-невидимо, особенно карасей, и глубина подходящая для собственной безопасности – почти омут. Они даже последовательность операций продумали: пока все остальные ждут в сторонке, оседлав велосипеды, готовые «стартануть», один бросает в воду кусок тротила, подбегает к ним, вскакивает на приготовленный ему велик, и все жмут педали, что есть мочи, по тропинке, ведущей от озера. И всё бы ничего, но тут выяснилось, что для осуществления задуманного нужно иметь ещё и детонаторы, а это оказалось проблемой, практически, неразрешимой. Вот ведь незадача! Казалось бы, всё уже есть под руками, что нужно, даже короткие бикфордовы шнуры научились сами делать, начиная трубочки изоляции от электропроводов спичечной селитрой, а ничего не выходит!

Чего только они не пробовали привязать в этом качестве к ломтикам тротила, перед тем, как бросать их в тёмный омут: и целые коробки спичек, и самодельные бомбочки, изготовленные из похищенного у дедов пороха, и ружейные патроны – взрыва не происходило.

В конце концов, начали всех одолевать сомнения.

«А может, ты тол привёз уже негодный, испорченный?» – вопрошали ребята Серёжку. Но тот только отмахивался небрежно от глупых вопросов с видом бывалого подрывника.

«Да не может он испортиться! Грохает – только держись! В любом виде. Сам сколько раз видал, как ребята в лесу подрывали. Сосны здоровенные с корнем выворачивает!»

Ну, сосны соснами, а с тихим омутом-озерцом так ничего и не получалось. К исходу второй недели, после многочисленных безуспешных попыток, они перекидали в озеро почти всю сумку привезённой взрывчатки.

Чтобы восстановить свою подмоченную озёрной водой репутацию, такую высокую по приезду, Серёжка решил на крайность: «Будем глушить гранатой! Запал-то у неё целёхонек!»

Тут ребята не то, чтобы испугались, но призадумались. Граната – это не шутка! А вдруг она взорвётся ещё в воздухе? Тут и осколками может посесть! Но Серёжка отказывался идти на попятную, даже вызвался бросить её сам, и все согласились.

Дело происходило утром следующего дня, когда всё взрослое население дерев-

ни разбрелось по работам или своим делам, и ребятня, заботливо умытая и накормленная, была предоставлена самой себе. Ну, как обычно. Как обычно же, Лёвкина компания собралась у полуразрушенной деревенской церкви и покатила к заветному озеру.

Приготовления были коротки. Все заняли удобную позицию, бледный, но настроенный решительно Серёжка извлёк из велосипедной сумки ржавую лимонку, приблизился к озеру на удобное для броски расстояние, выдернул чеку, швырнул, что есть силы, гранату в том направлении, и стремглав бросился к своему велосипеду, который Лёва для него удерживал. Остальные рванули секундами раньше. В результате, Левчик оказался замыкающим в этой веренице начинающих браконьеров. Дальнейшее он описал нам так: «Только-то я, значит, разгон набрал, тут чувствую, как в замедленной съёмке, что-то меня сзади приподняло – я ногами до педалей перестал дотягиваться. И полетел я вперёд велика! Кустами, напрямик! И только в полёте уже слышу – грохочет за спиной!»

Самое удивительное в этой истории, что никто из ребят не пострадал, если не считать ушибы, царапины и ссадины. Но это – так, мелочи!

Что же касается несчастного озерца, то его просто не стало. По крайней мере, на тот момент. Когда, оправившись от потрясения, в грязи и разорванной одежде, ребята вновь к нему подбежали, то увидели на его месте нечто похожее на строительный котлован, по склонам которого, стекала вода и озёрный ил, в котором, то здесь, то там, брыкались оглушённые лягушки, пиявки и, возможно, караси.

Прибаутки-шуточки

А ещё, Анечка, помимо всяких прочих чудиков, работал у нас на ремонтно-механическом заводе токарем один мужичонка, которого все звали Шапочкой. Почему мужичонка? А потому что роста он был ниже среднего, сложения хоть и крепкого, но мелковатого. Совсем-то тщедушные у нас не держались – работа таких не терпела. На самом деле звали его Колька Прохоров, но молодёжь, приходившая на завод, поначалу об этом даже и не догадывалась. Шапочка – значит Шапочка. Все, без исключения, знали, о ком идёт речь.

Внешность Кольки была тоже небезынтересная. Он бы очень хорошо подошёл на роль Джузеппе, старого друга Папы Карло, в фильме про Буратино: чернявый, с цыганскими

глазами, но при этом плешивый и с сизым выдающимся носом. При том, бахрома сохранившихся у него чёрных волос имела приличную длину, они свисали у него почти до плеч. Увидев Шапочку в головном уборе, трудно было себе представить, что всё, что ты видишь не спрятанным под этот головной убор, является единственным его достоянием в плане волосяного покрова на голове.

А головной убор он носить был обязан. Таковы были (и таковыми остаются) правила техники безопасности при работе на токарном станке. Чаще всего в цеху маячили кепки разных фасонов и расцветок. Некоторые индивиды носили небольшие войлочные шляпы с узкими полями или нечто вроде формовок с козырьком. Шапочка же носил шапочку. Ну, да. Небольшую пёструю вязаную шапочку, похожую на лыжную, только без помпончика.

И тем бы примечательность Шапочки и ограничивалась, не будь у него загадочного друга, Леонида Владимировича по прозвищу Ленёк Сопля.

Внешне Ленёк был полной Шапочкиной противоположностью: здоровый мужик, весом за сотню килограмм с крупными чертами лица и очень громким голосом, который можно было услышать с другого конца цеха, несмотря на весь шум, создаваемый работающими станками. Голос этот обладал ещё одной довольно неприятной особенностью – он был визглив.

Помимо таких общих черт, как жидкие волосики на голове и пропитое лицо, Шапочку с Соплей объединяло непреодолимое желание как-нибудь скрасить серые трудовые будни. Понятное дело, что лучше всего с этой задачей можно было бы справиться при помощи простого и очень доступного средства, благо сульфит-спиртовой завод находился буквально через дорогу и технического спирта, называемого у нас «сучком», было попряпано по тумбочкам и верстакам с большим запасом, несмотря на провозглашённый заводским начальством строгий контроль и учёт. Но ведь всё время выпившим на работе не походишь. Оба они уже попадались пьяными и в цехе, и на проходной, лишались разного рода премий и понижались в должности до уборщиков стружки. В таких случаях у нас говорили про человека, что его «на метлу поставили». В общем, средство это было действенное, но рискованное. С ним нужно было знать меру, во всяком случае, будучи на работе.

За то шутили два друга без всякой меры. В этом их никто не ограничивал. Шутили и

разыгрывали всех подряд, но, по большей части, друг друга. О розыгрышах их складывали в курилках байки, почти легенды. Куда там Лёве Сафронову с его заваренным инструментальным шкафлом! Они незаметно связывали между собой шнурки от ботинок во время обеденных перерывов, забравшись под большой стол в цеховой курилке, пока кто-то из них играл в домино. Они подкладывали друг другу в ботинки и карманы всякие железяки и завязывали штанины узлами во время переодевания в раздевалке и принятия душа после работы. Они мазали штурвалы и рукоятки станков всякой гадостью, перенастраивали на станке «гитару» – узел шестерён системы привода... В общем, всего и не упомнишь! Особой изобретательностью отличался Шапочка, не имея иных аргументов в свою пользу против грубой Ленькиной силы. А действие этой силы Шапочке приходилось испытывать не раз. Это было обычной цеховой забавой, когда разъярённый Сопля начинал с визгом гоняться по цеху за проворным Шапочкой после очередной шутки последнего. Однажды дошло до того, что бедному Шапочке пришлось обращаться в здравпункт.

Это случилось после того, как Шапочка, воспользовавшись тем, что Ленька пошёл мыть руки перед чаепитием, выдавил из Ленькиного пирожка повидло и аккуратно, при помощи смазочного шприца, закачал туда литол. И хотя за столом сидело немало прочего люда, Ленька, расчихав подвох, сразу смекнул, чьих это рук дело. Да и трудно было не догадаться.

Хохоту было столько, что услышали даже мы за закрытыми дверями слесарной мастерской. Хотя, следует заметить, доносившиеся до нас из цеха взрывы хохота во время обеденного перерыва, когда станочники «забивали козла», не были редкостью. Но, в этот раз, время было не обеденное, а размах веселья был столь велик, что некоторые из нас не удержались и вышли в цех. Картина предстала тоже не столь редкая – Сопля с рёвом гонялся за Шапочкой по цеху. Народ возликовал, когда Ленька всё же нагнал шутника и, как тряпичную куклу, потряс его хорошенько на весу, а потом взвали себе на плечо и понёс, головой вперёд, вдоль по цеху. Никто не предполагал, что сделает Ленька с Шапочкой дальше. А Ленька поступил просто: проходя мимо большого контейнера с металлической стружкой, он с яростью воткнул в него судорожно болтающего ногами Шапочку со всего маха, также головой вперёд.

Тут и хохот прекратился – дело начало принимать серьёзный оборот. Красивые сиреневые спирали перекалённой стальной стружки имели острые как бритва кромки. Подоспевшие на помощь сердобольные товарищи тут же извлекли орущего благим матом Шапочку на божий свет. Лицо его было залито кровью, а знаменитый на весь завод головной убор был разорван в нескольких местах.

К счастью, порезы на голове оказались не столь серьёзными, как показалось собравшимся поначалу. Однако без медицинской помощи и последующих разбирательств никак не обошлось. В результате, обоих друзей снова лишили премии. Правда, не на сто процентов, как иногда бывало.

Но как бы ни прошёл рабочий день у Леньки с Шапочкой, заканчивался он неизменно одним. Начав уборку станков, как положено за пятнадцать минут до окончания смены, они, между делом, подходили к инструментальным шкафчикам, стоявшим у стены почти вплотную, и, сомкнув плотно плечи, о чём-то между собой договаривались. Иногда слышно было только лёгкое позвякивание стеклянной посуды. Наверное, подводили итоги дня.

Вот такие они были друзья.

Жалко, что конец их обоих был печален, как и у большинства горьких пьяниц. Обоих, всё-таки, выгнали с работы по 33-й статье, с небольшой разницей по времени. Оба они мыкались в поисках работы по другим предприятиям и кооперативам. Оба так от пьянства и померли, едва дожив до пенсии. Даже на кладбище лежат они недалеко друг от друга.

С Ленькой, правда, ещё другая беда случилась незадолго до того – лишился он правой руки, упав спяну под колёса трогającegoся поезда на Котласском вокзале. И, нужно отдать ему должное, не впал с того в уныние. Мне даже довелось с ним после этого пару раз грибы собирать да ягоды в одной компании. Но это уже другая история!

г. КОРЯЖМА,
Архангельская обл.

Евгений Юрьевич Антонов родился 12 января 1967 года в посёлке (ныне городе) Коряжма Архангельской области. В настоящее время работает переводчиком.

Борис САВЧЕНКО

В сердце моём Магадан

Город урок и романтиков

Конец 80-х... Я стою на краю площади и, всматриваясь в перспективу проспекта, лентой спускающегося к речке Магаданке, пытаюсь вызвать к жизни далёкие картины детства. Боже, как всё это давно было: фильмы с Тарзаном, продуктовые карточки, американская тушёнка, бочонки с красной икрой в магазинах, колонны заключённых, бодро марширующих по Пролетарской, детские страхи и жуткие рассказы взрослых про уголовный мир...

В панораме расстилающегося передо мной города изменений почти нет. По обе стороны проспекта всё те же четырёхэтажные дома причудливой архитектуры, построенные пленными японцами – с лепными украшениями в виде ваз и цветов по краям крыш, с массивными каменными балконами по фасаду и прочими архитектурными деталями (в пору борьбы с излишествами каменные цветы и вазы безжалостно сшибались кувалдами, и дома теряли свой шарм, свою индивидуальность). Тот же промозглый ветер с моря, швыряющий уличную пыль в глаза прохожим. Тот же абрис сопки вдаль, с прорезающим её самым длинным в мире проспектом – Колымской трассой, протянувшейся на тысячу километров. Только тогда не было здесь ни Дома политпросвета, ни здания телецентра напротив, ни ажурной телевышки, ни самой площади. Вспоминаются какие-то склады, покосившиеся заборы с дырами, автобаза, штабеля пилёных бала-

нов. И бараки. Каменные дома выстроились в основном вдоль проспекта, именовавшегося тогда Колымским шоссе. В других местах города они возвышались, как редкие айсберга среди бескрайнего барачного моря. Во всём преобладал угнетающий землистый цвет, невольно наводивший на мысль, что город, разметавшийся между сопкок, – это один сплошной лагерь. Архипелаг Маглаг! Средоточие человеческих судеб, человеческих трагедий. Даже нештукатуренные красно-бурого кирпича здания в центре города, потемневшие от резких климатических перепадов, пугали своей серостью, громоздкостью, тайной опасностью, исходившей от них.

У телецентра на улице выставлены стенды с фотографиями, посвящёнными 50-летию Магадана. Вся история города, от первых палаток и просеки, прорубленной среди лиственниц, до макетов Культурного центра «а-ля Корбюзье». Сердце сжимается от одного вида почерневших двухэтажных бараков, приземистых строений АРЗа, ремонтировавшего промывочную технику для Золотой Колымы. А вот и центральная часть города – перекрестье Колымского шоссе и бывшей улицы Сталина. На снимке угловой дом, рядом – промтоварный киоск и панно, сколоченное из фанеры и досок: в окружности профили двух вождей, а сверху по обе стороны развёрнутых знамён – лозунг: «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина вперёд к победе коммунизма!» Такие панно, сооружённые в местах средоточия горожан, олицетворяли, види-

Пиво в парке

мо, идею монументальной пропаганды на Колыме.

За телецентром расположен городской парк... Несгораемый ящик разлук моих, встреч и разлук... У Пастернака – вокзал, у меня парк. Сладкий кусочек терпкого пирога жизни. Как у любого магаданца моих лет. Парадокс, но в голоштанном детстве я боялся носа туда сунуть, слыша рассказы взрослых о том, что творится в парке: то днём в буфетной будке нашли женщину с отрезанными грудями, то мальчика убили, то девуш-

ку снасиловали. Я ещё не понимал, что значит «снасиловали», но всё равно это звучало пугающе... Лет в десять-двенадцать я перестал бояться чего-либо. Уж если мы с пацанами, перебравшись по всяческому мосту через Магаданку, ходили через бывший аэродром (для «аннушек») за шикшей на сопку, где пряталось всякое жульё, то что нам парк. Где страшно, туда и лезли. В случае чего дадим такого дёру, никакой бандит не догонит. А в парке каждое воскресенье – какой-нибудь праздник, в будни – футбол, городки, аттракционы. И наша ватага, обитавшая в бараках на месте нынешнего ювелирного магазина «Алмаз», поднималась вверх, мимо большого здания НКВД, магазина «Динамо», учкомбината, и дальше, к запасному входу в парк. Если он закрыт, пролезали сквозь дыры в заборе. Второй вход в парк находился примерно в районе дома, примыкавшего к универмагу «Восход». Когда на стадионе проводились праздничные мероприятия, «грузовики» с гимнастами или ребячней въезжали в эти ворота и, повернув сразу налево и минуя другие ворота, оказывались в западном секторе стадиона, оттуда и начинался торжественный марш. На этом стадионе я играл в футбол за школьную команду. Удовольствия пинать мяч на твёрдом, как бетон, поле было мало, ни одна игра не

Сохранившийся барак Маглага

Японская беседке в парке

обходилась без содранной кожи на коленках, и в конце концов я забросил куда подальше щитки и бутсы. Зато зимой поле превращали в каток, и в новогодние каникулы я, как чёрт, носился на «снегурках» за девчонками, а над катком лилась чудная песенка: «Вот ты мчишься туда, где огни. Я зову, но тебя уже нет! – Догони, догони! – ты лукаво кричишь мне в ответ...».

Территория парка между торцом стадиона и Домом пионеров называлась «детским городком». Здесь тоже имелось небольшое футбольное поле, можно было покататься на горке, подтянуться на турниках, малыш-

не – покопаться в песочницах. Главная же привлекалочка «городка» – буфетный киоск. По воскресеньям я получал дома «зелёную» – три рублика, как раз хватало, чтобы купить в этом киоске стакан сладчайшего брусничного морса и поджаристый, облепленный сахарным песком коржик в виде сердечка. Вкуснятина необыкновенная! По ощущениям почти то же самое, что кромсать зубами немытую редиску или морковь в чужом огороде. Закусив, я отправлялся, мимо городошных площадок, в верхнюю часть парка, к зверинцу, состоявшему всего из двух отделений, в одном томился бурый медведь, в другом – белый. Клетки были настолько тесными, что звери не могли в них даже нормально развернуться. У белого медведя имелся бассейн метра полтора на три, иногда он плескался, потом выбравшись на бетонный пол, часами стоял и мотал головой. Поодаль нас завлекло другое диво – вращающийся деревянный круг, наподобие тех, что устраивают на сценах для смены декораций, только в парке он вращался быстрее. Наша маленькая ватага жалась ближе к середине круга, там центробежная сила меньше, но когда вращение достигало максимума, мы, для остроты ощущений, переползали ближе к краю.

Потом зверинец исчез (умка сдох; бурый, предполагаю, пошёл кому-то на котлеты), деревянный круг тоже убрали, вместо него устроили карусель.

Ниже по проспекту, на той же стороне, что и парк, расположен кинотеатр «Горняк». В

Магадан – 1954 г. (панорама города)

40-е годы и начале 50-х кинотеатр с таким названием помещался в другом месте – во дворе гастронома № 2. Это был обычный барак с крошечным фойе и таким же зрительным залом. Там показывали трофейные фильмы. А перед началом сеансов играл небольшой джаз. Из музыкантов, выступавших в фойе, я запомнил лишь знаменитого Эдди Рознера. Он выходил всегда во фраке с бабочкой, набриолиненными остатками волос на висках и аристократическими усиками. Иногда он поражал публику тем, что брал второй инструмент и на двух трубах одновременно исполнял «Караван». Один раз я видел его за колючей проволокой Центрального лагеря. Он вышел из барака в ярко переливающимся японском или китайском халате, с чашечкой кофе, сощурился на солнце. Бросив взгляд на волю, увидел меня, улыбнулся, сверкнув золотой фиксой, и произнёс: «О'кэй!» Жизнь для него была, видимо, прекрасна.

Проспект заканчивается у автовокзала (за мостом через Магаданку его продолжение уже трансформируется в Колымскую трассу) и тут же пересекается с Пролетарской улицей. Эта улица во всех отношениях была весьма любопытна. На ней, помимо таких госучреждений, как горком партии, редакция газеты «Советская Колыма», горсуд, «Дальстрой», размещались и УСВИТЛ – Управление Северо-Восточных исправи-

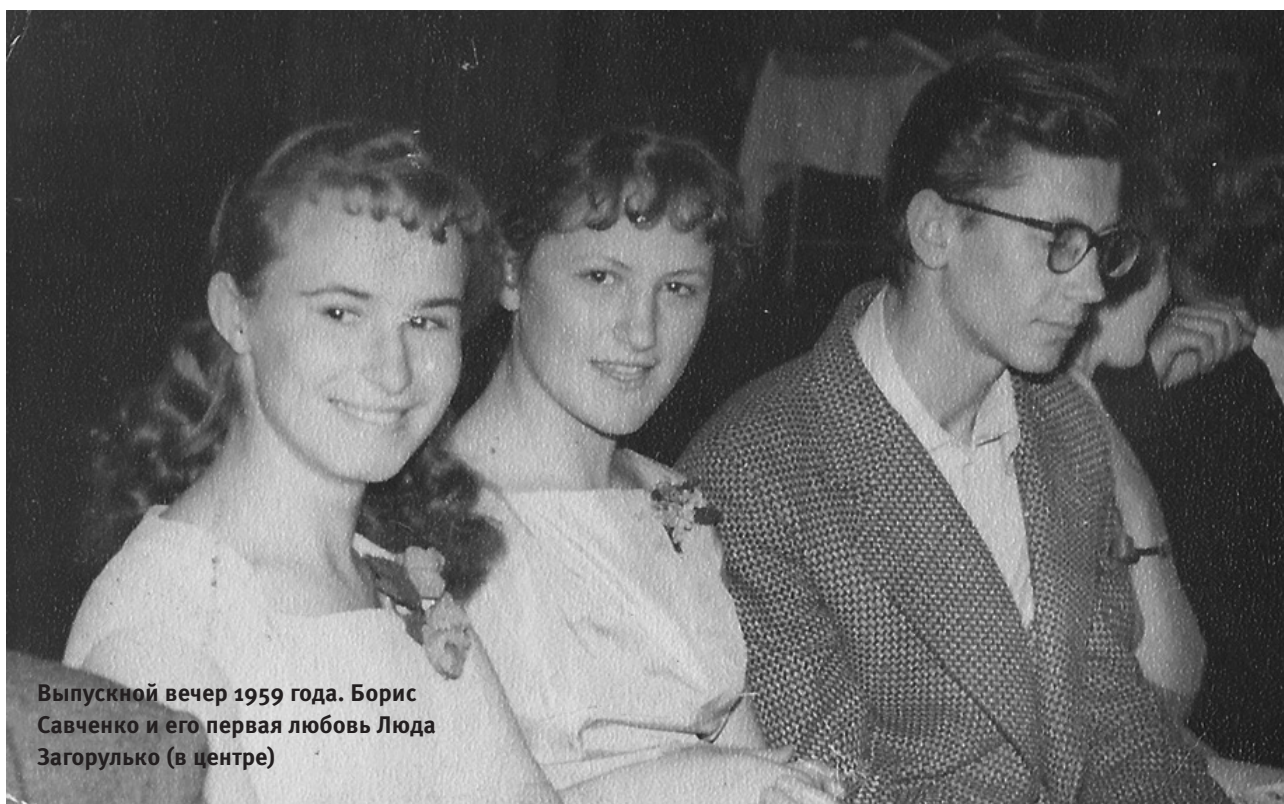

Центр Магадана

тельно-трудовых лагерей – и рядом контролера Маглага с всеильной Гридасовой во главе. Мне Пролетарская запомнилась тем, что там я впервые увидел заключённых. Огромная серая масса людей двигалась по улице в сопровождении конвоя с автоматами и собаками. Странное это было зрелище. Люди шли по пять человек в ряду, на шапках, телогрейках и штанах нашитые четырёхзначные номера, двигались молча и не в ногу. Любопытство одолевало меня, и я, преодолевая боязнь, всматривался в лица идущих, некоторые из них улыбались и даже приветливо подмигивали мне. Эти

Эдди Рознер: «Смайлинг!»

Выпускной вечер 1959 года. Борис Савченко и его первая любовь Люда Загоруйко (в центре)

люди уже не казались мне такими страшными, как рисовали их взрослые. Помню, возле нашего дома пленные японцы начали строить школу, и когда я подходил к проволоке, кто-то из них обязательно просил принести рису. Взамен я получил деревянный самурайский меч. Потом японцы исчезли, и стройку доканчивали наши зэка. Я уже не боялся их, смело подходил на окрик: «Эй, пацан!» Мне бросали деньги, просили купить «Беломорканал» и чаю. Теперь взамен я получал то выструганный автомат, то «поджиг», то трещотку. Мальчишки мне страшно завидовали. А я мучился наивным вопросом: ну почему такие добрые люди и – за колючей проволокой? Хотя всю жизнь помню и других. Меня послали в магазин за продуктами, я по пути зашёл в «Когиз», где среди множества игрушек увидел миниатюрную пожарную машину красного цвета с поднимающейся лестницей. Она буквально заворожила меня, и вдруг я почувствовал, что мне в карман, где лежали продуктовые карточки, лезет чья-то рука. Я уже знал, что такое карточки и поэтому вцепился в эту чужую руку и истошно завопил. Люди отхлынули от нас в разные стороны, и мы вдвоём с уркой остались как бы в середине круга. Он так растерялся, что даже не пытался высвободить свою руку, только смотрел мне в глаза и заискивающе улыбался. Откуда-то из толпы вынырнул

милиционер, разжал мои пальцы и похлопал меня по спине: «Ну-ну, мальчик, успокойся. Ты молодец. Такого вора задержал». И, вытащив из кобуры наган, увёл улыбающегося человека.

Во время своих одно время частых наездов в Магадан я всегда мысленно проходил по улицам и переулкам моего детства. Многие городские кварталы настолько изменились, что их невозможно узнать. Вот хотя бы отрезок проспекта Карла Маркса от центра до здания политехникума, что на Парковой. Теперь это обычный сквер, место отдыха горожан. А раньше там были Дом культуры профсоюзов, детсад, трибунал, парткабинет, клуб, магазин «Динамо», учкомбинат, городок ВСО. В городке жили вохровцы, конвоиры УСВИТЛа. Я знал, что ВОХР расшифровывается как «военизированная охрана». «Тогда почему «ВСО»?» – спрашивал я бывшего зэка музыканта Александра Дзыгара, хорошо знавшего географию города. Александр Артамонович снисходительно улыбался: «По-видимому, ВОХР звучало некрасиво и напоминало о прежних временах, поэтому аббревиатуру несколько модернизировали: ВСО – военизированная советская (а может, специальная) охрана».

Узкая витиеватая грунтовая дорога,

вдоль которой группировались упомянутые учреждения, соединяла Колымское шоссе с Парковой не там, где кончается нынешний сквер, а значительно выше по склону сопки, в районе уже не существующих сегодня бараков. Длинные, как сроки, бараки, занимали территорию, начинавшуюся сразу за южной границей городка ВСО и простиравшуюся до улицы Больничной. Место это в народе называлось «четвёртой транзиткой». Там селились освободившиеся из лагерей люди, по разным причинам не сумевшие выехать с Колымы.

Отчётливо помню каждый закоулок, каждый тупичок с зелёной травкой и битым стеклом на пути, скажем, от старого кладбища до своего дома на улице Максима Горького. Мы жили тогда в деревянном доме, почти напротив известного всему Магадану «Дома Васькова» – мрачного двухэтажного каменного здания, находившегося в глубине территории, что примыкала к тыльной стороне управления НКВД. Я не знал тогда, что там было – тюрьма, или лагерь, или то и другое вместе, но территория была отгорожена высоким забором и несколькими рядами колючей проволоки. По периметру на углах стояли вышки с охранниками. Вечером там включали прожектора и начинали лаять собаки. Несколько раз я слышал автоматную стрельбу – короткие сухие очереди. «Наверное, кто-то пытался убежать? – думал я, глядя через окно на

забор. – Ну как оттуда можно сбежать, ведь там злые овчарки, а по проводам, мне говорили, пропущен электрический ток?»

Рядом с домом уже стояла готовой Вторая школа, куда меня сразу перевели из Первой, находился и агитпункт, где мы смотрели увлекательные фильмы, была и парикмахерская, в которой меня стригли, подставляя в кресло маленький стульчик.

Закутки двух больших бараков – военкомата и ЗАГСа – и территория от крошечного домика старого краеведческого музея, с останками кита во дворе, до исполинского здания Дальстроя, представлявшего собой сплошной караван-сарай, служила местом наших игр в войну и прятки. Интересно, что на втором этаже ЗАГСа жил в коммуналке поэт Валентин Португалов. По утрам мы встречались с ним у помойки, выносили мусорные вёдра. Во дворе «Дальстроя» мы чуть ли не каждый день гоняли в футбол, потом там оборудовали теннисный корт и волейбольную площадку. Но я ни разу не видел, чтобы на этих площадках появлялся кто-нибудь из управленческих работников «Дальстроя».

Многое можно вспомнить о том времени, но вот ощущение красоты города, о которой лётчик Илья Мазурук говорил своему помощнику, подлетая к Магадану, как-то не запало мне в душу. Серые, выгоревшие на солнце домишки, разбитые окна, заткнутые подушками, остервенело лающие собаки во

Поэт и мой сосед Валентин Португалов (в центре)

дворах, пыль и канавы с ядовито-зелёными лужами на улицах.

Поскольку город постоянно продувался ветрами, люди даже летом одевались тепло и выходили на улицу либо в пальто, либо в кожанке, либо в телогрейке.

Иногда я думаю, кого чаще можно было встретить в городе – заключённых или вольных? Вольнонаёмные трудились в основном на предприятиях Дальстроя: в конторах, столовых, больницах, магазинах, правоохранительных органах, а прочий люд – ссыльные, расконвоированные или подконвойные зэка – вкалывал на лесопилках, рытьё траншей, на дровяных складах, в котельных, на погрузо-разгрузочных работах.

Сколько было в городе лагерей я, по причине малого возраста, понятия не имел. Помнится, что один женский лагерь находился в западной части города, возле бывшего кинотеатра «Октябрь». Там долго сносили бараки, которые когда-то находились в самой «зоне». Недалеко от этого лагеря помещался так называемый санпропускник, где прибывающих из порта заключённых мыли, стригли, брили, а потом выдавали одежду: бушлат, телогрейку, штаны, рубашу, нижнее бельё. Каждому присваивался номер, который зэка должен был написать на белом матерчатом клочке и пришить для начала на правую сторону телогрейки. Позже в основном большесрочники («двадцатипятилетники») пришивали такие же номера и на тыльной стороне телогрейки, на шапке, на правой штанине на уровне колена. За отсутствие номеров нещадно наказывали.

Имелись лагерь и в восточной части города – «Центральный», а в районе швейной фабрики – женОЛП «Местпром», да ещё на четвёртом километре Колымской трассы «транзитка». Наверно, ещё где-то были. Ох уж эти магаданские зэка пятидесятых годов! Их собирательный образ запечатлелся в сознании навсегда. Обветренные, шероховатые лица землистого цвета, ничего не выражающие бездонные бесцветные глаза...

О так называемой «культурной жизни» я судить, естественно, не мог, поскольку едва-едва выучился читать. Для меня она заключалась в регулярном посещении агитпункта, где почти каждый вечер проводились интересные мероприятия: спектакли, концерты, кино. Перед сеансами в читальном зале можно было полистать журналы «Огонёк» и «Крокодил».

Однако, просматривая пожелтевшие страницы «Советской Колымы» и слушая воспо-

минания старожилов, я убеждался, что культурная жизнь в Магадане была ключом. Функционировал музыкально-драматический театр имени М.Горького, работали клубы профсоюзов, ВСО и МВД. Проводились Всеколымские смотры художественной самодеятельности. Регулярно устраивались выставки прикладного искусства, народного творчества. Правда, духовные ценности в большинстве своём создавались трудом и интеллектом заключённых, но это уже, так сказать, специфика Колымы того времени. Понятия «мест не столь отдалённых» здесь не существовало даже в ироническом смысле. Сам Магадан уже являлся пределом, если, конечно, не считать колымской глупинки.

Кому мешал застой

Эх, раздолбные семидесятые! Пора мелких радостей и больших разочарований. Очередной прилив грусти по несбывшимся мечтам вызвала открывшаяся в апреле в «красной яранге» художественная выставка. Осматривая залы, я думал, что тоже мог бы стать художником, но не стал (а может, вовремя бросил это занятие, осознав нехватку таланта целеустремлённости). Но цепкий глаз живописца мне «привился», и я быстро «ловил» знакомые имена, придиричиво оценивал их технику, колорит, композицию. Вот чеканка моего приятеля Тимура Дидишвили, чукотские мотивы на грузинский манер: «Отлов оленей», «Семья», «Оленевод»... Забавно. Подольше постоял у триптиха Петра Попова «Чукотка». Довольно мрачно по цвету. Два полотна из этой композиции «Охотник» и «Девушка-чукчанка» долго потом мозолили мне глаза в областной библиотеке (возможно, они и сейчас висят там). Через несколько дней я прочёл в газете критический обзор местного искусствоведа Тимашевой, посвящённый новым работам магаданских «передвижников». А помнится, лет этак двенадцать-четырнадцать до того мы с Петей Поповым, который вечно ходил в затрапезном, перепачканном краской и олифой лепене, писали с неё женские портреты в студии Антощенко-Оленева. Теперь дама стала мэтр и решала, кому можно доверить важный официальный заказ, а кому нет. Последние годы она жила на последнем этаже в доме по Школьному переулку, один – как раз над квартирой Вадима Алексеевича Козина, и я иногда заходил к ней. Она ещё сохраняла ироничный склад ума, резкость высказыва-

ний, но её глаза уже не светились, как раньше, а выдавали предсмертную тоску.

Но мне больше вспоминаются «мелкие радости». Я не буду писать о «шагах-саженях» магаданских пятилеток, передовиках-героях производства и прочих знатных людях коммунистического труда. Расскажу о других персонажах, чьи имена не попали в летописи трудовых достижений. Хотя многие из них потом сделали приличные карьеры.

Для начала позитивный пример. Новый семьдесят затёртый год я встречал у моего приятеля Юры Железняка, работавшего в горпрокуратуре. Компания собралась небольшая, из знакомых лишь Борька Кузнецов, но я сразу выделил высокого и крепкого на вид парня, которого до того видел в городе всего раз. Помню, я рвался на вечер в ДК профсоюзов на молодёжный вечер, а он стоял в дверях на контроле. Билеты все проданы, и я, чтобы пройти, секундно показал ему свою красную ксиву «Общества военных охотников», оставшуюся у меня ещё со времён работы в штабе ГО. Он не успел рассмотреть, поморщился, но пропустил меня. Номер сработал. Знал бы я тогда, кому показывал ксиву. У Юрки он пил и отплясывал рок-н-ролл наравне со всеми. А гудёж был ещё тот, мы прыгали так, что казалось, пол вот-вот треснет, бедные соседи под нами, хорошо, если они отсутствовали. «Кто таков?» – интересуюсь у Юрки на кухне. «А-а, это Миша Поволоцкий» – «Где лямку тянет? Тоже, небось, в прокуратуре?» – «Не угадал, в КГБ». Так мы познакомились, но близко не сошлись, поскольку я сторонюсь представителей этой фирмы. Да и он в друзья не набивался, но вёл себя ровно, даже приветливо, в душу не лез, провокационных вопросов не задавал.. Позже мы пересекались несколько раз, болтали о том, о сём, у него тогда был сложный период отношений с женой. И вдруг Миша пропал, аккурат во время Афганской войны. Объявился Поволоцкий через год, и выяснилось, что он участвовал в захвате дворца Амина в Кабуле, за что получил орден Красной Звезды. Отслужив срок, Миша в чине полковника был откомандирован в Краснодарский край. Вот такой человек из когорты «незаметные герои среди нас». Наверно, в его библиотеке ещё хранится подаренная мной книга «Опальный Орфей» на 90-летнем юбилее Козина. Я привёз Вадиму Алексеевичу десять экземпляров, но застал в его квартире (будто специально меня ждали) двух генералов и одного пол-

ковника из Комитета глубокого бурения, вынудили презентовать сразу три экземпляра.

Больше вспоминаются «герои» из других сфер городской жизни. Ну, дела «пехтиных» и «цветковых» ещё свежи в памяти многих. В этом отношении магаданская вольница (часто поддатый первый секретарь, не отставали и подчинённые) провоцировала многих неустойчивых персонажей на криминал. Или на аморальные поступки, что считалось почти нормой поведения. В магаданском болоте устраивались, как могли: кто занимался незаконным бизнесом, как, например, зав ателье «Огонёк» Водовозов, кто – стукачеством и на этой стезе имел какие-то блага вроде поездок за границу, кто – успешно осваивал побочные профессии «несунов» и спекулянтов. А кое-кто из известных засветился на ниве «домогательств», вроде журналиста Б. из «Магаданки», или бывшего секретаря горкома ВЛКСМ товарища К-на. Правда, дела были заматы. Другой учёный и позже ректор пединститута Кокорев, женатый человек, из которого в начале 90-х сделали почти икону, спал всё лето с женой моего приятеля, что как-то не вязалось с моральным обликом будущего депутата Госдумы.

Я сидел в отделе кадров своего бэ-института, замещал начальницу, уехавшую в отпуск. Вдруг телефонный звонок из прокуратуры: «У вас работает такой-то сотрудник из такой-то лаборатории?» – «Да, есть такой» – «Можете придти сейчас или прислать кого-то на его опознание?» – «А что случилось? – перепугался я. – Он умер?» – «Да нет, слава богу, жив». Прокуратура напротив, через дорогу, в минуте ходьбы. Прихожу и вижу в кабинете следователя нашего кандидата биологических наук Н. Выяснилось, что молодой учёный муж в подъезде дома пристал к 12-летней девочке и совершил в отношении её, мягко выражаясь, аморальные деяния. За этим занятием его и застукали. Грозил срок. И руководство института срочно направило кандидата наук Н. на «лечение» в психбольницу на 23 километре трассы. Всё опять спустили на тормозах. Потом Н. женился и вскоре пошёл вверх по карьерной лестнице.

А теперь немного другой клюквы. С Костей Воловиком, по кличке «Балык», судьба свела меня в шахматном клубе, открывшемся во Дворце профсоюзов. До этого «клуб четырёх коней» функционировал в читальном павильоне городского парка, как раз за танцплощадкой, где играл Борис Гора со своей джаз-бандой. Очень удобно было:

помёрзли на танцах, погрелись в павильоне. Но это только летом. А всю зиму можно блицевать в подвале «красной яранги». Поначалу мы проникали в уютное помещенье через парадные врата Дворца, Потом Инбор (для несведущих: Инна Борисовна Дементьева, командирша культзаведения) эту лафу прикрыла, т.к. отдельные личности, вроде меня, бросив контролёру пароль: «В шахматный клуб», на самом деле оставались ещё и на танцы и прочие платные или закрытые мероприятия. Дверь, ведущую в подвал клуба, закрыли на замок, а снаружи, рядом с билетной кассой Дворца прорубили отдельный вход. Заведовал клубом Сёма Парамонов, «судья республиканской категории», как он подписывался под турнирными таблицами. А, может, таковым и числился, не знаю, но выпить был не дурак, и в короткое время из стройненького мужичка превратился в толстяка с заплывшей от постоянных междусобойчиков физиономией. Его живот напоминал мне большой надутый мяч, нагло выпиравший из державшегося на одной пуговице засаленного пиджака. Семэн шутил, поглаживая брюшко: «Комок нервов». Он со своим «активом» обычно «перехватывал» в каморке, где хранился инвентарь. И потом уже с красным, но сверхсерьёзным лицом показывался на люди.

Шахматным богом в Магадане считался мастер спорта (позже – международного класса) Юрий Шабанов, кстати, редко заходящий в клуб. Ступенькой ниже стоял кандидат в мастера по шашкам и шахматам Гена Туник, выросший, можно сказать, на моих глазах. Я помню, как ещё крошкой-вундеркиндом в парке культуры и отдыха, под присмотром отца-перворазрядника, он делал ничьи с чемпионом области по шашкам Шандалесовым. В 70-м Гена – чемпион области и по русским и по международным шашкам, в середине 80-х – чемпион России по шахматам. Сегодня Геннадий Исаевич Туник – международный гроссмейстер, входит в шахматную элиту страны.

Ниже в иерархии копошилась группа перворазрядников, среди которых особо выделялись Каленов, Савельев и Данилевский, всегда готовые пригласить желающих «на цугундер». В том же 70-м в Магадан приезжал Спасский, и Каленову, единственному из двадцати игравших удалось выиграть у чемпиона мира. Я относился к середнякам. Считаю, только потому, что не принимал в работе клуба активного участия. Получил первую категорию и – писец! Просто не хватало элементарного терпения

на все эти турниры по любому поводу: то первенство того, то первенство сего, то квалификационный, то мемориальный... Куда вольготней ощущать себя вольной пташкой. Постучал часиками немного для души и хватит, и никакой головной боли. А ещё комфортней я чувствовал себя в роли ни за что не отвечающего подсказчика. Иногда, правда, Тунику удавалось меня спровоцировать. Он возникал откуда-то сбоку и, крутя в пальцах фантик от любимых «Мишек на Севере», предлагал: «Ну что, Савченко, может партейку в шашматы?». Если я соглашался, то потом горько жалел об этом. Вокруг нас сразу собиралась толпа «комментаторов». Начинал я быстро и бодро, давил противника психологическими репликами, типа «не пройдёт и год, как будет ход», изматывал шахами: «Шагинян!.. Шагинян!.. Шахиншах!..». Гена изворачивался, как уж. Представление заканчивалось тем, что у меня самого падал флажок, либо я получал матеус. За всё время одну или две партии в блиц я у него выиграл, так он неделю после этого ходил раздражённым и всё караулил меня. А я тянул резину: «Не за то отец сына ругал, что играл, а за то, что отыгрывался». В конце концов предоставлял ему возможность разгромить меня и войти в привычную роль Цезаря. Но он действительно был талантливый юноша. В шестнадцать лет стать чемпионом России по международным шашкам – что-то значит.

Костя имел второй или даже третий разряд, однако, невзирая на чины, всё время по-матросовски рвался на амбразуру. Маленький, упитанный, он был на семь лет моложе меня, но привязался ко мне, как собака. С моей стороны это была снисходительная дружба. Чем я ему так полюбился, не знаю. Может, тем, что менял женщин, как перчатки, а он считал донжуанство верхом мужского шика. Вообще, поначалу он был пай-мальчиком, беспрекословно слушающим родителей, много читал, отличался любознательностью. Раз в «Магаданском комсомольце» я наткнулся на просьбу ученика школы №1 Я.Воловика рассказать о ртути, руду которой обнаружили в области, её свойствах и применении в народном хозяйстве. Забавно. Но кое-какие комплексы в нём сидели. Он перенимал мои привычки, жесты, повторял мои выражения за доской: «Не верь шлюхам»...

Прозвищем «Балык» он косвенно обязан своему отцу – Арнольду Эмильевичу. Воловик-старший дослужился до первого зама начальника УРСа Летягина, а его молодая жена Софа трудилась экономистом в

горторге. Так что их квартира на первом этаже дома № 7 по проспекту Ленина являлась маленьким аналогом сказочного склада из культовой миниатюры В.Ильченко и Р.Карцева и, как говорится, кипела молоком и мёдом. Однажды Арнольд Эмильевич при мне открыл ключом холодильник (а их было два), а там – смотрю – верхнее отделение под завязку забито зелёными баночками с икрой, а нижнее – «снаткой», балыком и сырокопчёной колбасой. Икра и крабы считались в Магадане валютой № 2 после спирта.

У Воловиков я впервые увидел японские магнитофоны «Пионер» и «Сони», которые даже в столице слыли большой редкостью. Впервые услышал записи Рубашкина и Реброва, Татьяны Ивановой и Зины Павловой, блатные частушки «Помидоры, помидоры...» в исполнении Коли Рыбникова. Был свидетелем, как известный в Союзе председатель старательской артели Туманов (почти миллионер!) просил у Арнольда лишний бульдозер («лучше «Катерпиллер»). А шмоток-то, шмоток... Не стоит и говорить о вившихся вокруг старшего Воловика магаданских модницах. За тряпки они готовы были на всё, но жертвовали, по-моему, только одним. Телефон раскалывался ежедневно, как в Смольном накануне восстания. Чего греха таить, я и сам отоваривался у него не раз: то джинсовый костюмчик фирмы «Ли», то турецкий лайковый пиджак, то модная осенняя куртка. Когда-то Никита Сергеевич Хрущёв обещал, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Для Воловиков эта мечта сбылась при Брежнев.

В это время начали раскручивать так называемое «дело УРСа» (какие-то разговоры о нехороших делах этой фирмы я слышал, но всё было на уровне неподтверждённых слухов). За злоупотребление служебным положением и спекуляцию в особо крупных размерах были арестованы начальник управления Летягин и зав промтоварной базой Шнеерсон. Шуфутинский мне рассказывал, что барыш делался в основном на японской радиоаппаратуре, взамен в Страну восходящего солнца отправляли какую-то ерундовину в ящиках, но ящиках, сбитых... золотыми гвоздями. По-моему, чушь собачья. А может и правда? Воловику-старшему как заму Летягина тоже светило стать фигурантом по «делу», но он, по слухам, купил себе свободу ценой «сотрудничества с органами следствия». На суде Летягин якобы кричал с пеной у рта: «Требую Воловика сюда!», однако Арнольд

Эмильевич в те дни уже заведовал аттракционами ЦПКО имени Горького в Москве.

И здесь во всей красе развернулся его талант прирождённого махинатора. Впрочем, лучше процитирую несколько выдержек из фельетона «Большие гонки», опубликованного в газете «Правда»: «...В столичном Центральном парке культуры и отдыха устраивались иные аттракционы... [Один из них] состоял в том, что при входе контролёр не отрывал у посетителя контрольную часть билета, а отрывал его целиком. Кем-то из них было прозорливо замечено, что при нашем дефиците бумаги, мы так и не научились её экономить: билетик вон какой – шестнадцать сантиметров! А если его сделать длиной в восемь сантиметров, что изменится? О, изменилось многое. Теперь кассиры рвали билеты пополам. И продавали их вдвое больше того количества, за которое отсчитывались. Но тут кассир А.Крузе ещё более мудро рассудила: «А что случится, если билет будет длиной не восемь, а, скажем, чуть больше пяти сантиметров?» И потихоньку от коллектива стала рвать многострадальную бумажку уже не на две, а на три части... Кассир получила взбучку от начальства за индивидуализм, но в принципе инициатива была одобрена и внедрена во всех кассах комплекса... Хапнув, кассиры периодически выглядывали из окошка и называли имя находившегося рядом контролёра: «Петя! Ваня! Коля!» И тот поспешно снимал с головы кепку и вешал её на забор. По этому условному сигналу наблюдавший в отдалении, специально выделенный для изъятия средств человек подходил к кассе, незаметно забирая образовавшиеся излишки и прятал их в надёжном месте, пока не наступал священный час делёжки. Общий доход за день составлял до трёх тысяч рублей... Кто вообще мог и должен был разоблачать? Заведующий комплексом А.Воловик. Но, во-первых, он (кстати, юрист с высшим образованием) был изгнан с предыдущей работы и исключён из членов КПСС за злоупотребление служебным положением и грубое нарушение правил советской торговли. А, во-вторых, Воловик как раз и являлся организатором этой шайки и получал десять процентов от её подпольных доходов...».

От себя добавлю, Арнольд Эмильевич получил 15 лет лагерей, отсидел две трети и был освобождён по болезни. Через год он вместе с женой эмигрировал в Европу, где супруги и почтили свои дни. Но всё это будет потом, а пока...

Однажды в «Северном» справляли день

Выходной день в «Северном». Миша Шуфутинский (в центре) и артельщик Мирза Кантемиров (с бородкой)

рождения Кости. Подобралась небольшая компания: Валерка Никитин, Славка Мореплавцев, Лескин и Ниночка Видевик, красивая еврейка, единственная дама в нашей компании.

«Для нашего друга Кости, – объявляет в микрофон руководитель оркестра Миша Шуфутинский, – которому сегодня исполнилось, не скажу, сколько лет, звучит его любимая песня «Созрели вишни!»». Барабанный туш, возгласы, Костя, как паяц, выскакивает на середину зала: «Танцуют все!» и – понеслась душа в рай... Запьянила всех в лихом угаре Мишина хрипотца:

*«Созрели вишни в саду у дяди Вани,
А дядя Ваня с тётей Груней нынче в бане,
В колхозной бане, на Марчекане.
А ты, Костя, не ругайся,
А ты, Борька, не кричи...»*

В ответ на эту самодеятельность мы, сцепив ладони, шлём улыбающемуся Мише наше дружеское рукопожатие.

Пришёл Мирза Кантемиров с каким-то бугаём по имени Саша. Мирза с внешностью кавказского князя был известен мне как костоправ областной поликлиники, а тут вдруг сменил профессию, стал начальником старательской артели. Костя тут же прилип к нему, как банный лист: «Мирза, возьми нас с Бобой к себе в артель, ну возьми». Я тихо чертыхнулся. Какая ещё, <...>, артель. Там или жара с мошкой или холод-рыга с грязью по колено, да по двенадцать часов за пушкой стоять. Охереть можно! «А

что вы делать умеете? Мне бульдозеристы нужны. Бульдозер знаешь?» – «Ну, Мирза...», – продолжал канючить Костя, упирая в основном на отцовские связи, что, мол, он для артели и то и сё... Пока Кантемиров терпеливо выслушивал Балыка, за соседним столом поднялся, я сразу узнал его, артист Кейв из театра, как всегда, в своём бутылочного цвета костюме с бабочкой. Приблизившись к нашему шалману с бокалом вина, он вдруг запел дьячковским тенорком: «*Давай по-русски, по-петербургски всю эту ночь мы проведём, сперва попойка, а после тройка, и скорбь и горе нам нипочём...*». Костя с ехидцей подмигивает: из голубых что ли?.. Вернулась на место шаставшая где-то Нина и давай мне рассказывать: «Представляешь, танцуем, он говорит: «Что-то лицо мне ваше знакомо», я его спрашиваю: «А где вы работаете?» «Вообще, слесарем, – отвечает, – но скоро буду инженером». А я ему: «О, это должно быть безумно интересно! Все эти ваши рашпили, керны, штихели, фланцевые притирки, резьба под муфту, стопарение калибровочным шпунтом! Знаете, я в этом ничего не понимаю». Так он обалдел. И что-то больше не приглашает. Наверно, вспомнил, где видел меня...».

Миша Шуфутинский, живший тогда у Валерки Коробкова, в том же доме № 7, но этажом выше, вспомнил в книжке (написанной вместе со мной) про наши выкрутасы и как под Сашины бабки мы трахали незамужних тружениц ресторана «Магадан»:

«...Ужины доставлялись прямо на кварти-

ру. Это надо было видеть, как грудастые, с необъятными бёдрами официантки в коротких юбочках выносили закрытые блюда с бифштексами и лангетами, салатами и заливными и – цок-цок – спешили в подъезд дома номер семь. Причём в ресторане была даже своего рода борьба за очередь: кому нести еду утром, кому – в обед, кому – вечером...». У Воловиков тоже имелось пианино, и Миша иногда «по просьбе трудящихся» горячил компанию блатным репертуаром:

*У меня было сорок фамилий,
У меня было семь паспортов,
Меня семьдесят женщин любили,
У меня было двести врагов...*

Но чаще мы ублажали себя сами. Миша запомнил, что он научил нас с Костей нескольким универсальным аккордам, при помощи которых можно было исполнять разные песни. Балык любил разводить меланхолию, лениво-небрежно прикасался к клавишам и хрипел, разыгрывая из себя уставшего от дел жигана: «Облака плывут, облака, в милый край плывут – в Колыму. И не нужен им адвокат, и амнистия им ни к чему...».

В областном Доме народного творчества, после окончания музучилища, тянул лямку

методиста и мой бывший приятель по забавам юности Славка Лежепёков, которого мы прозвали «графом де Леже». Потом он некоторое время работал директором городского кладбища. Собственно, приятелем он как бы и остался, но теперь мы шли каждый своей дорогой, виделись крайне редко и большей частью случайно. Я не помню, когда он перебрался в Москву, по моему, в начале 90-х, но с тех пор каждый год в святое для магаданцев 31-е число месяца августа мы регулярно встречались у Большого. Станислав Михайлович, набравший уже изрядный вес, появлялся в широкополой ковбойской шляпе и обязательно в сопровождении личного шофёра. То есть дела у него шли неплохо. Он, по примеру своего талантливого брата, возглавлял Школу каких-то знаний, с новейшими, им самим разработанными методиками, предлагал и мне читать у него лекции, но у меня в те годы книги пеклись, как блины на масленице (некоторые приятели то ли с завистью, то ли с ненавистью говорили: «плодовитый, гад»), поэтому я отказывался.

Прошло около десяти лет, и вдруг Слава предлагает мне поучаствовать материалами в газете «Государь», которую его фирма, после некоторого перерыва, вознамери-

...И разгар вечера. Поёт Шуфутинский: «Созрели вишни...»

лась выпускать снова. Оказалось, что мой дружок уже давно основал «Лигу возрождения традиций русской монархии», и теперь он является Великим магистром графом Вячеславом Михайловичем Лежепёковым, кавалером ордена «Св. Дмитрия Донского 3-ей степени» и многих других наград. Цель Лиги, как записано в её уставе: «Возрождение русского быта, истории, культуры, государственности, православия, а также тех гуманистических традиций и торжественных церемониалов, которые были свойственны Российской империи... Одна из задач Лиги – это содействие Президенту РФ в области внутренней и внешней политики...». Лига состояла из 9-ти Советов и Департаментов и Орденского капитула. Последний учредил несколько орденов и медалей, зарегистрированных в Русской Геральдической коллегии, внесённых в фалеристический реестр и имеющих сертификат качества Московского Монетного Двора. Когда я перелистал буклет с фотографиями награждённых, изумлению моему не было предела: М.Горбачёв, А.Яковлев, В.Черномырдин, В.Жириновский, В.Молтенской (генерал-полковник), князя А.Голицын и Н.Лобанов-Ростовский, Светлейший князь В.Меньшиков. Я уж молчу о многих народных артистах, известных бизнесменах и других уважаемых людях. «Граф де Леже» развил свою деятельность не на шутку. В общем, я вошёл в состав редколлегии «Государя», но ещё до этого тоже удостоился награды (из скромности умолчу, за какие заслуги) – ордена «Возрождения», а летом 2008 года, в честь 140-летнего юбилея последнего российского царя – медали «Святого Императора Николая Второго искупителя страстотерпца». Мы выпустили несколько номеров газеты, но в сентябре 2008-го случилась беда – Вячеслава Михайловича поразил инсульт. Несколько месяцев он находится в больнице, потом брат забрал его к себе. Но без него Лига, разумеется, приказала долго жить.

Как-то весной торчу на областной выставке изделий из моржового клыка, посвящённой 100-летию юбилею Ильича. Мы там с Сашей Бирюковым тихо подтрунивали над одной композицией, не помню точно, как она называлась: «Чукчи слушают Ленина» или «Ленин в яранге». Саша уже года полтора как работал главным редактором «Магаданского комсомольца» и вот неожиданно предложил мне написать что-нибудь в газету. Я воспринял это как конец пятилетнего «бойкота», к которому Бирюков

не имел никакого отношения, но нельзя сказать, что меня его предложение сильно обрадовало. Перегорел я давно, утратил форму, да и о чём писать. «Говорят, ты вхож в дом к Вадиму Алексеевичу Козину...» – «Давно это было». – «Но кому как не тебе о нём написать». – «Саша, окстись. Сейчас надо легенды слагать о самом дорогом всем нам, самом человечном человеке». – «Но его концерты-то в театре идут, никто их не запрещает». – «А мне Олег Деменин говорил, что собирается уйти из «Магаданки» из-за того, что его материал о Козине отклонили». – «Да, но ты всё-таки подумай». Я пожал плечами. Милый Саша, тебя тогда одолевали всякие «свежие идеи», а это не вписывалось в ситуацию и, видимо, потому на следующий год тебя заменили на посту редактора совершенно безликой в творческом плане Курт-Сеитовой...

Если уж вспомнил Бирюкова, то скажу пару слов о магаданской литературе. И если без обиняков, то её как таковой – опасное клише! – тогда и не было. Не секрет, одни имена умирают ещё при жизни, другие начинают жить после смерти. Своих Шукшиных и Распутиных колымская земля не взрастила. Все эти Нефёдовы, Некрасовы, Сергеевы и пр., устраивавшие книжные базары в парке или около магазина «Знание» в 50–60-е годы, канули в Лету, не оставив следа. Следующая генерация «инженеров человеческих душ» была ничуть не лучше. Скажете, а Куваев, Мифтахутдинов, Рытхэу наконец? Кого-то из них издавали даже за границей. Ну, в первых, напечататься там (в основном в странах соцлагеря) можно было только по разнарядке ЦК КПСС, исходя из идейной позиции авторов (а как насчёт Пастернака, Бродского, Солженицына?). А так, чтоб кого-то за бугром заинтересовало, что там пишут в городе на берегу Охотского моря – это, извиняйте, из области фантастики. Во-вторых, откройте любую магаданскую авторов (даже тех, кого я назвал), вы страницу одолеете с трудом. Сюжеты расплывчатые, вязкие, язык никакой, ни тебе свежих метафор, образности, глубокого мышления, запоминающихся строк – всего того, что отличает литературу от кондовой журналистики. Так, местечковая лабуда. Вот реанимировали тексты Куваева и Мифтахутдинова, ну и что – холостой выстрел. Где восторги, широкий читательский резонанс? Издали и тут же забыли. А был ли мальчик, как сказал Горький. Вообще говоря, за свой счёт можно напе-

чатать всё, чем и пользуются сейчас жаждущие славы горе-литераторы (грешен и я сам: ради тщеславной прихоти десяток лет назад издал в Канаде книгу за свои кровные). Не ясно одно, будут ли читать другие, пойдут ли их творения в народ. У магаданских издателей одно спасение – мемуары (кстати, жанр очень нужный). Их пишут все, кто не страдает деменцией и кому есть, что вспомнить, однако, это (опять извиняйте) ничего общего с литературой не имеет. Поэт Евтушенко, посетивший Магадан в 1977 году, обронил тогда фразу: «У вас в писательской организации всего пять членов Союза и среди них две группировки». Понятно, литература слабая, а грызня, чтобы напечататься, большая.

Если завтра война

Кому-то может показаться бредом, но в незабвенные шестидесятые пять лет своей бесшабашной жизни в Магадане я провёл в постоянном ожидании войны с Америкой, в готовности к возможному нанесению ядерного удара по столице Колымского края и прочих ощущениях созданной кем-то виртуальной реальности. Я работал в штабе ГО области, точнее, преподавателем на курсах гражданской обороны, которые структурно входили в этот самый штаб. А попал я туда благодаря протекции подполковника Степина (его дочь была подружкой Светки Морозовой, с которой я вынужденно расстался – после окончания магаданского «педа» родители увезли её в «ридный Киев»).

Для начала на Курсах меня попросили написать методическую разработку: «Действия отряда при угрозе радиоактивного заражения на территории пионерского лагеря». Конечно, я знал на зубок 35-часовую программу, изучил кое-какие пособия, в том числе «ДСП», но тут особо специфическая тема – подрастающее поколение. Школы ещё туды-сюды, а работа в пионерлагерях была самым узким местом в деятельности курсов. Короче, обложившись литературой и используя посильные журналистские навыки прошлого, я создал «эссе», которое очень понравилось начальству. И почти год потом только и делал, что писал новые методички или «освежал» старые. Вот, оказывается, где потребовалось моё порядком заржавевшее перо. Ещё мне оформили «допуск» к секретной документации, чем поначалу я очень гордился: как же, мне доверено право знакомиться с какими-

то важными государственными тайнами, читать про что-то такое, чего другим знать не положено. Правда, за всё время моей работы на ответственной преподавательской должности я ни разу не видел ни одной по-настоящему секретной бумаги. Так, какая-то лабуда, «закрытая» статистика для «методичек». Знаете, в то время если бы вы начали вырезать из «Магаданской правды» данные о добыче золота или олова да ещё обобщать результаты и делать выводы, то на вашей работе уже можно ставить гриф «секретно», потому что эти данные представляют интерес для врага. Да, «допуск» являлся масонской регалией, знаком особого доверия и благосклонности к тебе, помимо прочего, и соответствующих органов. Однако позже я понял, что это – мина замедленного действия. Ведь, имея доступ к мифическим секретам, я не мог попросить путёвку даже в Болгарию, и потом, после увольнения, ещё в течение нескольких лет пребывать в статусе «невыездного». Поэтому где-то на

Военные охотники

задворках сознания стала тихо копошиться мысль о бегстве с этой в общем-то пыльной работы.

Был, конечно, один плюс в работе. Пока курсы ГО не имели своего отдельного помещения, и мы ютились в Штабе, начальство, учитывая мою качественную работу, разрешило мне писать методички в областной библиотеке. По нормативам на подготовку одной методички отводилось до двух недель, я же успевал подготовить «болванку» за неделю, но материал умышленно не сдавал. Вторую неделю я тоже проводил в библиотеке (на случай проверки), но время тратил уже по своему разумению. То бишь пополнял свои литературные знания, а заодно знакомился в читальном зале с понравившимися девушками.

Так совпало, что одновременно сменились начальники штаба ГО и курсов ГО. Вместо харизматического либерала полковника Малинина в должность воеводы заступил внешне ничем не примечательный, молчаливый, вечно погружённый в свои думы полковник Попов. Но больше всего я горевал об уходе своего шефа Смирнягина. Как такого красивого, умного, мягкого человека занесло в армейщину, осталось для меня сфинксовой загадкой. Да он ведь и командовать не умел, всё как-то деликатничал. На его место перевели подполковника из Уфы Тарасова. Невысокого роста, с медвежьими глазками, в которых оставшееся от детства лукавство могло в один миг смениться едва сдерживаемой свирепостью. Было в нём что-то от великих моголов, которые, по свидетельству Карамзина, любили пьянство и настораживали своей абсолютной непредсказуемостью. Он мог учинить разнос за какую-нибудь мелочь, а мог проявить и неожиданное сочувствие. Однажды в понедельник Витя Дербеденев явился на работу с «больной» головой. Едва дождавшись «часа волка», послали коллегу Луку Нецадимова в центральный гастроном. Только, значит, разлили бутылку по стаканам, поднесли к губам, как в кабинет заходит Тарасов с указкой, какой-то плакат ему понадобился. Мы так и застыли, как кролики перед удавом. Он тоже на секунду остолбенел. Потом взял у Дербеденева стакан, понюхал и сердечно, как добрый врач, спросил: «Что? Так плохо?». Видимо, это состояние ему было хорошо знакомо. «Виктор Алексеич, я этого не видел. Где у нас тут «Индивидуальные средства защиты»?». Витя с готовностью нашёл плакат, а мы облегчённо вздохнули. Человек! Понимает!

В ту же пору произошла более интересная сцена, достойная пера разве что Чехова. У нас объявился новый преподаватель курсов по фамилии Тимошенко, с погонями подполковника авиации. Молодой детина, симпатяга, чуть ли не под два метра ростом. Никакой субординации он не соблюдал, со всеми запросто, я даже отчества его поначалу не знал, звал Костей. Костя постоянно керосинил. Причём, не с офицерами, а с нами, так сказать, вольнонаёмными. Я ни разу не видал, чтобы он проводил какие-то занятия. Где-то по полдню пропадал, потом вваливался в нашу комнату и требовал выпить. Приняв дозу, сидел за столом, подперев скулы руками, и что-то тихо бормотал. Иногда вскидывал голову и, глядя на меня в упор, спрашивал: «А почему это Борис Александрович сегодня твёрдый?». «А у него лекция скоро», – спасал меня Дербеденев. Дико поражало, что даже строгий Тарасов абсолютно не обращал внимания на его выходки. Даже как-то по-отечески прикрывал его.

Ситуацию прояснил флегматичный майор Пестриков: «Ну что вы хотите, он же сын маршала Тимошенко и женат на дочери Чуйкова» (маршал Чуйков в это время являлся начальником Гражданской обороны СССР – Б.С.). Ах, вот где собака зарыта! «А почему Магадан? Что, другого места не нашлось? В ссылку отправили?». Глупо улыбаясь, Пестриков пожимал плечами: «Натворил, наверно, что-то. На время убрали из Москвы. А тут всё-таки год за два».

Да-а, история... Мы на Костю стали по-другому смотреть, зауважали. Тут приезжает из Хабаровска некий генерал со свитой. Тогда практиковались такие плановые проверки работы штаба вышестоящим начальством. Захотелось генералу полюбопытствовать, как обстоит дело с обучением населения. Приводят его на курсы ГО. Тарасов встречает, докладывает, вытянувшись по струнке. А у нас в комнате Костя, как всегда, в своём сюрре, дремлет за столом. Генерал со свитой заглядывает в классы, даёт какие-то указания, наконец, останавливается перед нашей дверью. «Тут что у вас?» – «Здесь преподаватели производственного обучения сидят». – «Давайте посмотрим». Открывают дверь, Тарасов по инерции: «Товарищи офицеры, смирно!». А из офицеров в кабинете только один и тот лыка не вяжет. Генерал сначала опешил от увиденного, потом побагровел: «Это что такое?! Подполковник встать!». Со стороны Кости никакой реакции. Свита обескуражена. «Безобразие! Тарасов, фамилия подполковника?». Тот тянется к генеральскому уху, что-то шепчет. «Что вы бормочете?

«Говорите внятно!» – «Тимошенко, сын маршала», товарищ генерал». Холёный, властный чинуша вдруг скис, скукожился и сразу напомнил мне унтера Пришибеева. Но быстро пришёл в себя: «Душновато у вас тут... ладно, идём дальше. А как у вас обстоят дела с вентиляцией?». – «Да жалоб пока нет, товарищ генерал», – чуть ли не радостно ответил Тарасов. После ухода начальства он долго вытирал пот со лба и признался: «Я подумал, всё – погоны полетят». Лука Нецадимов возразил: «Скорее, у генерала погоны полетели бы». – «Виктор Алексеич, у тебя там не найдётся?» Дербеденев полез в шкаф: «Найдётся, Георгий Петрович». – «Давайте и вы, ребята, я разрешаю». Нас уговаривать было не нужно. А Костя так и кимарил, уткнувшись головой в стол. Потом, когда мы ему рассказали во всех подробностях о генеральском визите, он удивлённо хлопал глазами: «Да ну, не может быть... Правда?!. Да не может быть... А, хер с ними...».

Годы спустя, а если быть точным, в мае 1995 года я познакомился в Москве с очаровательной графиней де Карли. Это было хрупкое миниатюрное создание в изысканном красном костюме и такой же изысканной красной шляпе с широкими полями. Мы сидели в ресторане на шестом этаже Дома актёра, пили водку, и я, опьянённый не столько алкоголем, сколько близостью к героине многих светских хроник в Европе, объяснял ей, что то, чем мы закусываем, вовсе не хачапури, как многие называют здесь, а уалибах – осетинский пирог. Правда, почему именно уалибах является фирменным блюдом ресторана (между прочим, и сегодня) я объяснить не мог.

Патрицианка приехала в Москву на презентацию своей книги «Ничего кроме хорошего» («nîl nîsî bene»). Книга издана под именем Елены Щаповой (фамилия её первого мужа), и я, конечно, получил экземпляр с дарственной надписью: «*Борису в день чудесный после дождичка во вторник* (был действительно вторник и накануне прошёл ситничек. – Б.С.). *Е.Щапова 16.05.1995*». И указала телефон, где её найти: 152-51...

Когда-то она жила в СССР, её детство прошло в подмосковном дачном Томилино. А потом... В богемной среде её звали Воробышкой, Козликом. Когда она вышла замуж за самого богатого в Союзе художника Щапова, её имя, как выразился один журналист-картёжник, стало эмблемой столичной тусовки. Вторым мужем Елены Щаповой стал Эдуард Лимонов, они поженились перед самой эмиграцией в 1972

году. Знаменитый роман Лимонова «Это я – Эдичка» – история их отношений. На Западе пути молодожёнов разошлись. Лене, ставшей топ-моделью, удалось обаять состоятельного итальянского банкира. Так она стала графиней де Карли и после смерти благоверного в начале 90-х унаследовала его состояние, к сожалению изрядно пощипанное. Между прочим, её палаццо находится минутах в семи от Ватикана. В апартаментах живопись знаменитых художников. Особенно впечатлял фотоколлаж Михаила Шемякина: обнажённая графиня Карли на чёрном коне.

К чему я это всё рассказываю? Да к тому, что в её книге «Ничего кроме хорошего» одним из персонажей является... Костя Тимошенко. Правда, он фигурирует под именем Алёши Викошенко, «сына знаменитого маршала». Но в одном месте романа Лена всё-таки проговорила (а редактор не заметил): «...я выдёргиваю свою руку из-под полураскрытого костинного пиджака...» А речь-то идёт об Алёше, никакого Кости там нет в помине. События происходят на рубеже 60–70-х, как раз когда мы протирали штаны на областных курсах ГО. Алёша (то бишь Костя) до беспамятства втюрился в Лену, сделал ей предложение, сказав: «Любовь моя, первая настоящая любовь...». А девушка на распутье. Зачем ей «несчастный алкоголик», да ещё женатый, когда вокруг неё вертится рой молодых и холостых, и среди них приятель Алёши – респектабельный Велемир. Под новый год Алёша уговорил Велемира пригласить его (Алёши) жену в Дом кино, а сам же намеревался увести Лену на правительственную дачу отца. А Велемир проболтался, потому что сам собирался жениться на Воробышке. Интрига, как пишет Щапова, закончилась так: «Больше всех пострадал Алёша. До Лёли (его жены. – Б.С.), конечно же, дошёл весь светский скандал, и Алёшу, недолго думая, сослали на Урал, командовать уж Бог знает какой базой. Это был удар, но отказаться он не мог, так как сын маршала Викошенко находился под личным командованием маршала Чулкова...». Вот так. Лена, разумеется, не ведала, что Костю сослали не на Урал, а отправили подальше – в город Магадан, и не командовать какой-то базой, а преподавать на курсах ГО области. Как он преподавал, я уже говорил. Как говорят в народе, завивал горе ремешком. Лена же, побыв в недолгом браке с художником Щаповым (он оказался безнадежно болен), вышла замуж за диссидента Лимонова. Дальше вы знаете.

Гостиница «Центральная»,
где останавливались гастролёры

Костя Тимошенко задержался в Магадане ненадолго, по-моему, сразу после смерти отца, вернулся в Москву. До генерала он не дослужился, ушёл из жизни в начале 90-х в звании полковника авиации. Вечная ему память.

Брызги шампанского

Однажды, в конце 70-х, со своей очень красивой девушкой по имени Лена я пошёл в театр. Такой красивой, что всякий раз, когда мы возвращались с каких-то мероприятий домой, она вытаскивала из кармана пальто кучу записок с номерами телефонов, то есть не успевал я куда-то на минутку отлучиться, как мужики совали ей эти клочки бумаги.

В театре предстоял концерт заезжей знаменитости, поэтому у раздевалок толпился народ, что бывало там весьма редко. Мы растерянно оглядывались по сторонам, куда бы приткнуться, и вдруг к нам подходит невысокого роста человек с серебристыми висками, в элегантном костюме-тройке и так по-свойски, как старым знакомым, говорит: «Пойдёмте, разденетесь у меня». Я

сразу сообразил, что это не ради меня, а просто он запал на мою спутницу. Мы прошли в его кабинет на первом этаже театра и там уже рассупонились. Так я познакомился с директором филармонии Владимиром Александровичем Рубаном – человеком, которого знал весь эстрадный мир СССР. С тех пор наша дружба с ним, хотя он был старше меня почти на десяток, продолжалась целых двадцать лет, до самой его внезапной кончины. Поначалу я получал от него контрамарки на концерты гастролёров, потом у меня сформировалось нечто вроде хобби – благодаря Владимиру Санычу я знакомился с приезжавшими артистами, брал у них интервью и кое-что печатал в «Магаданской правде» и «Магаданском комсомольце».

Встреч было немерено, и некоторые из них (с противоположным полом, разумеется) имели даже романтические продолжения. Кажется, началось всё с первого приезда Валентины Толкуновой. Я так влюбился в неё, что сразу забыл о своей Лене. Цветы за кулисы, чаепитие в кабинете Рубана, проводы в гостиницу – прелюдия наших отношений. Но столько поклонников

осаждало её, что, боюсь, она меня сразу же забыла, как только села в самолёт на Москву.

По-настоящему наше знакомство состоялось в благословенном городе на берегу Чёрного моря. Там проходил Всероссийский конкурс исполнителей советской песни «Сочи-82». Она была Официальным лицом, Членом жюри, я выступал в скромной роли журналиста. Находясь в «северном» отпуске, по благу получил аккредитацию (гостиница, командировочные и пр.) от журнала «Советская эстрада и цирк», там напечатались мои первые публикации о Вадиме Козине и ансамбле «Эргырон», которым, кстати, до переезда в Магадан руководил Рубан.

По вечерам я, нацепив значок «Пресса», отправлялся в Зал филармонии, присутствовал на концертах-прослушиваниях, брал интервью у начинающих певиц и членов жюри. Валентина Васильевна сразу узнала меня и, как мне показалось, очень обрадовалась нашей встрече. Оказалось, мы жили с ней в одной «Приморской» гостинице, где ещё теплилось очарование «дворцового» стиля 30-х годов, и даже на одном этаже. Иногда вместе завтракали или обедали. Общались довольно часто, и наша дружеская близость закрепилась потом не только свиданиями в Москве, но и встречами в Магадане. Позже судьба развела нас в разные стороны.

Весной 2010 года я лежал в Боткинской больнице, и последний день моего пребывания в ней отметился печальным событием. Утром 22 марта я с нетерпением ожидал выписки, как прибежала сестра из ренимационной и сообщила, что только что умерла Валентина Толкунова. Ночью её привезли в тяжёлом состоянии, а в семь утра певицы не стало. Так ушла из жизни красивая певица и мой близкий друг, и сердце моё надолго запечалилось.

Вернусь в Магадан. В другую зиму в город приехала Эдита Пьеха. Но знакомству с ней я обязан не Рубану, совсем другому человеку, и что удивительно, моему коллеге по работе Борису Кузнецову. До приезда на Колыму он работал в ленинградской милиции и там раскрыл дело об ограблении квартиры Пьехи. Когда артистка со своим мужем Броневицким вернулась в Ленинград с очередных гастролей, то обнаружила пропажу дорогих вещей: двух шуб (одна – нерпичья), магнитофона и пр. Пятнистая нерпичья шуба – вещь приметная, и Борис, будучи сыщиком, сразу ринулся по рынкам и комиссионкам и где-то в магазине обна-

ружил пропажу, а через неё вышел на жуликов.

В Магадане он в чине майора раскрыл нашумевшее дело о хищении крупной суммы денег – месячной зарплаты работников Магаданского ремонтно-механического завода. Деньги из банка везли в простом «газике», без охраны, только водитель и женщина-кассир. Преступники остановили машину, шофёра огрели по голове монтировкой, кассиршу усыпили смоченным чем-то платком и – сгнули с двумя мешками денег. Женщина потом очухалась, водитель, молодой парень, отделался небольшой травмой. За него-то и уцепился Кузнецов, серьёзно припугнул парня, а тот оказался трусливым, быстро сознался, что это он с приятелями организовал нападение и показал, где спрятаны деньги. За оперативное раскрытие преступления милицейское начальство получило награды и звания, а Кузнецову дали только почётную грамоту. Он, естественно, обиделся и ушёл из милиции в адвокатуру. Там не прижился и перешёл юрисконсульт в Биологический институт, где служил и ваш покорный слуга.

В первый же вечер выступлений Пьехи (я ещё не успел позвонить Рубану), он пригласил меня и фотографа Олега Михайлова в Дворец профсоюзов и, ничего не объясняя, повёл нас за кулисы. Постучав, открываем дверь в одну из комнат и – вот сюрприз! – видим Эдиту Станиславовну и её нового мужа Геннадия Шестакова, бывшего хабаровского кагэбешника и хорошего бабника, как потом мы узнали. Это был первый и последний раз, когда я видел его в Магадане, хотя наведывался за кулисы каждый вечер. Он всё время где-то пропа-

С Янковским

С Толкуновой в Магадане

С Толкуновой в Сочи

дал. Спрашиваю у Рубана, тот только загадочно усмехался.

Пъеха довольно бурно среагировала на появление Кузнецова, начались воспоминания о той ленинградской краже, знакомство с нами. Я брал у неё интервью и, поскольку супруг допоздна где-то шляется, мне пришлось пару-тройку раз провожать Эдиту Станиславовну до гостиницы «Центральная». Там, правда, идти от Дворца всего ничего – метров двести.

Позже Кузнецов неожиданно уволился и объявился уже в Москве. И тут в полной мере раскрылись его юридические способности. Помните знаменитое дело с защитой генерала КГБ Калугина? А не менее звонкие дела с Председателем Совмина Рыжковым, спикером Совета Федерации Шумейко, генералом Крючковым, с актёром Юматовым, с

С Гурченко

С Градским

С Эдитой Пъехой

Бабуриным, Руцким и т.д.? Это всё он – защитник Борис Кузнецов. Уникальный человек! В Подмоскowie он выстроил себе огромный особняк в виде корабля, обставил старинной мебелью, собрал целую коллекцию дорогих фолиантов. Последнее дело Кузнецова – защита интересов родственников погибших моряков атомной подлодки «Курск». Тогда власти не позволили ему довести расследование до конца. Во избежание негативных последствий Кузнецову пришлось эмигрировать в Штаты. Потом он перебрался в Прибалтику, где живёт и поныне, только очень болеет. Доброго тебе здоровья, старинный товарищ, да продлит Господь твои дни.

В 1983 году в Магадан прилетела со своим наспех собранным ансамблем «Лето» Людмила Сенчина. От Рубана я узнал, что она заключила договор на три года с Магаданской филармонией. Любопытно, что в составе её ансамбля работал тогда никому не известный бас-гитарист Игорь Тальков. Он пробыл недолго и был уволен, кажется, по настоянию московского мужа певицы Стаса Намина по прозвищу «микоянчик».

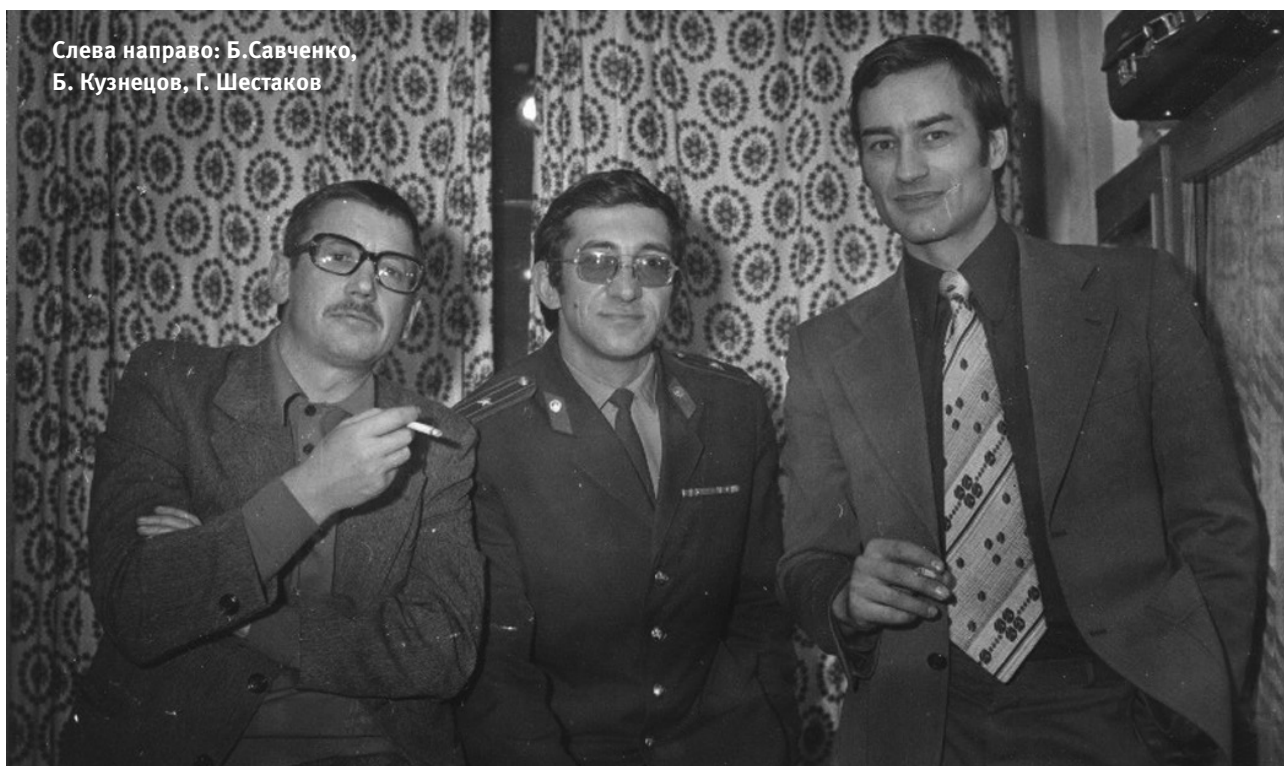
В Ленконцерте у Сенчиной по разным причинам испортились отношения с руководством, а тут в Москве появился Рубан и через Намина сманил певицу что называется длинным рублём на Колыму. Точно не помню, по-моему, она должна была три

месяца в году петь в Магадане и области, а остальное время работать на материке, где душа пожелает.

И вот однажды сижу я у Рубана в кабинете, пью чай, чувствую, что хозяин кого-то ждёт. Без стука заходит вдруг невысокого роста женщина в дублёнке цвета какао и пушистой шапке-магаданке. Улыбается, одарила меня цепким взглядом – я не сразу узнал её, но почему-то знакомый щебечущий голосок произнёс расхожую на Колыме фразу: «О, какие люди и без охраны!» Владимир Саныч помогает ей раздеться, знакомит со мной, усаживает за стол, спрашивает, как прошла поездка по трассе. Потом, как бы между прочим, достаёт из стола пачку сторублёвок и молча передаёт ей. Сенчина, не пересчитывая, кладёт деньги в сумочку, и милая беседа продолжается. После её ухода Рубан шутливо предупредил меня: «Будь осторожен, она любит мужиков». А я подумал, чего ж тут бояться, радоваться надо.

Из многочисленных наших встреч в память врезались две. Об одной я уже писал. Повторюсь, если кто не читал. Она произошла спустя годы. Мы втроём – я, Рубан и Сенчина – зашли в ресторан «Магадан» поужинать.

Ресторан пустой. Кроме нас только за одним столом мужик в одиночестве пьёт. Но он сам по себе, мы сами по себе. Проходит время, официант вдруг поднос приносит: бутылка коньяку, балык, шашлыки. Что такое, мы заказ не делали. Официант кивает на мужи-

Слева направо: Б. Савченко,
Б. Кузнецов, Г. Шестаков

В.Рубан и Б.Савченко с первыми экземплярами моей книги

ка: «Презент вам от того стола». Мужик так весело рукой нам помахал, ну, мы кивнули, мол, спасибо. Через полчаса опять поднос: шампанское, икра, крабы... И опять от того мужика.

Проходит меньше часа, опять поднос: коньяк, икра, языки... Мы уже и не благодарим, потому что и сами набрались прилично. И главное – уже первый час ночи, а кабак-то работает до одиннадцати.

Наконец, подходит официант, злой, как фурия, и тихо так процедил: «Ребята, вы мне ничего не должны, только давайте убирайтесь немедленно, а то он нас разорит сегодня» – и кивает на мужика. «А кто это такой щедрый?» – спрашивает Рубан. «Проверяющий наш из налоговой инспекции. Вот прихоть наша угощать за счёт ресторана других» – «Наверно, ему наша Люда понравилась», – вздохнул я, но задерживаться мы не стали и быстренько ретировались.

Однако в первый год пребывания Людмилы Петровны в Магадане у нас с ней случилась ещё более удивительная встреча. Мы были уже на ты, у неё закончились гастроли на трассе, она собиралась в Москву, но из-за непогоды застряла в Магадане. И вдруг её звонок: «Не составишь мне компанию в бассейн?». Я чуть не подпрыгнул от столь неожиданного предложения. Достал бутылку шампанского, всегда хранившуюся у меня на всякий пожарный. Встретились, приехали на

Парковую. Тут маленькая изюминка. Не знаю уж, кто договорился с директрисой, Рубан или сама Сенчина, но нам предоставили не общий бассейн, а другой, десятиметровый, так сказать, для вип-персон. Мы оказались в нём одни, и Людмила Петровна для верности закрыла входную дверь на ключ, дабы посторонние не заглядывали. Пощупали воду – нормальная, даже подогретая. Начали раздеваться, Люда вдруг с улыбкой подмигивает: «А что, Боря, догола слабо?» У меня аж сердце ёкнуло. Заикаясь, ответил: «Ну, если вместе с тобой?» Скинули с себя всё, и я с неммым восторгом залюбовался роскошным телом красавицы. Она тоже прошла по мне оценивающим взглядом, и мы бросились в воду, аж брызги вверх, будто взрывы мин. Брызги шампанского! Эйфория! И ананасов не надо. Это были феерические минуты – описывать не могу, даю волю читательской фантазии.

Но если со мной и тем более с Рубаном Сенчина вела себя, как ангел, то со своим коллективом общалась, почти как тиран, и музыкантов называла не иначе как «тухлым задником». Они платили тем же, именуя её промеж собой «ЛюдАедкой-золушкой».

Владимир Саныч рассказывал мне, видимо, рассчитывая погасить моё восхищение певицей, что, кроме мужиков, эта золушка любит большие деньги. И без конца напоминает ему, что если уж она подписалась петь по «колымским пырловкам», то должна зарабатывать на хлеб с маслом и чёрной икрой. Действительно, в трассовской глубинке и на Чукотке (ещё входившей в состав области) она устраивала настоящий чёс – работала по пять концертов в день: с десяти утра до десяти вечера. Что интересно, местные жители, скажем, в Ягодном, голодные до знаменитых артистов, покупали каждый сразу по пять билетов, то есть на все выступления. Приходили со всем семейством, со жратвой, и весь день сидели в клубе. Правда при таком графике Сенчина не очень утруждала себя – в «сольнике» она пела не более пяти песен, остальное время занимали конфетанс и музыкальные номера ансамбля.

Рубану Людмила Петровна обходилась дорого. Дежурные администраторы гостиницы хватались за головы, получая ежедневные квитанции за часовые разговоры певицы по межгороду со своим московским мужем. Оплачивала счета, разумеется, филармония. Более того, Сенчина настояла на том, чтобы Владимир Саныч оформил в «Лето» двух своих помощниц. Рубан только вздыхал, но подчинялся. Он как-то признался: «У нас евреев не позор попасть в тюрьму. Никто так

не сидел, как евреи. Позор загреметь в психушку прямо из кабинета. Когда я вижу у этой Клавы (помощница Сенчиной) в графе «образование» – шесть классов, а в трудовой книжке – «уборщица» и «стрелок охраны» и при этом гастролёрша требует провести её в штатное расписание как «инженера по электронике» – тут прямой путь для подписавшего этот бред не в тюрьму, а прямо в палату № 6...». В довершение всего Владимиру Санычу донесли, что его любимая певица тайно ходила в обком жаловаться Малькову, что Рубан «не пробивает» ей звание «народной артистки». А Мальков – это первый секретарь обкома КПСС, который пришёл после пьяницы Шайдурова и про которого местные остряки говорили: «Щуку выгнали, а мальков пустили».

В общем, была без радости любовь, разлука стала без печали. Но я всё равно жил воспоминаниями того вечера в бассейне.

Оформив пенсию, Рубан улетел во Владимир, где возглавил местную филармонию. Мосты, видимо, он навёл заранее, бывая и в частых командировках. Да его, собственно, знали все эстрадники Советского Союза, и артисты любили за то, что он давал им хорошо заработать. Немного спустя Владимир Саныч перебрался в Москву, поработал год с небольшим в «Фонде Роллана Быкова» на Чистых прудах, а потом я вдруг узнаю (сам я давно жил в Первопрестольной), что он возглавил «Мосэстраду».

Когда я впервые навестил старшего товарища в его офисе, находившемся рядом с театром «Ромэн», первый его вопрос удивил меня: «А Лена тоже с тобой?» – «Нет, я её оставил в Магадане» – «Да-а, – с грустью протянул он, – жаль...». Ну, не буду же я говорить, что моя пассия изменила мне с каким-то настрым поклонником.

Теперь мои отношения с Рубаном приобрели деловой характер. Возникла идея – создать книгу об артистах «Мосэстрады», а их там не одна сотня. Я засел в отделе кадров и занялся просмотром анкетных карточек, выписывая интересующие меня биографические данные. Потом провёл десяток интервью. И в конце концов родилось этокое подарочное издание «Московская эстрада в лицах», которое очень понравилось Владимиру Санычу. «Но имён маловато, – сказал он, – пусть это будет первый том. Надо бы подготовить ещё два, есть много достойных артистов» – «О чём разговор, – обрадовался я. – Будет сделано».

К великому сожалению, наша затея почему-то очень не понравилась директору Москонцерта Булгакову, кому подчинялась как одно из его подразделений «Мосэстрада».

Состоялся весьма неприятный разговор Булгакова с Рубаном. Впрочем, директор Москонцерта вообще недолюбливал Рубана, потому что тот путём каких-то ухищрений стал во главе «Мосэстрады» во время отпуска шефа, а Булгаков планировал на это место своего человека. «Что, идея приказала долго жить?» – спросил я Владимира Саныча, когда он, весь красный, вернулся из кабинета начальника. «Всё равно издам, ты только пиши, материала у тебя хватит».

Не очень-то я поверил ему тогда. В понедельник звоню ему на работу, а секретарша тихотакотвечает: «Владимир Александрович вчера умер, инсульт». Я был ошарашен, горькая боль пронзила моё сердце. Только в пятницу обсуждали планы, и ничто не предвещало трагедии, а в понедельник его уже нет. Булгаков, правда, недолго задержался на этом свете. Поехал в очередной отпуск в Израиль и там, говорили, утонул в море. Получилось, что Бог всё видит, мне отмщение и аз воздам.

Любопытно, что весь тираж нашего «первого тома», оплаченный Рубаном, после его смерти куда-то исчез в недрах издательства «Гном-пресс», нам привезли только двадцать экземпляров, десять из которых я успел забрать себе.

Позже на основании материалов, собранных в «Мосэстраде», я выпустил в «Алгоритме» справочник на 600 имён – «Кумиры российской эстрады». Теперь эти книги – библиографическая редкость. Благодаря «Кумирам...» моё имя попало в энциклопедию «XX век. Эстрада России», выпущенной Институтом Искусствознания». Тоже, кстати, раритет.

У фонтана, но не в ГУМе

Несколько лет назад один из давних приятелей за рюмкой чая спросил: «Почему бы тебе не написать о ежегодных августовских встречах северян у Большого театра?». В самом деле, почему? Да, я бывший магаданец, регулярно бываю на этих сборищах у фонтана, и передо мной, под щемящую музыку времён и звон стаканов, калейдоскопом прошло не одно поколение колымчан (из тех, кого я знал хотя бы визуально), от секретарей обкомов до отпетой магаданской шпаны. Но я тогда отказался, хотя мысль показалась мне стоящей внимания. Писать о судьбах реальных людей, у кого-то удавшихся, у кого-то разбитых, и в тысячный раз повторять, что годы не щадят никого – только наживать себе новых врагов или

отбивать у кого-то желание засвечиваться на этих встречах. А зачем оно мне? Зашифровывать все имена подряд, как это делал Катаев в «Алмазном моём венце», – тоже не годится, теряется острота сюжета. Однако идея засела в голове и периодически воспаляла моё воображение. Начиналась прикидка, обмозговывание темы, наплывом возникали и так же исчезали какие-то фигуры из давнего и недалёкого прошлого. А тут ещё разбередил душу случайно найденный мной в Инете «Список выпускников и всех учащихся 1-й Магаданской школы» – от Сергея Наровчатова до последних птенцов, покинувших гнездо накануне его разорения. Из глубин сознания всплыли давно забытые тобой имена.

Саша Игишев... Мой одноклассник, ходивший, как и мы – я, Серёга Манухин, Ира Лапшинова, Валька Поспелов, Руслан Ицков, Нина Роговенко, Сашка Кусиков, Давид Райзман (нашёл и его фамилию в программке спектакля «Двадцать лет спустя») – в Дом пионеров в драмкружок Зои Константиновны Левитской. Саша был, как гений, замкнут, весь в себе, но я запомнил его взгляд, острый и чуточку надменный. Его мать директорствовала в школе, отец, по-моему, из репрессированных. Саша первым из нашей компании штурмовал ВГИК, попал в мастерскую М. Ромма, мы ему прочили большое будущее, но яркого продолжения не последовало. На Одесской студии он сделал несколько проходных фильмов, а после съёмок Чернобыльской катастрофы получил инвалидность и творчески угас. Жаль!..

Таня Варфоломеева, волоокая красавица с косой, которую она отрезала сразу же после получения аттестата в 1964 году. Я познакомился с ней, когда она уже обзавелась ребёнком, был короткий период увлечения, а где-то через десяток лет после того я узнаю от Ларисы Исааковны, нашей общей знакомой, что Таня в Москве попала под электричку.

Ещё примечательные (для меня) имена из того же «Списка...». Эдик Рудерман, тоже мой одноклассник. Запомнился мне как классный футболист, игрок юношеской сборной города, обладавший пушечным ударом и набором виртуозных финтов... Гриша Антимоний, уже из более молодой поросли, в 70-х работал в театре на Таганке, кажется, завлитчастью, потом эмигрировал в Штаты. Таня Афанасьева... Аня Зеленская... Люда Каштанова... Нина Видевик... Неглупые симпатичные девушки, с которыми очень хотелось познакомиться поближе, но не сподо-

билось. Разметала их жизнь по глобусу.

Нашлась в «Списке...» и моя фамилия. Я одолевал в Первой 2-3-й классы, в те самые годы, когда эту школу заканчивал Василий Аксёнов. Мы были школьниками разных поколений, но садились за парты и выбегали на перемены в одно и то же время. Смотрю на старые, потрескавшиеся фотографии – как же мы плохо были тогда одеты. Десятиклассники носили рубашки апаш и широкие, как дунайский рукав, штаны, у каждого на груди комсомольский значок: золотистый профиль Ильича на фоне красного знамени и надпись: ВЛКСМ. Выпускники группировались у больших окон, руки в брюки, что-то живо обсуждали, и в их смеющихся глазах просвечивали необъяснимые приметы «взрослости». Наверное, не раз я там видел и Василия Аксёнова, но десятиклассники, обременённые планами на будущее, вообще не обращали внимания на мелюзгу под ногами, да и мы, без всякого пиетета к старшим, жили своими особыми лилипутскими интересами. Потом Аксёнов со товарищи ушли в большую жизнь, а меня перевели во вторую школу, которую рядом с моим домом построили заключённые.

Никого из упомянутых лиц я у колонн Большого театра не встречал. Лишь однажды, лет десять тому, пришла Люда Каштанова, но это была уже не та девушка, которая встречалась мне во время променадов по магаданскому «бродвею». Ради приличия взял у неё телефон (она жила где-то в Подмосковье), однако ни разу так и не позвонил. Да и что вспоминать, ума не приложу.

Вообще говоря, многие магаданцы, бывшие и не бывшие, не жалуют это вроде бы давно канонизированное мероприятие. Другие – наоборот – посещают его с настырным постоянством. Моё приобщение к магаданскому муравейнику, возникавшему раз в год в центре столицы, началось в середине 70-х, когда по случаю меня заносило в Москву. С переездом в Первопрестольную эти посещения приобрели ритуальный характер. И сейчас, сквозь призму прожитых лет, я вижу и осознаю, как революционно изменилось моё восприятие неизвестно кем придуманного междусобойчика (сегодня пальму авторства оспаривают многие), – от благоговейно-восторженного до раздражённо-скептического.

70–80-е годы... Мы, то есть я и мои сверстники, ещё сравнительно молодые, жадные к жизни во всех её проявлениях, приходили к фонтану ненадолго, рыскали по всем углам, старшего поколения, сиречь пенсионеров, в упор не замечали. Если попадался кто-то из

не очень близких в прошлом приятелей, общения хватало на полминуты: «Привет!..» – «О-о, какими судьбами?..» – «Да вот, проездом... А ты?..» – «Живу здесь... Ладно, давай» – «Даю»... Примерно в таком плане, как говорил Райкин, в таком разрезе. Цель у нас тогда преследовалась незамысловатая: подловить каких-нибудь магаданских друзей, жаждущих приключений в столице, и, для продолжения ностальгических диалогов, к приятелю – «на хату». А там балдёж под водку, угощение столичным деликатесом типа солёного арбуза и, если повезёт, интимный контакт. Всё, больше никаких впечатлений от события, которое вроде бы ждали целый год.

90-е годы... На моей бытности это расцвет тусовки. Я давно женат, примерный семьянин, грехи молодости прочно забыты, пытаюсь утолить новые интересы. Основательно приглядываюсь вокруг, ошупываю взглядом живописные группы, «забывшие» для сердечных разговорчиков свободные скамейки, парапеты и даже места под сенью сливолистных яблонь (потом их заменили на чужеродные деревья, теперь и их свели). На любых плоскостях – неказистые, без изысков, натюрмортики: водка, нарезанные как попало солёные огурчики, колбаса и сыр, раздербаненные упаковки бумажных или пластмассовых стаканчиков. Правда, в год перед Миллениумом некий кандидат в депутаты привёз сюда бочонок икры и накладывал ложками всем желающим. Тусовка забурлила, мигом образовалась неуправляемая очередь алчущих и жаждущих халявы – зрелище паскудное. Даже далеко не наивные московские старушки-пенсионерки поддались соблазну, вероятно, решив, что это очередная лужковская акция.

Территория сквера неформально размежёвана «по интересам». Слева от фонтана, если смотреть на фасад Большого, кучкуются вышедшие в тираж партаппаратчики, всякого рода начальство, бывшие комсомольские работники и прочие активисты. Справа толчётся разношёрстная публика более мелкого пошиба. Аллею, ведущую к «Мюр и Мерилизу» (ЦУМу), избрали местом своей дислокации товарищи из «органов». Довольно замкнутый кружок, случайный пришелец тут не разживётся стопкой.

Молодёжь забронировала пространство на «подиуме» фонтана, сверху хорошо и на людей посмотреть и себя показать. Кругом снуют одиночки, ищущие неизвестно кого. В разных местах сквера над головами возвышаются таблички: «Мальдяк», «Нексикан», «Магадан, 7-я школа»...

Какая вспыхивает радость, когда кто-то кого-то находит. Возгласы, объятия, поцелуи, обмен визитками и телефонами. Пик толковища наступает в районе семи часов. Новых лиц уже больше не появится, зато импровизированные застолья в самом разгаре. Иногда у тротуара останавливается патрульная машина, стражи порядка бегло окидывают взором этот табор и объявляют в мегафон: «Граждане, распитие спиртных напитков в общественных местах категорически воспрещается!». Никто даже внимания не обращает. Милиционеры, постояв минут десять, удаляются восвояси.

Потом пиршество идёт на убыль. Редуют ряды покорителей севера, кому-то на поезд или в аэропорт, кому-то в гостиницу, другим, как и мне, просто домой. Хорошего помаленьку. Продолжают держать оборону только гуляки да любители долгих бесед. Почему-то хочется процитировать Довлатова: «Где водка, там и родина!» На парапетах кое-где остаются недопитые бутылки, недоеденный хлеб – это уже добыча для бомжей.

Несколько запомнившихся фигур того десятилетия. Ещё был жив знаменитый скрипач Александр Дзыгар. Его красивая высокая фигура виднелась уже издали. безукоризненно причёсанные волосы, элегантный бархатный пиджак, бабочка и красный платок в нагрудном кармане. Мы находили местечко в «демократической» зоне сквера, усаживались, и Александр Артамонович начинал что-то рассказывать о неурядицах и хронической нехватке денег, преследующих его с самого приезда из Магадана. Однокомнатную кооперативную квартиру на Дегунинской (я там бывал не раз) он ещё смог купить, едва наскрѐб на мебель, а вот на место скрипача в известном симфоническом оркестре уже не потянул – требовали три с половиной тысячи долларов! Потом отказали ноги его любимой жены Алефтины. Да и у самого стало сильно барахлить сердце, а врачи-изверги за каждый вызов требовали несусветные деньги. Глаза Александра Артамоновича постепенно увлажнялись, он едва сдерживал слёзы, уверял, что чувствует приближение конца и потому пришёл проститься со всеми. Эти «прощания» происходили каждый раз, но получилось так, что Рубан, бывший моложе Александра Артамоновича более чем на полтора десятка лет, ушёл из жизни на четыре года раньше него.

Юрий Гутин. Мой шапочный знакомый ещё в прошлой колымской жизни. В 1993 году мы летели с ним в одном самолёте в Магадан на 90-летие Вадима Козина. Кстати, в том же

лайнере находились известные артисты во главе с Рубаном и группа Центрального телевидения: Н.Петкова, Л.Поляков (тоже бывшие магаданцы) и другие, по ходу полёта мы не только пили коньяк, но и давали интервью. В гостинице «Магадан» наши с Гутиным номера оказались рядом, но в отличие от скромненького моего у него имелся небольшой холл, где располагалась и спала охрана Юрия Львовича. Наверно, стал важной птицей или, пуще того, богачом. Точно, на его визитке значилось: «Russia-Korea-Japan joint venture «ROZEC». Yuri Gutin General director». Когда мы раньше других навестили дорогого Вадима Алексеевича, я презентовал юбиляру свою книжку «Опальный Орфей», только что вышедшую, а Юрий приволок целый баул с продуктами: фрукты, вакуумные нарезки и прочие заморские деликатесы.

Позже в «РОЗЕКЕ» начались большие разборки, Гутин куда-то пропал, и вдруг, спустя энное количество лет, на встрече магаданцев снова вижу его, вручающего всем желающим свои новые визитки: «Заместитель губернатора – руководитель представительства администрации Магаданской области при Президенте РФ и Правительстве РФ, доктор юридических наук». Как жаром обдало. Соломон не мог понять в жизни трёх вещей: путь змеи на скале, путь орла в небе и путь женского сердца к мужскому. Не спорю, наша философия с тех пор измельчала, а человеческая натура стала более прагматичной, и блат кругом правит бал. Так что с «представительством» всё более-менее ясно, но кто мне объяснит: как за два-три года можно кончить, пусть заочно, институт, и защитить докторскую диссертацию по праву, не имея при этом никакой юридической практики?! Впрочем, с громкой должности его вскорости попросили, и с тех пор сведений о Юрии Львовиче я не имел. Потом случайно узнал, что он почил в руце божьей.

Какие метаморфозы с должностями и званиями приятелей. Воистину, кто был ничем, тот станет всем. Вот другой мой знакомец – Вольдемар Ц-кий. В начале 70-х мы изредка пересекались с ним в Магадане на проспекте Ленина: я – коренной житель, он – «свежее лицо» в городе. Вольдемар жил в том доме, в подвале-убежище которого когда-то находились областные курсы ГО. Иногда я поражуюсь: как ненавязчиво в Магадане людей тянуло друг к другу, как легко завязывались знакомства. Какое-то время мы ходили мимо друг друга, потом из любопытства стали здороваться, наконец, вместе оказались на пирушке у отпрыска одного влиятельного лица. Заострю внимание на его вроде непри-

мечательной внешности. Ничего кричащего, яркого, раздражающего или вызывающего усмешку, но одет он был всегда со вкусом, что называется с иголки, в серо-элегантных тонах, тщательно выбрит и коротко подстрижен, источал едва уловимый запах дорогого парфюма. В середине 90-х некий английский журналист ввёл в культурный обиход термин «метросексуал». Так он обозначил человека, мужчину, чрезмерно заботящегося о своей наружности, притом не имеющего каких-либо отклонений в сексуальной ориентации. Если бы не 70-е годы, я бы «классифицировал» Ц-кого как именно такой тип. Вольдемар был одинаково со всеми ровен, ни с кем особо не сблизился, основательно, видимо, строил свою карьеру. Несмотря на молодость, он уже тогда занимал крупный пост в тресте капитального строительства.

Сто лет не видел Ц-кого, и вот встреча у фонтана. Он приехал из Украины, у него особняк в Крыму. Внешне почти не изменился. Всё так же изыскан, ни единой пылинки даже на туфлях, всё та же сдержанная улыбка на бесцветном лице. Кажется, он действительно рад меня видеть. Рождается предложение как следует выпить. Не потому что традиция, а просто день больно прохладный, небо в тёмных тучах, того и гляди дождь закапает, а нам ещё тусоваться минимум два часа. Однако возникло досадное обстоятельство. Наше всё, наше тридцать первое совпало с Днём города, а Лужков в тот год запретил продавать в праздник крепкие напитки. Вольдемар цедит: «Какие проблемы, показывай ближайший гастроном». Ближайший нашёлся у «Детского мира». Заходим. Мой приятель вежливо-деловито обращается к продавщице: «Проводите меня, пожалуйста, к директору магазина», и они вдвоём скрываются за потайной дверью. Через пару минут Вольдемар появляется снова – в руках бутылка коньяка. Я реально удивляюсь: «Как тебе это удалось?» На улице он вынимает краснокожее удостоверение, успеваю прочесть: «генерал налоговой службы», и фото Ц-кого в мундире с золотыми погонами. С лёгкого перепугу (а каково было директору магазина?) не успел даже разобрать: генерал России или Украины? «Ну, ты силён!», в ответ только усмешка уверенного в себе человека, живущего теперь в таунхаузе на Рублёвке.

Нулевые годы... Всё чаще задаю себе вопрос: «А зачем мне эти встречи, чего жду от них?» Моё поколение стаивает, как прошлогодний снег. Иных уж нет, а тех долечат. Тем более у тех, к кому ещё сохранились

остатки тепла, я могу справиться о здоровье в любой день по телефону. Да и с ними душевного разговора не получается, настолько у всех разные пути-интересы. А дальше что? Других завсегдатаев, моих одногудков, как-то близких по духу, я практически не вижу. Ходить же сюда неизвестно зачем мне уже неинтересно. У фонтана шумит другая жизнь. Да я бы и перестал здесь появляться, если бы не мой брат Виктор. В 2000-ом он вышел в Магадане на пенсию и переселился в Воронеж. Построил дом, обзавёлся хозяйством и каждый год привозил мне ящик винограда со своего участка. Брат стал настоящим виноградарем, соседи его зауважали. Даже когда Россию накрыла жесточайшая засуха, и все овощные культуры у Витьки сгорели, виноград он всё равно вырастил.

Виктор горел желанием на общение с ещё не старыми приятелями, многие из которых продолжали где-то трудиться. Пришлось мне стать домашним гидом и сопровождать его на руины колымских судеб. А то, что у него полно знакомых (Виктор долгое время работал в Магадане секретарём горисполкома), я убедился сразу: радостные возгласы раздавались каждые пять минут...

Ещё до переезда Виктора я познакомился с бывшим мэром Магадана Геннадием Ефимовичем Дорофеевым, являвшимся когда-то непосредственным начальником моего брата. В Москве Дорофеев возглавлял некую виртуальную фирму «ФИРС: финансы, инвестиции, расчёты, сотрудничество», в переводе на русский предлагал посреднические услуги при операциях по продаже нефтепродуктов. Когда появился мой брат, старым товарищам по партии было о чём поговорить. За бутылкой вискаря, распечатанной на парাপете, пошёл душевно-юморной разговорчик о прошлых свершениях, напоминавший нескончаемую череду интермедий, единственным слушателем которых был ваш покорный слуга. Немало интересного узнал я из уже незнакомой мне магаданской жизни эпохи крушения «Союза нерушимых», парадов суверенитетов, продуктовых кризисов и судорожных поисков помощи за бугром.

В конце августа десятого года Виктор в очередной раз приехал ко мне. День мы посвятили осмотру редких памятников, плодящихся в Москве, как грибы. В этот раз увидели гигантскую табуретку на Таганке, плавленный сырок «Дружба» на перекрёстке Руставелли-Огородный и совсем новёхонький в Кузьминках – ялтинская тройка: Сталин, Рузвельт и Черчилль (кстати, почему бы в Магадане не установить памятник Старателю, уж он-то выстрадал право быть увековечен-

ным в столице колымского края). А тридцать первого мы с Виктором вновь у могучих колонн Большого театра. Ещё издали, на подходе от метро «Охотный ряд», видим пульсирующие многолюдье, радующее глаз мелькание белых стаканчиков. Нет, не зачала традиция. Значит, снова в «море волнуется, в повесть, завивающуюся жгутом, где вступают в черёд, не готовясь, значит – в повесть о том, как нечаян конец...». Опять сбиваюсь на Пастернака: его стихи, как тысячи заноз в моей груди.

Люди кругом в подавляющем большинстве нам незнакомы, будто мы попали на чужой праздник. Между прочим, всё время упускаю один живучий нюанс этого карнавала. Некоторые москвичи называют Большой театр «голубятней», Понятно, почему. Площадку у фонтана ещё в советское далёко облюбовали для своих свиданий личности нетрадиционной секс-ориентации. В обычные дни их много не бывает, ну, пришёл один-другой, если повезёт, нашёл друга, и сразу же парочка исчезала. А тут 31-е августа! Толкучка, как на Тишинском рынке во времена острой нехватки продуктов. Мы с Виктором засекали одного «голубого» – глаза у него горели от счастья, он просто обалдел от такого обилия клиентуры. Бедный заглядывал с надеждой в глаза всем подряд, пока до него дошло, что здесь что-то не так, не тот контингент. Ну, да будет.

Виктор уже вовсю общается с Надеждой Папп, магаданцы её помнят, поэтому нечего объяснять. Подхожу к ним, дружески обнимаюсь с Надеждой Михайловной, она уже собралась бежать дальше: «Тут где-то Нутэтэгринэ, надо найти, хотела меня увидеть. А-а, вот и она...» Нутэтэгринэ... Это малопонятное для непосвящённого слово действует на меня, как магический кристалл. Одна из трёх великих женщин Чукотки (Антонина Кымытваль, Анна Нутэтэгрине, Майя Эттырынтына). Её фамилия переводится как «бегущая по тундре». В те славные времена, когда я наслаждался молодостью, слушал радиостанцию «Тихий океан», и Крайний Северо-Восток был для меня родным домом, Анна Дмитриевна руководила Чукотским окрисполкомом. Увидеть её тогда мне так ни разу и не удалось, хотя бывать в Анадыре по делам службы приходилось часто. Я знал, что её называли «королевой Анной» и как женщина она, говорили, весьма привлекательна, поэтому её образ был окутан для меня ореолом загадочности. Позже, я слышал, она возглавляла Ольский райком, работала в Беринговском... Потом всё ушло из памяти. И наконец я вижу воо-

Встреча у фонтана. В центре В. Савченко, справа от него Б.Савченко и Г.Дорофеев

чую легенду Чукотки – невысокую женщину с модной причёской, ещё не потерявшей былого очарования. Ей только что исполнилось – не поверите – 80 лет! Подошли к ней с Папп, познакомились, попросил разрешения сфотографироваться рядом. Она с удовольствием откликнулась на мою просьбу... слегка обняла её... Эх, всё бы это да лет пятьдесят назад.

Завершу воспоминания о брате свидетельствами Геннадия Дорофеева, который до кончины своей в 2008 году тоже посещал тусовку у Большого: «В 1983 году меня перевели на работу в обком КПСС, а в 1985г. я вновь оказался в горкоме в должности второго секретаря ГК КПСС. Виктора Александровича в это время назначили секретарём Магаданского горисполкома. Теперь на всех решениях горисполкома стояли две подписи: председателя горисполкома и секретаря, В.А. Савченко.

Но судьба снова свела нас с Виктором Александровичем по работе. В июне 1987 года освободилась должность председателя Магаданского горисполкома. На сессии городского Совета народных депутатов меня избрали председателем (я был в течение многих лет народным депутатом городского и областного Советов).

Виктор Александрович как секретарь горисполкома был руководителем аппарата гори-

сполкома, отвечал за его работу. В его лице я нашёл соратника, помощника во всех делах. Нам удалось изменить работу аппарата и руководителей подведомственных служб, так что она стала контролируемой и действенной. Количество жалоб населения, особенно проходящих через горком, обком КПСС и облисполком, сократилось в разы. Люди чаще стали обращаться непосредственно в горисполком, что свидетельствовало о повышении эффективности городской исполнительной власти.

Объём организаторской работы увеличивался многократно, а финансовые возможности оставались в пределах предусмотренных бюджетом сумм. Появились зарубежные связи, наши делегации поехали в Китай и США (штат Аляска), мы принимали у себя японцев. Основная нагрузка по изысканию дополнительных средств легла на плечи бывшего тогда моим заместителем Владимира Петровича Печёного и Виктора Александровича Савченко.

Японцы неоднократно обращались в МИД и МВД СССР с просьбой указать места захоронения японских военнопленных времён Второй Мировой войны с целью перезахоронения на Родине, даже предлагали свои карты с указанием таких мест. Наши Министерства регулярно отвечали им, что о местах захоронения японских

военнопленных ничего неизвестно. Магаданские старожилы показывали мне места, где раньше стояли надгробные японские полумесяцы. Одним из таких мест оказалась заасфальтированная территория магаданского спецавтохозяйства. Руководство САХ ранее неоднократно обращалось с просьбой о строительстве нового административного здания, мы предусмотрели бюджетом такие средства, предупредив о возможном открытии захоронений при строительстве. При проведении работ по закладке фундамента нового административного здания САХ были обнаружены эти погребения. Японской стороне была предоставлена возможность перезахоронить тела погибших пленным и «вернуть души погибших японцев на их родину». Так в бюджете города появилась первая иностранная валюта – йена.

Для проведения работ в Магадан с японской стороны прибыла группа бывших японских военнопленных, находившихся в заключении в Магадане, во главе с бригадиром строительной бригады, строившей дома на центральной улице нашего города, господином Ютака

Сакайя. Он являлся председателем Японского совета по спасению душ погибших военнопленных. С ним прибыли священнослужители и чиновники министерства иностранных дел. Нужно отдать должное японцам. Они очень бережно отнеслись к памяти погибших. Люди из захоронения, которых удалось найти, были преданы огню на погребальном костре, сделанном по проекту японской стороны, а пепел был увезён в Японию. Все эти операции, имевшие большое значение для японцев, они оплачивали, а курировали работу в данном направлении В.П. Печёный и В.А. Савченко.

Позже Виктору пришлось неоднократно изыскивать способы пополнения городского бюджета. Будучи большим специалистом по выполнению деликатных поручений, он проявил много выдумки и находчивости при организации подписания договоров о побратимстве между Магаданом и Анкориджем (США), Магаданом и Тунхуа (Китай). Оба эти договора явились хорошей основой для снабжения Магадана продовольствием во время продуктового кризиса начала 1990-х годов

К этому времени изменилась внутривластная ситуация в стране. Исполком городского Совета стал называться «Администрацией»,

XXVI Магаданская городская партийная конференция 26 июля 1983 г.
1983г. Актив партконференции. В первом ряду (сидит) крайний справа В.Савченко, в третьем ряду крайний слева Г.Дорофеев, во втором ряду пятая слева Н.Папп

а Виктор Александрович – управляющим делами Администрации.

Для подписания договора о побратимстве в Магадан прибыла из Анкориджа американская делегация в составе двенадцати человек. Естественно, все протокольные и непротокольные мероприятия были проведены нами на высоком уровне, а договор о побратимстве успешно подписан. Как всегда, запомнилось из этого сложного и ответственного процесса самое смешное. Мы должны были провезти американцев по берегу моря, провести с ними пикник, а самое главное – показать места, ассоциирующиеся с ГУЛАГом (непременно с колючей проволокой, сторожевыми вышками и т.п.). За неимением напоминаний о ГУЛАГе в черте города для этой цели мы выбрали район Старой Весёлой, где находились склады взрывчатых веществ со всеми необходимыми атрибутами. В перечень наших проблем дополнительную заботу внесла моя жена Наташа. Она спросила, как мы будем выходить из положения, когда американцам понадобится туалет, ведь в составе делегации есть дамы. Оригинальное решение вопроса принадлежало Виктору. Я долго хохотал, когда воочию увидел исполнение: вдоль берега моря по отливу двигался самосвал, в кузове которого находился одноместный деревянный туалет типа «сортир». В местах наших остановок сооружение сгружалось на самый край берега моря... Цивильный «ватерклозет»! Творческий подход и изобрета-

тельность были основными чертами Виктора в работе.

За достаточно долгие годы совместной деятельности с Виктором Александровичем пришлось пройти и испытать многое, но самое главное – работа шла...».

Мой брат скончался в апреле 2018 года, похоронен в Воронеже. Молюсь за упокой души его.

Напоследок ещё одна история, датированная уже 2019 годом и всколыхнувшая рябь воспоминаний. Место действия там же у Большого. Я обратил внимание на группу колымчан, окруживших пожилого человека благородной наружности, певшего вполголоса довольно приятным тенором:

*«...Ты услышь моё моление
И гитары тихий звон,
Выйди на одно мгновенье,
Мой тигрёнок, на балкон...»*

Насколько я знаю, «Тигрёнка» любила петь Обухова, сейчас довольно редкий романс. Видимо, старый певец хорошо знал этот жанр. Исполнение зацепило меня, но какие-то интонации и обертоны его голоса, мне показалось, я когда-то слышал.

В этот раз я захватил с собой несколько штук своей книжки «Батист и стланик» – о моём колымском детстве, дарить знакомым, и, когда певец кончил, я в знак признания преподнёс ему экземпляр с автографом. Он взглянул на обложку, прочёл фамилию и воскликнул: «Да это же вели-

В Горках Ленинских. Два брата Савченко на знаменитой скамье

кий Савченко, он открыл мне Козина!» Меня даже покорило от столь неприкрытой лести. Хотя вот артисты хвалят друг друга, не стесняясь, и на полном сѐрьѐзе» Ты – гений!» Мы разговорились о Колыме и вдруг, спуская – страшно сказать – семьдесят лет, узнали друг друга. В конце 40-х наша семья ютилась в крохотной комнатке длинного барака у подножья Нагаевской сопки. А барак моего ещё дошкольного приятеля «фрица» Вовки находился чуть поодаль, у санпропускника. Вовкин отец Борис Адольфович трудился главным инженером «Дальстройпроекта», пропадал на работе с утра до позднего вечера, матери не было (её ещё на материке случайно застрелили бандиты), поэтому Вовка весь день был предоставлен самому себе, рос настоящим хулиганом и меня подбивал на всякие приключения. То мы лазили на сопку собирать ягоды, то ходили (я без спроса родителей) в Нагаево ловить в море бычков. А однажды пробрались к бензобакам и там разожгли костѐрчик, чтобы запечь сворованную на соседском огороде картошку. Нас заметила охрана режимного объекта, мы рванули так, что, как пелось в уркаганской песне, «нас теперь не догонит пистолета заряд». Однако Вовку охранники уже знали, пришли к нему домой. В общем, отцу его крепко досталось, его таскали и в МВД и в горком партии. Поскольку мы одногодки, то и в Первую школу пошли вместе, только учились в разных классах. Вовка действительно по рождению был немцем, и его фамилия всех или смешила или настораживала – Шварцбах, что значит «Чѐрный ручей». Он мне рассказывал, что соседом по парте оказался пацан по фамилии Шварц, и училка в первый же день со смехом сказала: «Вот фрицев одолели, а тут опять два немца сидят». Потом мы переехали на Горького в подаренный Гридасовой домик, а Вовка с отцом отбыли на материк.

И вот удивительная встреча у фонтана. Владимир Борисович поведал мне, как сложилась его жизнь. Окончил техникум по КИПу и автоматике, работал инженером-электриком. Жил он в доме позади консерватории, куда он часто ходил, может, поэтому постепенно увлѐкся романсами, начал выступать, стал лауреатом нескольких конкурсов.

Случилась беда: в его отсутствие сгорела квартира от окурка, попавшего на балкон с верхнего этажа. Пожар был такой, что оплавилась раскладушка, сгорело пианино, шесть гитар, четыре тысячи пластинок и кассет, а уж о мебели и говорить нечего.

Ему дали квартиру где-то в спальном районе. В начале 90-х другая напасть: его трест ликвидировали, пришлось идти в сторожа. И тогда он стал прирабатывать пением в «трубе» – так назывался подземный переход с улицы Горького к Красной площади. «Стою себе, пою романсы, – смеѐтся он, – люди проходят, денежки в коробку бросают. И тут повадились слушать меня путаны. Целая группа станет рядышком и делает вид, что им интересно моѐ пение. На самом деле наверху милиция их гоняла, так они пристроились возле меня иностранцев ловить. Не придерѐшься – слушают романсы.

Однажды такой случай был. Подходит ко мне шикарно одетая дама, уже в приличном возрасте, и приказывает: «Спой мне «Очи чѐрные» – сто долларов дам». Я отвечаю, что не пою эту вещь. «Так выучи. Послезавтра я буду здесь в это же время». Ну, естественно, я бросился домой, платую хорошую назначила. Выучил. Приходит, как обещала. Исполнил в «трубе» специально для неё. Он суѐт мне сто долларовую купюру и спрашивает: «А ты знаешь, для кого пел?» – «Акцент у вас иностранный» – «Я дочь Маяковского» Я прямо растерялся. Оказалось, она прилетела из Америки на несколько дней посмотреть комнату, где жил и застрелился её отец, ты знаешь же, этот дом там недалеко.

Ещё случай. Выступаю в ресторане Дома литераторов. Пел, помню, «Не говорите мне о нём». А там компания: Солоухин сидит пьяный, ещё кто-то. Поднимается вдруг высокий мужчина, ну, вылитый Некрасов, как на картине Крамского, подходит ко мне с бутылкой коньяка и ставит на мой столик. «Благодарю, – говорит, – наконец-то я услышал настоящее дореволюционное исполнение» – «А чем, – спрашиваю, – дореволюционное пение отличается от нынешнего?» – «Тогда, мой дорогой, пели душой, а сейчас голосовые связки у всех завязаны, сердечные мышцы не работают». И знаешь, кто это был? Внучатый племянник Некрасова, то есть внук младшего брата поэта – Николай Константинович Некрасов».

Не знаю, мой друг читатель, удалось ли вам ощутить атмосферу магаданских тусовок у Большого, во всяком случае, я на это рассчитываю. Несмотря на природный скепсис и безмерную грусть, отягощающие мою душу, эти встречи с прошлым всё равно обладают притягательной силой для меня. И если бы их не было, то их надо было придумать.

Университет для Сибири¹

*Лучшие надежды Отечества
сосредотачиваются на университетах.*

Д.И. Писарев

Тридцать лет Россия жила под мертвящим взглядом василиска – говорили, что властный взор серо-голубых, «зимних» глаз императора Николая Первого приводил в страшный трепет подданных. Железной дланью давил он любую крамолу – гвардейскую, польскую, венгерскую. Есть знаменитая картина Айвазовского, написанная в 1849 году – гордый Николай Павлович и его адмиралы в густых золотых эпюлетах принимают парад Черноморского флота. Несокрушимая кильватерная колонна линкоров с сотнями новейших бомбических орудий – до горизонта. Ряды бронзовых начищенных стволов устрашающе торчат из портов, но красавцы-линкоры, апофеозно дефилирующие под лебедино-белыми парусами оказались деревянным мечом, когда в Евпаторию пришли чадающие кардифом британские пароходы-фрегаты. Милитаризованная империя Николая I оказалась катастрофически не готовой к затяжной войне. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин исключительно точно съязвил по этому поводу: *«Когда я объявляю войну, то каким-то образом всегда так устраивается, что я нахожу своего противника вооружённого прекраснейшим шасспо, а сам нападаю на него с кремнёвым ружьём, у которого, вдобавок, вместо кремня вставлена крашеная под камень чурочка»*. Крымскую войну Россия с треском проиграла – всем стало понятно, что дальше так жить и царствовать нельзя. Но Михаил Сидоров являлся настоящим патрио-

том, желавшим помочь Отечеству в тяжёлую годину.

В 1854 году, получив первый доход с золота в размере 6287 рублей, он решил пожертвовать его на устройство университета в Сибири. Не получив сам фундаментального образования, он желал, чтобы найденное золото позволило открыть университет для молодых сибиряков. Но правительству в это время было явно не до университетов, и Михаил Константинович передал эти деньги на Крымскую войну, добавив ещё одну тысячу рублей в помощь воинам-сибирякам. В 1856 году его удостоили за этот благородный поступок «Высочайшей благодарности», ещё через два года на груди благотворителя «за жертвования на военные надобности» появилась бронзовая медаль «В память войны 1853–1856 годов» на анненской ленте.

Первые мысли о Сибирском университете высказывались в «Предварительных правилах народного просвещения» Министерства просвещения в 1803 году. В том же году знаменитый уральский заводчик Павел Демидов пожертвовал на его учреждение 50 тыс. рублей (к 1880 г. этот капитал составил уже 150 тыс. и был использован при строительстве Томского университета). В 1823 г. генерал-губернатор Западной Сибири П. М. Капцевич и попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий одновременно предложили открыть в Сибири университет из двух факультетов. Хотя их предложение поддержал Сибирский комитет, дело окончилось ничем.

Portrait. Норов Авраам Сергеевич (1795–1869) – учёный, путешественник и писатель,

¹Продолжение повествования Юрия Канева о «великом северянине» Михаиле Константиновиче Сидорове. Начало читайте в № 2-3 нашего журнала за 2020 г.

Министр народного просвещения Авраам Норов

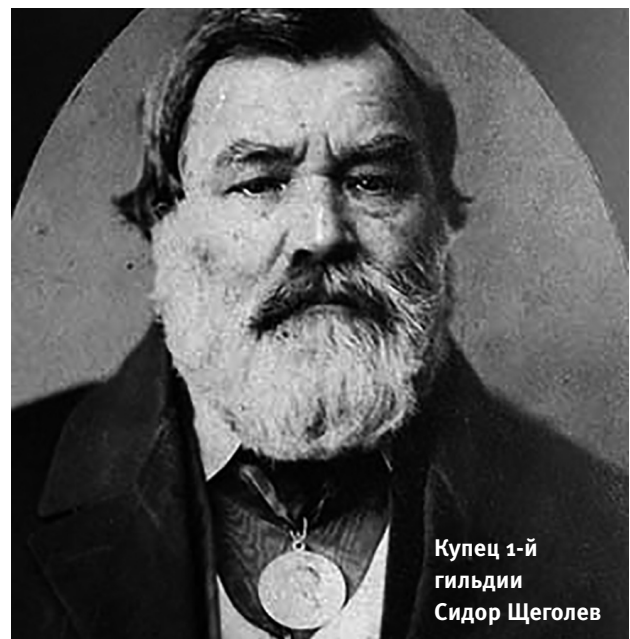
действительный тайный советник (1856). Уроженец Саратовской губернии, 17-летний гвардии прапорщик Норов, командуя полубатареей из двух пушек, защищавших Семёновские (Багратионовы) флеши, был тяжело ранен в правую ногу (ему ядром оторвало ступню). По воспоминаниям сослуживцев, при ранении Норов произнёс: «Заставили меня французы ходить на одной ножке!». Награждён орденом св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1823 вышел в отставку в звании полковника и перешёл в статскую службу. С 1850 товарищ министра, а с 1853-1858 – министр народного просвещения. Полиглот (знал 11 языков) и библиофил (книжное и рукописное собрание из 16 тыс. экз.). Академик по отделению русского языка и словесности (1850). Пушкин обращался к нему в письмах на «ты» и со словами «любезный полковник», «учёнейший собеседник», «честный человек, отличающийся благородством и душевной теплотой». На смерть Пушкина Авраам Сергеевич откликнулся стихотворением «Памяти Пушкина» («Погас луч неба, светлый гений», 1837). Активно путешествовал, посетил Сирию, Палестину, Египет и Судан.

Министр народного просвещения Норов являлся горячим сторонником открытия высшего учебного заведения в Сибири. Он писал императору 23 ноября 1855 года: «По благодетельным мерам Правительства об устройстве Сибири и о распространении в том крае народного образования, общая там деятельность принимает обширные размеры, могу-

щие привлечь туда ещё более значительное население». Ещё одним активным приверженцем этой идеи являлся епископ Камчатский Иннокентий, считавший, что местом его создания должен стать Иркутск.

Portrait. Купец 1-й гильдии **Сидор Григорьевич Щёголев** (1807-1869) был знаменит своей благотворительностью. Например, в 1861 пожертвовал 560 тыс. руб. на восстановление Богородице-Рождественского собора, за что вскоре был удостоен ордена св. Анны 2-й ст. и дворянства. Завещал Красноярску 100 тыс. руб.

10 мая 1856 г. Сидоров сообщал, что «открыл в Сибири несколько золотосодержащих приисков, которые пожелали взять от него в аренду первые золотопромышленники Енисейской губернии и платить с каждого добытого ими пуда золота по 500 рублей. Если бы он знал, что прииски эти, или аренда от них будут приняты на учреждение университета в Сибири и для скорейшего образования будут разыграны в лотерею, по одному рублю за билет, то он не только пожертвует для этого все свои и купленные у других золотопромышленников прииски, но и все свои денежные суммы». По мнению Михаила Константиновича следовало бы открыть два факультета – физико-математический и медицинский. Министр народного просвещения Норов отнёсся к идее красноярского купца, конечно же, благосклонно и направил письмо в адрес губернских властей. Сидоров предложил для начала открыть подписку на эти цели, но богатейший золотопромышленник купец 1-й гильдии С.Г. Щёголев подписался лишь на один рубль, после чего пришлось оста-

Купец 1-й гильдии Сидор Щёголев

вить эту идею. В октябре 1857 года Михаил Константинович сообщал академику Эйхвальду о своей неудаче: *«Хотя я и просил некоторых из известных Николаю Николаевичу (Муравьёву-Амурскому) золотопромышленников передать ему о моём намерении, но они как большей частью чуждые всякого доброго дела для общей пользы не только отказались от исполнения моей просьбы, но ещё советовали мне, чтобы я заботился более о себе, нежели о других»*. 29 декабря 1857 года коллежский регистратор Сидоров обратился в адрес действительного тайного советника Норова с предложением принять десять золотиносных рудников и одновременно 10 тыс. рублей серебром на открытие сибирского университета. Он предлагал разыграть прииски в лотерею: *«По ближайшему соображению Сидорова жертвуемые прииски могли бы по крайней мере быть оценены в 500 тыс. руб. сер., а цена каждому билету выходит рубль серебром, т.е. по цене самой низкой, потому, чтоб получить значительное число подписчиков»*. Тут же перечислялись прииски – Свято-Троицкий, Вельзевул, Успенский, Вековой, Союзный, Камергер, Согласия, Печерский, Ивановский, Рассыпной. Заманчивая идея – за серебряный рублик получить прииск с возможными десятками, а то и сотнями пудов чистого золота!

За содействием Сидоров неоднократно обращался в Петербург к академику **Эдуарду Ивановичу Эйхвальду**, который нашёл это намерение «наиполезнейшим». Дочь его Шарлотта была замужем за Николаем Васильевичем Латкиным, следовательно, неким образом академик являлся дальним родственником Михаила Константиновича Сидорова.

Portrait. Эйхвальд Эдуард Иванович (1795–1876) – известный медик, ботаник, зоолог и минералог. За свои биологические и палеонтологические исследования в 1824 был избран членом-корреспондентом Императорской Академии Наук. Деятельность Э.И. Эйхвальда была чрезвычайно разнообразной. Она касалась медицины, зоологии, ботаники, палеонтологии, геологии, минералогии, антропологии и археологии. Однако особенно большое научное значение имеют его работы в области палеонтологии. Обобщением этих работ явилась многотомная монография *«Палеонтология России»*, изданная автором в течение 1850–1868 на русском и французском языках (*«Lethaea Rossica»*).

Но дело застопорилось из-за отрицательного мнения губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва, который не мог простить Сидорову его горячего желания осваивать северные территории России и его несогласия с мнением губернатора о необходимости переселения жителей из северных районов в Приамурье.

Академик Эдуард Эйхвальд

«Учреждение подобного заведения не только преждевременным, но даже едва ли полезным и удобным, так как оно, потребует значительных расходов, не принесёт существенной пользы краю, где в настоящее время мало лиц, для которых было бы необходимо получить высшее образование, и где народное образование должно соответствовать потребностям находящегося ныне там населения. Как в Сибири нет дворянства, и высшее сословие состоит там из класса чиновников и купечества, кои могут получить соответствующее потребностям образование в местных учебных заведениях», – «убеждали» сибирские чиновники. Заключение – идея университета «должна быть оставлена без последствий». Можно понять графа Муравьёва – в представлении тогдашних властей университеты являлись рассадниками вольнодумства и неблагонадёжности. Волосатые и очкастые нигилисты с пачками прокламаций и бомб за пазухами плодились именно в высших учебных заведениях. Появление подобного гнезда революционеров в спокойной Сибири было чревато самыми непредсказуемыми последствиями – отсюда и отношение. Начальство считало, что для Сибири хватит Казанского университета. *«Слишком много сил в Сибири, слишком необъятна она, чтобы сосредоточилась её жизнь в Казани. Получая учителей из Казани, сибиряки не подавляются их авторитетом и мечтают о том, скоро ли у них утвердятся собственные университеты»,* – вспоминал в свою очередь красноярский чиновник И.Ф. Парфентьев. Но даже открытие двух факультетов казалось непосильной роско-

шью, ведь в Сибири остро не хватало даже гимназий и реальных училищ!

Обладая значительными средствами, Сидоров неоднократно делал крупные взносы на нужды народного просвещения. В 1854 году Иркутскому губернатору К.К. Венцелю было предоставлено 10 000 рублей, в 1860 году генерал-губернатору Восточной Сибири графу Муравьеву-Амурскому – 25 000 рублей. В 1858 году Сидоров сдал свои прииски в аренду золотопромышленнику Булычеву с условием, что последний будет выплачивать в пользу Сибирского университета по 500 рублей с каждого пуда добытого золота.

Ещё одно предложение Сидорова об открытии университета оказалось более чем оригинальным. Кроме 25 000 рублей серебром он предложил графу Муравьеву в личном письме от 26 ноября 1860 года уже 25 золотых приисков, причём месторождения он предложил разыграть в лотерею, выпустив один миллион билетов стоимостью по рублю каждый. Причём енисейские горнопромышленники согласились взять в аренду эти прииски в аренду у счастливыхчиков. Одновременно он с дальним прицелом предложил присвоить новому высшему учебному заведению имя графа Амурского. Однако Николай Николаевич, горячо «любивший» его с давних пор, рассудил так: *«Жертвовать деньги и прииски на подобные нелепые вещи может лишь человек, у которого нет прав на них, или сумасшедший, а потому необходимо возбудить против него уголовное дело и судить, чтобы другим неповадно было»*. Итак – умалишённый, почти идиот. Ибо с точки зрения администратора выглядело всё странно – купчина по собственному почину готов отдать немалые деньги на устройство университета, а в Сибири ещё и гимназий приличных раз, два и обчёлся. Граф Муравьев-Амурский, уведолив

Сидорова о получении 25 тыс. рублей и ознакомлении с планами на прииски, потребовал прежде всего... внести за них «вперёд поземельную плату» в размере 13 843 рубля 30¾ копейки. Кроме того, по его требованию на 25 сидоровских приисках приказано добыть и промывать по 50 кубических сажен золотоносных песков. Затем предписал произвести проверку: не принадлежит ли Михаил Константинович... к скопческой секте. В Иркутск губернатор Замятнин сообщал: *«При осмотре Сидорова в присутствии енисейского губернского совета оказалось, что он не скопец»*. Понимать это следует так – 37-летнего купца первой гильдии, миллионера, женатого к этому времени человека, заставили раздеться донага, чтобы удостоверится, что он не скопец – произвол сибирского чиновничества не знал границ!

На Сидорова обрушили всю мощь административной машины, послушной воле генерал-губернатора Восточной Сибири. *«Сибирь представляет что-то вроде пашалыка или сатрапии, отданной на жертву личных прихотей всякого рода здешних державцев, или жалкой колонии, нещадно эксплуатируемой в свою пользу разного рода приставниками, дозорщиками, как прибывшими из метрополии, так и туземными»*, – совершенно справедливо писал Михаил Бугашевич-Петрашевский в 1862 году. А дело с университетом закончилось очередным пшиком. Генерал-майор свиты Его Величества Корсаков направил 9 февраля 1861 года енисейскому губернатору запрос: *«Сообщить мне сведения какого Сидоров поведения, касаются до него какие дела, могущие воспрепятствовать принятию настоящего пожертвования, а также уведомить меня: какого он вероисповедания, и если православного, то исполняет ли по православной церкви обязанности и не принадлежит ли к расколу»*.

Генерал свиты Михаил Корсаков

Portrait. Корсаков Михаил Семёнович (1826–1871), российский государственный деятель, кузен Н.Н. Муравьева. После окончания Школы гвардейских подпрапорщиков вышел в лейб-гвардии Семёновский полк (1845). В 1848 направлен офицером для особых поручений к новому генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву. Выполнял ответственные поручения, был одним из руководителей Амурских экспедиций (1854–1856). Военный губернатор Забайкальской области и наказной атаман Забайкальского казачьего войска, генерал-майор (1856). В феврале 1861 приступил к исполнению обязанностей генерал-губернатора Восточной Сибири, утверждён в 1864. Один из государственных деятелей «делавших многое, во всю мощь нервов и мускулов», для освоения Дальнего Востока. Генерал-лейтенант (1864). Награждён многими российскими орденами вплоть до ордена Белого

Губернатор Александр Дюгамель

Орла (1869). Его именем был назван Корсаковский пост, ныне город Корсаков (о. Сахалин).

Первое уголовное дело открыли по формальному признаку: Сидоров являлся домашним учителем, и хотя записался в купеческую гильдию, будучи служащим, заниматься золотодобычей не имел права. Второе дело оказалось связанным с первым – якобы Сидоров представил поддельные отчёты об обучении детей, а сам тем временем занимался поисками золота. Третье вообще возбудили по смехотворному поводу: в день именин своего компаньона Наттерера Михаил Константинович в шутку послал ему в подарок бронзовый жетон с ушками «в память одной французской битвы с австрийцами». Этот сувенир власти сочли за медаль и привлекли его к ответственности за присвоение высочайшей власти. М.К. Сидорова обязали повесткой о невыезде из Красноярска и предложили заполнить опросные листы. Следствием заведённых против Сидорова дел было отобрание всех его приисков в казну и отказ принимать от него пожертвования. 21 декабря 1861 года генерал Корсаков уведомил енисейского губернатора, что власти Восточной Сибири не могут принять сидоровские пожертвования из-за того, что в Енисейском губернском суде находятся два уголовных дела и ведётся следствие по незаконному получению чина фигурантом.

Тяжба по этим надуманным «делам» тянулась 13 лет, и лишь 11 сентября 1873 года Красноярский окружной суд известил его об их прекращении: «Сидоровым никакого подлога сделано не было, равно и само право на золотопромышленность им приобретено законно, так точно и все другие обвинения возведены напрасно, а посему Сидорова от суда освободить и дела эти производством прекратить». Но ещё до

того Тобольский губернатор, сожалея о неуспехе дела с университетом, признался Сидорову, что основания, приведшие к такому исходу, были «лишь личные и не вполне глубоко обдуманные». В своё время историк Михаил Погodin, ознакомившись с книгой Сидорова «Север России» (1870 г.), в которой он рассказал обо всех злоключениях, писал: «У меня волос дыбом встал от того, что делается у нас в России.... О Русь, Русь»...

Вторую попытку Михаил Константинович предпринял в 1864 году, когда он предложил генерал-губернатору Западной Сибири Дюгамелю в 1864 году 20 000 рублей на открытие университета. Сверх того он предлагал ещё 60 000 рублей, которые ожидали его на Монетном дворе, на подготовку университета к началу учебного года, а также был готов передать два золотых самородка общим весом 8 фунтов 81 золотник. Тогда же Сибирский комитет по указанию Александра II рассмотрел предложение экстравагантного купца и решил: считать пожертвование неудобным и отказаться от него. За пожертвования на дело народного образования генерал-губернатор Западной Сибири А.И. Дюгамель 10 августа 1864 года ходатайствовал о пожаловании М.К. Сидорову ордена святого Владимира 4-й степени. Маленький багровый крест выдавался тогда купцам за крупные пожертвования на благие дела, но только не в случае с Сидоровым....

Portrait. Дюгамель Александр Осипович (1801–1880), генерал от инфантерии, сын сенатора и тайного советника, рижского губернатора. Образование получил в Пажеском корпусе, по окончании которого в возрасте 19 лет зачислен в Свиту государя по квартирмейстерской части. Принимал участие в русско-турецкой войне 1828–1829 и за отличие произведён в капитаны. В 1831 участвовал в подавлении польского восстания, награждён золотой шпагой с надписью «За храбрость» и получил чин полковника. В 1832 переведён в Генеральный штаб. Исполнял дипломатические поручения в Египте и Персии. В возрасте 32 лет – генерал-майор. В 1847 пожалован в Свиту Е.И.В., а в 1849 произведён в генерал-лейтенанты. В декабре 1851 назначен сенатором; В 1861–1866 генерал-губернатор Западной Сибири и одновременно в 1861–1865 командир Отдельного Сибирского корпуса, а в 1865–1866 командующий войсками Западно-Сибирского военного округа. Он прекрасно владел французским, немецким, турецким и персидским языками. Человеком был осторожным и предпочитал проводить имперскую политику умеренными методами, выступал против кардинальных перемен в системе управления. В 1866 назначен членом Государственного совета.

«Но ни генерал-губернатору Муравьёву, ни министру народного просвещения Головину (правильно: Головнину Александру Васильевичу.) не угодно было уважить представление генерал-губернатора Дюгамеля, и мне было отказано в принятии жертвуемых денег на университет. Эти деньги потом были употреблены по другому назначению», – вспоминал позднее Сидоров. Вообще он постоянно делал пожертвования для содержания школ и приютов в Красноярске, Тобольске, Архангельске, Усть-Сысольске, Берёзове, Ижме, Омске и других городах, во многих учебных заведениях имел своих стипендиатов. В 1859–1867 гг. являлся почётным блюстителем Красноярского духовного училища. Подарил в 1856 году Воскресенскому храму в родном Архангельске двухэтажный дом с земельным участком, оказывал материальную поддержку Шенкурскому женскому монастырю, настоятельницей которого являлась его мать...

А награды пришли к нему с другой стороны. В 1860 году он получил две большие серебряные медали – за выставку от Вольно-экономического общества и за участие в Мануфактурной выставке. В 1865 году состоялось награждение Михаила Сидорова Большой золотой медалью Вольно-экономического общества: «За доставку в Общество из Туруханского края разнообразных и весьма интересных предметов, а в особенности за многолетние, полезные и увенчанные успехом для отечественной промышленности труды по открытию сухопутного сообщения Туруханского края с Печорой через Обдорск». В следующем году Русское географическое общество «за описание р. Нижняя Тунгуска с доставлением её карты» удостоило его серебряной медалью.

Впоследствии, когда был назначен генерал-губернатором в Западную Сибирь Н.Г. Казнаков, известный своей образованностью и желанием всего доброго Сибири, «забывая все прежние преследования, – писал М.К. Сидоров, – я первый явился к нему с возбуждением вопроса об университете».

Portrait. Казнаков Николай Геннадьевич (1824–1885) – генерал-губернатор Западной Сибири. Из дворян Тверской губернии. В 1847 окончил императорскую Военную академию с большой серебряной медалью. В 1850–53 состоял адъютант-профессором тактики в Военной академии. С 1853 по 1861 состоял при Великом князе Владимире Александровиче. В 1858 был зачислен в свиту Александра II. В 1861 назначен начальником штаба отдельного Гренадерского корпуса. В 1864–66 является Киевским губернатором, а с 1875 по 1881 – генерал-губернатором Западной Сибири и командующим войсками Западно-Сибирского округа. Деятельность Казнакова высоко оценивал Н.М. Ядринцев: «Он

Губернатор Николай Казнаков

совершенно очаровал меня... Я был в восторге, что нашёл администратора, который так живо интересовался сибирским вопросом», – писал он. Время управления Западной Сибирью Казнаковым он называл «выдающимся управлением». Особенно значительны заслуги Казнакова в развитии науки и образования в Западной Сибири. При нём были открыты многие новые средние и низшие учебные заведения, в том числе, в Омске – мужская гимназия (1876) и женская гимназия (1877). По представлению Казнакова в 1878 императором Александром II было принято решение об образовании Сибирского университета, который был заложен в Томске в 1880.

Давнишняя мечта Сидорова медленно, но верно продвигалась по пути своего осуществления. В 1872 году, ко дню трёхсотлетия освоения Западной Сибири, М.К. Сидоров принёс в дар будущему музею при Томском университете бесценную коллекцию сибирских древностей. С надеждой, что этот первый тогда во всей Сибири университет явится очагом, вокруг которого станет развиваться сибирская система народного образования. Поистине, Сидоров стоял у истоков открытия не только Севера для России, но и первого университета в Сибири. В 1888 году, уже через год после его смерти, открылся наконец-то Томский университет – свершилось!

Сергей СУЩАНСКИЙ

Когда в Магадане вспомнили про Шаламова

В.Т. Шаламов, репрессированный писатель. Родился в семье провинциального вологодского священника. Во всех энциклопедиях дата его рождения – 1 июля. Однако во втором выпуске «Шаламовского сборника» (Вологда, 1997) приведено сообщение о находке в Вологодском архиве метрического свидетельства Шаламова, согласно которому он родился 5 июня 1907 г., то есть 18 июня по новому стилю.

В 1927 г. был арестован и осуждён на три года заключения в исправительно-трудовых лагерях на Северном Урале за хранение и распространение ленинского «Письма к съезду». В январе 1937 г. вновь арестован, осуждён на пять лет по обвинению в контрреволюционной троцкистской деятельности (КРТД). Более 15 лет провёл в колымских лагерях, где работал на приисках, шахтах, фельдшером в лагерной больнице. В начале 1942 г. вместе с другими заключёнными был задержан в лагере «до особого распоряже-

ния» (из-за войны). В мае 1943 г. снова взят под арест, а в июне осуждён на десять лет ИТЛ и пять лет последующего поражения в правах за то, что в частном разговоре назвал эмигранта И.Бунина классиком русской литературы. Срок наказания истёк в январе 1952 г. Но выехать с Колымы сразу не смог и ещё два года работал фельдшером в Якутии.

В Москву В.Шаламов вернулся только в 1953 году. Реабилитирован в 1956 г. Умер 17 января 1982 г. в специнтернате для психохроников¹.

*

В № 39 газеты «Северная надбавка» от 24.09.2014 г. помещена большая – на целую полосу – статья И.Пейсаховского и В. Фатеева: «Магаданское областное книжное издательство ждёт своего возрождения». Фамилия Пейсаховский мне ни о чём не говорила и не говорит, а вот Валерий Фатеев как раз и был тем директором, при котором существовавшее с 1954 года Магаданское областное книжное издательство в декабре 2001 года благополучно почил в Бозе.

Я не стану полемизировать с авторами статьи на тему – нужно или не нужно возрождать в Магадане предприятие подобного рода, если нужно, то зачем, и какая продукция в результате появится на полках магаданских книжных магазинов и появится ли. Но хочу остановиться на очевидной, мягко говоря, неточности означенной публикации.

Итак, цитата: «Именно благодаря Магаданскому областному книжному издательству увидели свет произведения таких людей, как <...> Варлам Шаламов <...>» и далее идёт длинное перечисление имён магаданских литераторов.

*

Хочу заметить, что первыми книгами Варлама (Варлаама) Тихоновича Шаламова были сборники стихов, изданные в Москве: «Огниво» (1961), «Шелест листьев» (1964), «Дорога и судьба» (1967), «Московские

Именно эта фотография Варлама Тихоновича Шаламова опубликована в магаданской книге «Колымские рассказы». Фото Бориса Лесняка

облака» (1972), «Точка кипения» (1977).

Первые прозаические произведения Шаламова на русском языке изданы в 1966 году в «Новом журнале» (Нью-Йорк). Затем, в 1967 году издательство «Посев» (Франкфурт-на-Майне) опубликовало рассказы «Калигула» и «Почерк». Отдельные рассказы публиковались во Франции в 1968 году.

В отдельный том, изданный в Париже в 1985 году в издательстве YMCA-PRESS, вошла автобиографическая повесть «Воскрешение лиственницы» и «Колымские рассказы»².

В Магаданском книжном издательстве сборник В.Т. Шаламова «Колымские рассказы» издан в 1989 году только через семь лет после смерти писателя. Причём с оговоркой: «В настоящем издании сборники «Левый берег» и «Артист лопаты» представлены не полностью».

Так что сведения о том, что «именно благодаря» Магаданскому областному книжному издательству «увидели свет произведения таких людей...» – это глубокие заблуждения авторов статьи. Да, увидели, но отнюдь не «именно благодаря».

Но в продолжение темы хочу привести фрагмент интересного письма главного редактора Магаданского книжного издательства В.И. Першина незнакомому (к сожалению!) мне В.П. Зыкову:

Уважаемый Владимир Павлович!

<...>

Высылаю Вам «Колымские рассказы» Шаламова, рождённые на магаданской ниве. В стране мы вышли первыми (несколько опережая «Современник», куда И.Сиротинская, душеприказчица В.Т. Шаламова, без согласования с нами, одновременно с Магаданом отдала рукопись, вернее – ксерокс).

<...>

Всего Вам доброго. В. Першин.

Вот, самое интересное: магаданский сборник «Колымские рассказы» – первая книга прозаических произведений Варлама Шаламова, изданных в Советском Союзе!

*

Но мне интересна не эта опубликованная в газете «Северная надбавка» нелепица. Мне интересно было узнать, что даже в середине 1982 года главный редактор Магаданского книжного издательства Александр Бирюков, который, по мнению Михаила Райзмана (оба – 1982 года) давно-давно «начал собирать по крупицам информацию о ГУЛАГе, о репрессированных литераторах»³, не имел ни малейшего представления о том, кто такой Шаламов, где он жил, чем занимался и бывал ли Варлам

Шмуцтитулы книги В.Шаламова «Колымские рассказы», изданной в Магадане в 1989 году. Рисунки В.Н. Мягкова

Тихонович на Колыме. Не знал Бирюков и о том, что кроме стихов Шаламов писал и прозу. В доказательство я предлагаю заинтересованному читателю ознакомиться с двумя письмами Бирюкова. Первое письмо – его послание поэту Анатолию Пчёлкину:

*пос. Палатка, Магаданская обл.
ул. Центральная, дом 24, кв. 14
Пчёлкину А.А.*

Дорогой товарищ Толя!

Приходится снова вернуться к вопросу об участии национальных авторов в сборнике «Северное притяжение»⁴. Нам настоятельно рекомендовано включить и этих поэтов. Значит, в сборнике должны быть Кеулькут. Кымытваль, Вальгиргин, Тынескин, Теркигин, Анко, Ненлюмкина. Вероятно, этим перечнем авторов – имеющих свои книги –

можно будет ограничиться, учитывая, что в 1983 году мы выпустим антологию только национальной поэзии.

Т.П. Смолина принесла мне подборку стихотворений С.Наровчатова. Посылаю их на твоё усмотрение.

А обращался я к ней по поводу всё того же В.Т. Шаламова. Посмотрел ещё три его сборника, множество рецензий – Алигер, Михайлова, Ростовцевой, Слуцкого. Все, особенно Слуцкий, пишут об авторе весьма почтительно, но географическую привязку не дают. Алигер, правда, пишет о злом роке и о Вологде, но, думаю, что она ошибается – Шаламов оттуда родом, поэтому упоминание в его стихах этого, европейского Севера, может быть оправдано родословной. Вот такое положение – поэт значительный, а наш или не наш – неизвестно.

Рискнул написать ему сегодня, но не исключено, что и в живых его нет.

Желаю успехов. Твой А.Бирюков.

*

И, очевидно, в тот же день (даты на письмах не стоят) Бирюков пишет письмо и В.Шаламову:

123056, Москва,
Васильевская ул. дом 2, корп. 6, кв. 59
Шаламову В.Т.

Многоуважаемый Варлам Тихонович!

Наше издательство затеяло вдруг выпуск сборника стихов поэтов, живших или бывших на Крайнем Северо-Востоке и писавших о нём (имея в виду, территорию Магаданской области).

Я и до этого знал, что северная тема широко представлена в Вашем творчестве, однако знакомство с четырьмя сборниками – первого, увы, не нашёл – всё-таки не дало ответа на вопрос, приходилось ли Вам действительно здесь бывать. Если в Вашей биографии был крайне-северо-восточный период, и если у Вас нет возражений против участия в таком сборнике, убедительно прошу Вас сообщить мне об этом, а так же дать перечень стихов, которые бы Вы хотели увидеть в этом сборнике опубликованными.

С наилучшими пожеланиями.

**Главный редактор
издательства – А.Бирюков.**

*

Конечно, ответа на свою депешу Бирюков не дождался, ибо Варлам Тихонович к тому времени уже покинул наш бранный мир. Соответственно, в сборнике «Северное

притяжение» творчество В.Шаламова не представлено.

Но возвращусь к книге М. Райзмана³. Цитата, приведённая выше, взята из воспоминаний Людмилы Бирюковой, супруги А.Бирюкова. Думаю, что доверять воспоминаниям, написанным спустя сорок лет, я бы не рискнул. Воспоминания – это не документ. Ибо в мемуарах процент правды не больше, чем в художественном произведении! Существуют ли какие-то документальные подтверждения этого тезиса? Письма, наконец? Хочу отметить, что в МРО ООО «СП России» хранится переписка Бирюкова за 1975 и 1978 годы, и разрозненные письма – за 1982-й. Так вот, я не обнаружил в них ни слова, ни единого намёка на интерес Бирюкова ни к Дальстрою, ни к ГУЛАГу.

*

Предваряя магаданское издание книги В.Шаламова, несколько его рассказов в 1988 году были опубликованы в альманахе «На Севере Дальнем»⁵. Предисловие написала Ираида Сиротинская, тогдашний заместитель директора ЦГАЛИ. Но и главный редактор Магаданского книжного издательства В.И. Першин здесь же поместил небольшую заметку «**Кто такой Шаламов?**».

Содержание этой заметки я приведу полностью.

«– Собираемся печатать прозу Варлама Шаламова! – делимся мы своей радостью с читателями.

– А кто такой Шаламов? – слышим в ответ.

– Как же? – искренне негодуем мы. – Замечательный писатель. Трагическая судьба. В центральной прессе идут публикации. Не читали разве?

Читатели пожимают плечами.

Впрочем – стоп! Что ж мы на читателя-то? Он тут ни при чём. В 1977 году вышла последняя поэтическая книжка Шаламова «Точка кипения». И всё. До своего ухода из жизни в 1982 году он не выпустил более ничего.

Да и книжка-то была тоненькая и тираж у неё мизерный, как, впрочем, и у трёх⁶ предыдущих. Невероятно, но факт: первая книга Шаламова – сборник стихов «Огниво» – вышла в издательстве «Советский писатель» тиражом 2 тысячи экземпляров только в 1961 году – когда автору было пятьдесят четыре года!

Газета «Литературная Россия» 26 января писала:

«Колымские рассказы» и стихотворения «Колымских тетрадей», биографический роман «Четвёртая Вологда»... Всё это обязательно должно прийти к читателю и рассказать ему о том, что помогло человеку остаться Человеком в самых нечеловеческих условиях...».

И вот, дорогой читатель, к тебе сегодня

пришли «Колымские рассказы» Варлама Шаламова, правда, пока в размере пяти листов из тех двадцати пяти, которыми располагает наше издательство и которые собирается выпустить в свет. Давно, давно пора! Ведь ещё в 1980 году эту книгу издал на русском языке Нью-Йорк⁷, и наши вездесущие туристы-северяне, видели её на прилавках книжных магазинов капстран Европы. (К этому изданию автор не имел никакого отношения, и не получил ни цента. Настоящий разбой «на большой дороге»!)

«Колымские рассказы» пришли на свою землю. Она, земля Колымы, сыграла трагическую роль в судьбе Варлама Тихоновича Шаламова, но мы считаем себя вдвойне правыми, издавая его сочинения именно здесь. Земля-то, она безвинна...».

*

В феврале 2006 года в адрес губернатора Магаданской области поступило обращение И.П. Сиротинской, с которым я также хочу познакомить читателей:

Магадан, 685000
Губернатору Магаданской области
ул. Горького, 6
Николаю Николаевичу Дудову

Уважаемый господин губернатор!

Вашему краю много сил и здоровья отдал Варлам Тихонович Шаламов, всемирно известный писатель.

18 июня 2007 года исполняется 100 лет со дня его рождения. Приглашены многие исследователи его творчества из зарубежных стран и России. Рады будем, если примут участие в конференции учёные Магадана.

Но каждое такое мероприятие требует финансовых затрат: оплата виз, гостиниц, питание, издание материалов конференций. Всё это легло на мои плечи, а я уже пенсионерка, ветеран труда, заслуженный работник культуры. Я уже вложила большой труд: вышло в свет шеститомное юбилейное издание прозы и поэзии Шаламова.

Крайне была бы признательна Вам, если бы Вы могли помочь мне в финансовых затруднениях.

<...>

С уважением, председатель оргкомитета – И.Сиротинская.

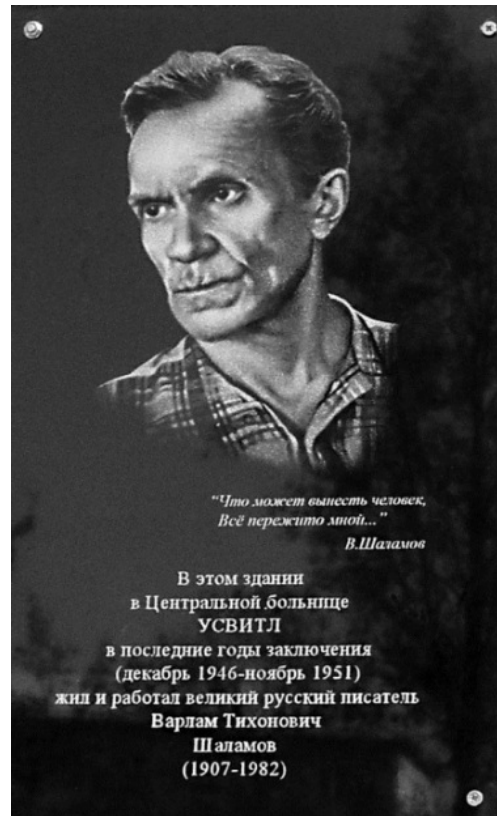
P.S. Отчёт о расходах будет неукоснительно выслан Вам!

28.01.2006 г.

Москва

*

Не знаю, что ответил, и ответил ли Ираиде Павловне господин губернатор. Думаю, для такого юбилея, какие-то средства могли бы и найтись...

Памятная доска В.Т. Шаламову

*

В заключение отмечу, что в июле 2012 года в посёлке Дебин Ягоднинского района Магаданской области на фасаде противотуберкулёзного диспансера установлена памятная доска автору «**Колымских рассказов**» В.Т. Шаламову.

Сергей СУЩАНСКИЙ

г. МАГАДАН

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ – «Календарь дат и событий по Магаданской области на 2017 год». МОУНБ им. А.С. Пушкина. Магадан, 2016. С. 69–70.

² – «Варлам Шаламов – трагический Колумб Колымы». Магаданская ОУНБ им. А.С. Пушкина. Магадан, 1996. Составители: В.А. Резиновская, С.И. Симонова.

³ – Михаил Райзман. «Александр Бирюков. Жизнь и творчество». Магадан, 2013. С. 13.

⁴ – «Северное притяжение». Сборник поэтов Северо-Востока. Магадан, 1983. 319 с.

⁵ – Варлам Шаламов. «Колымские рассказы». Альманах «На Севере Дальнем», № 2, 1988. С. 3–76.

⁶ – четырёх предыдущих! Сборник стихов «Точка кипения» – пятая книга Шаламова! Даже спустя шесть лет после смерти писателя в Магадане толком не знали его библиографию!

⁷ – не ясно, откуда черпал информацию В.И. Першин: см. брошюру «Варлам Шаламов – трагический Колумб Колымы». МОУНБ им. А.С. Пушкина. Магадан, 1996.

Вот уже сорок лет с нами нет Владимира Высоцкого. Этого артиста и поэта любила вся страна. Недавно в его честь был назван аэропорт в Магадане.

В памятную годовщину Дмитрий Силкан встретился с историком литературы Вячеславом Огрызко и прямо спросил его, почему при жизни поэта ни власть, ни издатели не жаловали.

Вячеслав ОГРЫЗКО

В Советском Союзе не было прямых указаний не упоминать Высоцкого

Однако и книги поэта при его жизни не выходили

Творчество Высоцкого – важная часть русской культуры. Мне кажется, что давно уже пора положить конец спорам: поэт ли Высоцкий, или просто самодеятельный автор. Безусловно, Высоцкий – серьёзный поэт! А почему это не прозвучало в семидесятые годы – это отдельный вопрос! Можно допустить, что не все это поняли в начале 60-х годов, в середине 60-х годов. Даже, пускай, в конце 60-х могли идти ещё какие-то споры: что это, песенные тексты или поэтические произведения? Но в семидесятые годы любой человек – хоть мало-мальски разбирающийся в искусстве, понимавший ценность слова – должен был видеть и осознавать поэтический дар Высоцкого!

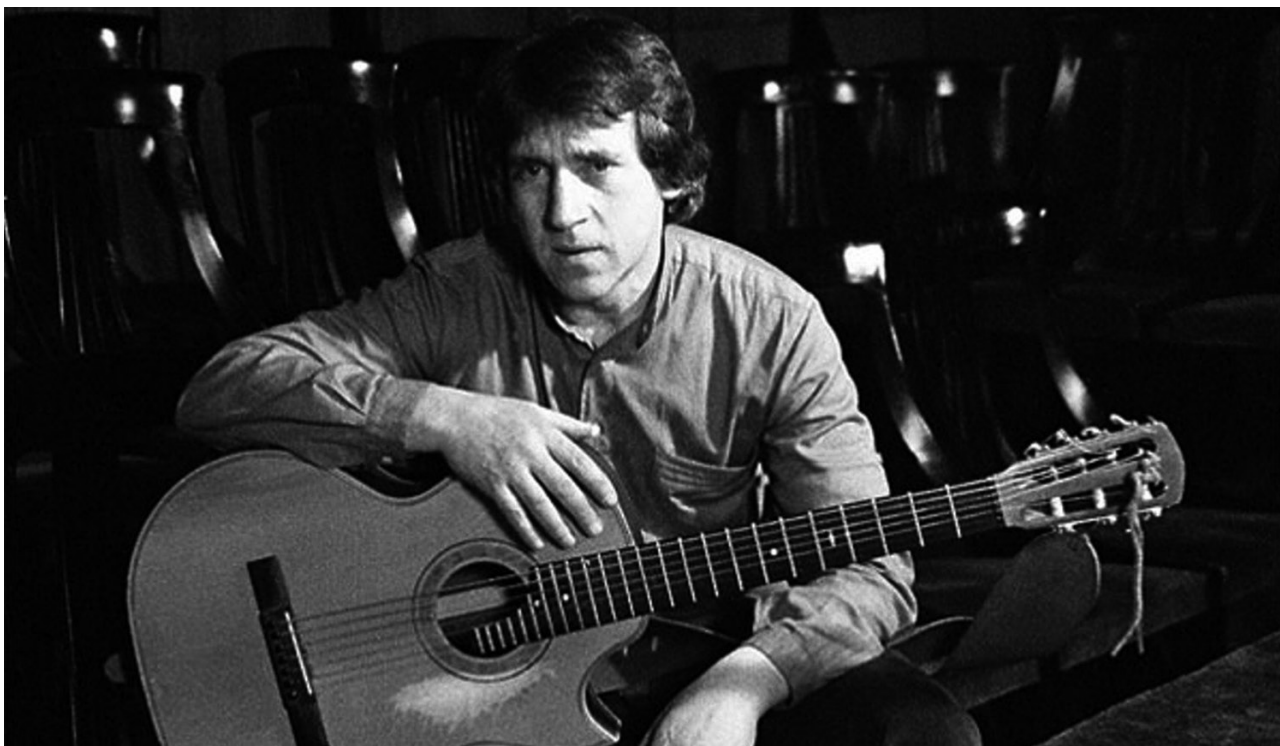
Сразу возникают вопросы: почему мы не увидели сборника со стихами Высоцкого в 70-е годы? И что бы изменилось, если бы в те годы сборники вышли? Думаю, если бы книга Высоцкого вышла бы в начале или хотя бы в середине 70-х годов, многое в его творческой судьбе сложилось бы иначе. Меньше бы он, я думаю, натворил бы неправимых бед. Это не только продлило бы его творческую судьбу, но, возможно, сподвигло и на какие-то новые художественные открытия. Ведь Высоцкий был человек особого, «артистического» темперамента: ему нужна была «обратная связь» со своим

читателем! Думаю, что после выхода книги он бы подвёл черту под определённым творческим этапом, и это могло бы его побудить к каким-то новым «творческим дерзостям» – уже иного уровня, другого плана.

Смешно слышать, что всё диктовала коммунистическая партия, всем управляла цензура – именно, мол, поэтому Высоцкого и не печатали. То, что в 70-е годы Высоцкий был для издателей «непроходным» автором – явная ложь! В последние годы я много работаю в архивах, в том числе изучаю материалы бывшего ЦК КПСС о деятелях культуры. Вижу, с чем тогда сталкивались и партийный аппарат, и цензура: во что они действительно активно влезали, а что остаётся исключительно на совести пишущих коллег. Могу заявить однозначно: то, что у Высоцкого не вышли книги в 70-е годы – целиком и полностью лежит на совести целого ряда его коллег.

Высоцкий, как известно, не раз хотел издать свои поэтические сборники. Реально ли это было в то время? Безусловно! Давайте подробно рассмотрим, кто бы мог, в принципе, это сделать.

Прежде всего рассмотрим региональные издательства. Именно там начинали издавать свои книги молодые, никому ещё неизвестные авторы, ставшие впоследствии вид-

ными поэтами. Если бы Высоцкий «пошёл в литературу» через них в самом начале своего творческого пути, где-нибудь в начале 60-х годов, то он бы вполне смог это сделать. Например, первая книга Окуджавы, «Лирика», была издана в Калуге. Первая книга Вознесенского, «Мозаика», вышла во Владимире. У Рождественского самый первый сборник, «Флаги весны», вышел в Петрозаводске. Этот список можно продолжить.

Но тут существовала необходимость убедить руководство небольшого регионально-го издательства в «связи» автора с тем регионом, где это издательство располагалось. Могла «сыграть» любая привязка к данному региону. Например, мать Андрея Вознесенского была родом из-под Владимира, а он сам провёл часть своего детства в Киржаче Владимирской области. Окуджава два с половиной года проработал по распределению учителем в Калужской области и там же начал сотрудничать с областной газетой «Молодой ленинец». А Рождественский – с 1948 года жил с матерью и отчимом в Петрозаводске, а первые его стихи напечатаны в местном журнале «На рубеже».

Или ещё пример: друг Высоцкого с самого детства, Игорь Кохановский, был связан с Магаданом, и его первая книга вышла именно в Магаданском книжном издательстве.

У Высоцкого на этом пути было мало шансов: он всё-таки был связан исключительно с Москвой! Но тут главное даже другое: тот

момент, когда для Высоцкого были формально «открыты» мелкие региональные издательства – когда он был никому не известен, проходил по всем классификациям как «начинающий автор» – он упустил. В начале 60-х он выстраивал не литературную, а театральную карьеру. Плюс к этому – телевизионную, исполнительскую. А затем перешёл уже в категорию людей известных, которым была открыта теперь дверь исключительно в крупных столичных издательствах.

А теперь зададимся вопросом: в каком именно? Имелось издательство «Художественная литература» – но оно печатало исключительно переиздания. Новые произведения состоявшихся писателей, как и произведения безвестных авторов, там не выходили.

Было издательство «Современник»: совсем молодое, оно было создано, кажется, в 1970 году. Выпускало книги по литературоведению, критике. Но среди задач был заявлен и «выпуск произведений писателей РСФСР». В принципе там книга Высоцкого, гипотетически, тоже могла выйти: в своё время «в борьбу за Высоцкого» вступил там редактор Виталий Мухин. Но ему чуть-чуть не хватило возможностей, чтобы «додавить» руководство издательства на выпуск книги Высоцкого. А если бы не Мухин, то даже соваться туда было бесполезно. Потому что издательство привечало разного рода борцов за «русскую идею», причём зачастую – чуть ли не «балаганного» типа. Например,

известны такие свидетельства: один из руководителей издательства, отвечавший за выпуск поэтических книг, приходил в буфет Центрального дома литераторов – в поиске «новых и интересных» авторов. И как слышал, что кто-то спяну начинал кричать: «Бей ж..., спасай Россию!» – так сразу же подходил к буяну и предлагал: «Приходи завтра в издательство – мы с тобой договор заключим на издание книги!» И это – не видя ещё, собственно, самого текста! Понятно, что Высоцкий – в силу даже одного своего происхождения! – уже был чужд этому издательству. Правда, нельзя не отметить, что подобные «пристрастия» руководства «Современника» закончились серьёзными «разборами полётов» со стороны партийных комиссий.

Если рассмотреть другие издательства, то выбор оставался весьма невелик. «Московский рабочий» – являлся издательством московского Горкома КПСС. «Воениздат» – находился в ведении Министерства Обороны СССР, поэтому выпускал, в основном, служебную (в том числе – и закрытую) литературу для нужд армии. Если и выходили художественные какие-то вещи, то лишь мемуары военачальников или рассказы о войне писателей-фронтовиков.

Существовало ещё издательство «Советская Россия». До определённого периода, пока в 1970 году не открылся «Современник» – Высоцкий, чисто теоретически, мог бы выйти и там. Но после 1970 года издательство переквалифицировали на выпуск переизданий. Новинки, как таковые, там стали выходить крайне редко. Вот, если бы у Высоцкого уже были бы изданы одна-две-три книги, то в «Советской России» вполне бы можно было «протолкнуть» переиздание.

Оставались ещё издательства «Детская литература», «Малыш» и разного рода ведомственные издательства, отдельных министерств – где Высоцкого не могли напечатать просто по определению.

Одним словом, такого автора, как Владимир Высоцкий – в 70-е годы могли издать только два издательства: «Молодая гвардия» и «Советский писатель». Но для «Молодой гвардии» Высоцкий, с точки зрения руководства издательства, был «чужим» автором: по своим взглядам на современность, по стилистике, да и по тому кругу общения, который у него сложился. Вся «молодогвардейская верхушка» в те времена очень редко проявляла широту взглядов и ориентировалась не просто на «почвенни-

ков», а именно на «узколобых почвенников».

Хотя Высоцкий, прежде всего, был, если выражаться сегодняшним языком, патриотом своей страны! Его стихи о войне – лучшее тому подтверждение. Я считаю, что здесь у Высоцкого идёт своеобразная переключка с творчеством Астафьева: и по темам, и по образам, и по гордости за победу и фронтовиков. И по этим критериям он вполне ложился в русло предпочтений издательства «Молодая гвардия». К тому же, в круг его общения входил Николай Губенко, почвенник и консерватор. Но Губенко всегда был близок к данному издательству, а вот Высоцкий – далёк.

Тогдашний директор «Молодой гвардии», Валерий Ганичев, с одной стороны – декларировал свою пламенную любовь к Отчизне, но с другой – проявлял завидную кандовость. Только когда в 80-х его освободили от руководства издательством, он стал всех уверять, что пострадал якобы «за русскую идею», за то, что «не пропускал» западников и либералов. Но, как показали архивные документы, «убрали» его за участие в так называемых «комсомольских пьянках» с друзьями-заединщиками: в банях и в спорткомплексах. Точнее, по документам, «товарищей наверху» возмутил, прежде всего, даже не сам факт пьянок, а то, что после обильных возлияний начинали провозглашаться тосты «за будущего генсека ЦК КПСС Ганичева». Увы, Высоцкий просто никак не вписывался в представления Ганичева о «русской идее» и «русской литературе».

Оставался ещё «Советский писатель», издательство двойного подчинения: Союза писателей СССР и Госкомиздата. Там как раз иногда выходили авторы, которые не являлись членами Союза писателей. Долгое время этим издательством руководил Николай Лесючевский, который в 30-е годы отметился доносами на Бориса Корнилова и Николая Заболоцкого. Данный руководитель умело подлаживался под любой режим. В целом «почвенничество» ему было чуждо: он больше привечал так называемых «либеральных» авторов. Правда, редакцию современной русской поэзии там возглавлял Егор Исаев, который по взглядам был больше «государственником», но в каких-то вещах Исаев умел быть «широким»! Где-то ему подсказывал «крестьянский нюх», где-то – «партийное чутьё»: поэтому он издавал не только Николая Рыленкова, Валентина Сорокина или других «записных почвенников», но и Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского, а также других «шестиде-

сятников». Думаю, для него не существовало особого «вопроса» по Высоцкому. Он понимал масштаб и значение данного автора. Другое дело – Исаев не хотел, чтобы инициатива по изданию Высоцкого исходила лично от него. Потому что в условном «патриотическом лагере» возникло бы потом устойчивое мнение: мол, именно Егор Исаев «открыл, продвигал, пробивал» Высоцкого. Эти «сомнительные», с точки зрения «патриотического лагеря», лавры Исаев на себя брать не хотел. Но он чётко дал понять, что готов поставить в план, готов издать книгу Высоцкого – но при соблюдении некоторых необходимых формальностей, которые существовали тогда в издательском деле. А главная формальность заключалась в следующем: «люди с именем в литературном мире» должны были написать на рукопись Высоцкого положительные рецензии. Именно эти внутренние рецензии позволили бы Исаеву дать положительное редакционное заключение и поставить данную рукопись сначала в перспективный план, а затем и в тематический план издательства, а затем и заключить с Высоцким договор на издание книги.

У меня есть свидетельство очевидца, уроженца Орловщины Валентина Солоухина, написавшего несколько блёклых «почвеннических» романов, однофамильца знаменитого Владимира Алексеевича – я, кстати, уже ссылался в своих работах и статьях на данное свидетельство. Так вот Валентин Солоухин, достаточно долгое время работавший редактором в «Советском писателе», уверял, что Егор Исаев несколько раз говорил Вознесенскому: «Андрюша, ничего не имею против Высоцкого. Напиши рецензию на его стихи!» Но под разными предложениями Вознесенский «умывал руки», при этом прямо не отказывая. Он явно «не спешил» с этой рецензией! Соответственно, и у Исаева были развязаны руки: мол, если вам, что называют себя его друзьями, «оно не надо» – то почему мне это должно быть настолько интересно?

Кстати, я раньше уже приводил дословные слова Валентина Солоухина, который даже не скрывал свою неприязнь к творчеству Высоцкого: «Ты не представляешь, как давили на Егора Исаева, с самых разных сторон – чтобы он этого Высоцкого издал! И мы, писатели-деревенщики, боялись: завтра же принесёт Высоцкий рукопись – и тогда куда нашему Егорушке деваться? Вставит же в план. И, не дай бог, нам же тогда придётся редактировать этого Высоцкого! Зачем нам это надо?» Думаю, что вот такие редактора,

на самых низовых уровнях – и не пустили Высоцкого в большую литературу. И к этому, конечно, сильно приложили руку «свои же» многочисленные коллеги Владимира Семёновича.

Я слышал, что несколько раз давались прямые поручения «относительно Высоцкого» одному из редакторов отдела современной русской поэзии «Советского писателя» Виктору Фогельсону. Это был очень умный редактор, который дал многим автором «путёвку в литературную жизнь». Например, он много сделал для Давида Самойлова – за что все до сих пор этого редактора с благодарностью вспоминают. Но, вот, в случае с Высоцким Фогельсон почему-то ушёл в сторону. То есть просто не стал выполнять данное ему поручение. Почему – не совсем ясно. То ли ему просто не понравилось творчество Высоцкого, то ли какие-то личные причины имелись.

Я считаю, что все возможности выхода поэтической книги Высоцкого в издательстве «Советский писатель» были! И она не вышла только потому, что целый ряд коллег Высоцкого – которые в других ситуациях называли его своим «другом»! – просто саботировали данный процесс. Возможно, боялись «потеряться» на фоне книг Высоцкого, лишиться той части народной любви, что приобрели за счёт своих изданий. Ведь магнитофоны, где можно было послушать песни Высоцкого, имели далеко не все – значительная часть потенциальных читателей ориентировались тогда именно на книжную продукцию. Если бы читатели увидели напечатанные стихи Высоцкого – возможно, тому же Вознесенскому пришлось бы вынужденно «сильно поделиться» своей известностью. Думаю, отчасти этого боялся и Булат Окуджава. Ведь на тот момент у нас считался «крупным» поэтом только один песенник – Окуджава. Скажем, Александра Галича уже «выдавили» из СССР, а Юрий Визбор или Юлий Ким – явно не дотягивали до «печатного лидерства» Окуджавы по масштабу своей известности. Высоцкий, я думаю, мог бы составить очень достойную конкуренцию в этом плане Булату Шалвовичу. Именно поэтому последний явно «не торопился» продвигать стихи своего потенциального конкурента в борьбе за народную любовь.

Высоцкий рвался в Союз писателей не для материальных благ, как это делали практически все прочие, а для обретения некоего статуса – причём не для «широкой публики»: та и так его знала, любила, боготворила... Статус ему нужен был именно в кругах

богема: показать, что он признан профессионалом именно писательским сообществом! Но и здесь никто из его «собратьев по перу» не помог со вступлением: шли одни обещания, но дальше них – дело не заходило.

Думаю, Высоцкий именно поэтому дал своё согласие на участие в неподцензурном альманахе «Метрополь»: надеялся, что «в ответ» «коллеги по литературному цеху» помогут ему с изданием книги.

В те времена действительно «ухватился» за Высоцкого – сильно был увлечён, буквально влюблён в его творчество, – Виталий Мухин, работавший редактором в издательстве «Современник». Он в конце 70-х годов стал предпринимать определённые шаги, для того, чтобы его издательство выпустило сборник стихов Высоцкого. Тот самый «Нерв» с предисловием Роберта Рождественского. Увы, случилась трагедия – и книга вышла уже после смерти поэта. Но сам Высоцкий эту книгу очень ждал: Мухин вёл с ним от имени издательства переговоры. И при этом «обрабатывал» своё начальство, убеждая в необходимости издания данной книги. Тогда же был выбран и автор необходимого предисловия. И не случайно выбор пал на Роберта Рождественского, который, с одной стороны, был символом «шестидесятничества», с другой – тоже числился по разряду поэтов-песенников. Но главное – Рождественский был «партийным комиссаром», о чём никогда не забывал. Именно последнее обстоятельство и давало издательству «Современник» замечательное прикрытие от возможных нападок.

Можно посмотреть, почему Высоцкого не печатали толстые литературные журналы. И тут – похожая история. Например, ни для кого не секрет, что Высоцкий был очень «неудобен» для Андрея Дементьева. А последний не только руководил журналом «Юность», где делали первые шаги в большой литературе многие известные поэты. Он имел ещё и сильное влияние на ряд издателей: в том числе и на «Советского писателя», и на «Молодую гвардию». Он ведь долгое время работал в аппарате ЦК ВЛКСМ, имел много «нужных связей» и «выходов». А ведь на того же Ганичева, руководителя «Молодой гвардии», как бы тот ни сопротивлялся, могли «надавить» люди из ЦК ВЛКСМ, в чьём непосредственном ведении находилось издательство – и получить нужный результат. Соответственно, «протолкнуть» или «зарубить» какого-то автора.

А почему Дементьев так не любил Высоцкого? Дементьев же тоже считал себя поэтом-песенником. Хотя по мне – просто повезло ему «попасть в обойму» официальных песенников. А остальное – сделали композиторы и исполнители. То, что он писал, к настоящей поэзии никакого отношения не имело. Его тексты – это одни клише, схематизм, прописные истины, отсутствие поэтических находок. В своих текстах Дементьев фактически переключивал «на рифму» передовицы газет. Представьте: если б появились тексты песен Высоцкого, читатель сразу бы увидел, что вот она: настоящая поэзия! И где тогда был бы Андрей Дементьев?

Высоцкий, безусловно, крупная величина в культурной жизни прошлого века и нуждается в серьёзном изучении. Причём и как театральный деятель, и как деятель кино, и как деятель литературы. Да, изданы интересные сборники воспоминаний о Высоцком – например, книга, составленная Игорем Кохановским. Но все исследования, что пока выходят о Высоцком – я считаю, что это только подготовительный материал. Для того, чтобы появились серьёзные исследования, нужны доступы к архивам.

Сейчас, например, существуют две взаимоисключающие версии последнего периода жизни Высоцкого. Одна версия, выдвинутая Фёдором Раззаковым, гласит, что Высоцкий – вместе с Мариной Влади! – был агентом КГБ. Потом, правда, несколько смягчается данная версия: мол, может, он прямо и не подписывал «договор о сотрудничестве», предполагавший письменные отчёты. Но, как минимум, был «агентом влияния». То есть выполнял те или иные поручения в интересах Лубянки. Сторонники другой версии утверждают, что смерть Высоцкого была искусственно ускорена – с использованием его пагубных пристрастий, – именно людьми с Лубянки. Мол, как раз им и была-де выгодна смерть Высоцкого, который якобы собирался навсегда покинуть СССР и переехать в Америку.

Интересно, что и та, и другая стороны приводят свои аргументы. Чтобы разобраться, кто из них прав, нужно получить доступ к архивам КГБ. Но современные исследователи пока, увы, этого лишены. Хотя обычно с подобных документов снимается гриф секретности по истечении тридцати лет. Со смерти Высоцкого прошло уже сорок лет, но документы до сих пор закрыты.

Вот история из моего собственного опыта. Она касается тех архивов, что передавал Театр на Таганке в Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) – из чего впоследствии там и сложился Фонд Высоцкого. Несколько лет назад я решил вернуться к нашумевшему сюжету с так называемой «могилой майора Петрова» на Ваганьковском кладбище, о которой в своё время много писал Станислав Куняев. Я взял описи Фонда Высоцкого в РГАЛИ, нашёл там несколько интересных папок, например: «Письма трудящихся в газету «Советская культура» с протестами против статьи Куняева о Высоцком». А судя по описям хранящихся архивных дел, данный архив очень важен для людей, стремящихся написать непредвзятую биографию Высоцкого.

Помню, я заказал для изучения семь дел – из тех нескольких сотен, что хранятся в Фонде Высоцкого! – которые бы могли дать интересную информацию для того исследования, что я готовил. Но столкнулся с тем, что мне было отказано в их изучении. Обычно такой ответ получаешь в том случае, если данные архивные дела ещё пока не рассекречены межведомственной государственной комиссией по охране государственной тайны. Но какие могут быть «гостайны» в письмах трудящихся в газету? Оказывается, наследник и обладатель авторских прав наложил строгое табу на все документы, связанные с Владимиром Высоцким. Любые документы можно получить, только если сам наследник в письменной форме выдаст соответствующее разрешение, причём укажет – к каким конкретно архивным делам он разрешает доступ.

Возникает вопрос: насколько оправданно ограничивать доступ исследователей к архивным материалам? Понимаю, у каждого человека есть интимные тайны, есть медицинские тайны. Понимаю, если бы наследник ограничил доступ к материалам, связанным с тайнами здоровья, с пагубными пристрастиями Высоцкого: мол, тема очень болезненная и чувствительная для семьи... Но когда документы связаны с общественной деятельностью, с творчеством, с общественным резонансом... Мне здесь трудно понять логику наследника: ведь даётся почва для множества домыслов, сплетен и разного рода «смелых» версий.

По нашумевшей «могиле майора Петрова» – могу сказать, что в данный момент картина уже стала ясна. Много

интересных документов я нашёл в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) – бывшем архиве ЦК КПСС. Можно теперь сказать однозначно: история с «затоптанной поклонниками Высоцкого могилой майора Петрова» – была полностью выдумана. Вопрос только: кем и с какой целью? Когда пошли многочисленные жалобы, в том числе и в ЦК КПСС, то Отдел культуры раздал необходимые поручения для выяснения ситуации. Интересно, что большая часть тогдашнего партийного аппарата была на стороне Станислава Куняева. Поэтому потребовала разобраться и наказать виновных. В поручениях ЦК КПСС можно найти фразы об «искусственно раздувании авторитета Высоцкого» и тому подобное. В этом контексте очень логично вставал вопрос: «А почему другим достойным людям нет такого почёта?» И опять-таки: даже чисто по-человечески понятно, что нельзя поднимать на стяг что-то одно – за счёт унижения другого! Поэтому история «с могилой Петрова» пришлась как нельзя кстати. Но когда в результате пристального рассмотрения ситуации выяснилось, что никакой «могины Петрова» не существовало, то получился некий конфуз. По отчётам Отдела культуры ЦК выходило, что кто-то, мол, случайно рассказал Куняеву эту историю с могилой, а тот не стал перепроверять слухи. Причём в этих отчётах даже не было указано, кто именно рассказал все эти байки Куняеву. В итоге аппарат ЦК КПСС постановил: «писателю Куняеву рекомендовано быть повнимательнее в работе с источниками информации».

Что касается «свирепствовавшей цензуры», о которой сейчас так модно говорить. Середина 80-х годов: я работаю в газете «Книжное обозрение». Горбачёв ещё не пришёл к власти, пока ещё правил Черненко. Периодически на Старой площади, в здании ЦК КПСС, проводятся совещания главных редакторов столичных изданий. Председательствующие: заведующий отделом пропаганды ЦК, секретари ЦК по пропаганде. Иногда – партийные аппаратчики рангом пониже. На одном из совещаний поднимается тема: «А не слишком ли много у нас стало в печати Высоцкого? Не создаём ли мы его культ?» И рекомендация – вполне себе нейтральная: надо быть повнимательнее, не нужно искусственно преувеличивать значимость Высоцкого для советской культуры. Это сказал Михаил Зимянин, секретарь ЦК, до этого десять лет являвшийся главным редактором газеты

«Правда». Но эту рекомендацию каждый из присутствующих главных редакторов понял по-разному. Одни – как прямое указание: «Всё, отныне упоминание Высоцкого – табу!». Другие – просто «приняли к сведению» и не более. А третьи – вообще на это «плевали»: мол, раз не выходило постановления ЦК КПСС по этому поводу, значит всё это просто частные «мысли вслух» одного из сотрудников партийного аппарата, пусть даже и высокопоставленного. Тем более, что прямо же не было сказано, что Высоцкого следовало запретить. Всё было сказано эзоповым языком: понимай, как знаешь!

А теперь последствия данного «пожелания» от секретаря ЦК КПСС. К нам в газету «Книжное обозрение», в рубрику «Клуб книголюбов», приходила самая разная почта. В том числе и такая информация: «Читатели в местной библиотеке провели заседание Клуба книголюбов по стихам Твардовского». В другом городе – провели заседание по стихам Смелякова. Ну, а где-то провели заседание, посвящённое стихам и песням Высоцкого. Мы традиционно размещаем на специальной полосе эти короткие сообщения: максимум в двадцать строк. И в тот раз также дали на странице полученную от наших книголюбов информацию – в том числе и по вечеру Высоцкого. Номер печатали в типографии газеты «Московская Правда». Все полосы традиционно попадали цензору. Через какое-то время цензор, молодой совсем парень, заходит в кабинет дежурной бригады, находит кого-то из редакционного начальства и информирует: «А вы в курсе, что не так давно Зимянин проводил совещание и отзывался относительно Высоцкого?» Начальство с готовностью отвечает: «Да, что-то было такое. Припоминаем...». На что цензор говорит: «Хорошо. Я просто обращаю ваше внимание». И молча уходит. Главное: цензор не снял этот материал! И даже не предложил что-то сократить. Он ведь «только напомнил». Но «машина» работает: каждый не хочет брать ответственность на себя. И, на всякий случай, перестраховывается. Тогда главным редактором у нас был Алексей Овсянников – он даёт команду снять вообще эту заметку из номера. Я – тогда молодой, горячий! – начал возмущаться: как же так? Тут же нет никакой крамолы, нейтральная информация. Да нам же и не дали указание «снять» этот материал!

Какую логику рассуждений я тогда услышал: газета, мол, завтра выйдет, ляжет на

стол ко всем начальникам от культуры. Цензор, что сейчас к нам приходил, обязательно доложит своему руководству о том, что напоминал руководству газеты относительно Высоцкого. Доложит, чтобы просто снять с себя дальнейшую ответственность. Начальник цензурного отдела – обязательно позвонит в Госкомиздат: опять же, именно по этой причине – нежелании брать ответственность за некие решения непосредственно на себя. Позвонил, доложил – можно теперь и забыть! Функционеры Госкомиздата – также должны хоть как-то среагировать: а вдруг будут выяснять, «кто распорядился» не дать хода «полученному сигналу». Должны доложить председателю Госкомиздата, Борису Пастухову: мол, смотрите, что газета напечатала, хотя их цензор и предупредил! А дальше я услышал от своего начальника такой аргумент: «А вдруг Пастухов начнёт весь наш номер «читать под лупой», ещё чего-то выискивать. Нам это надо?!» Да и потом, мол, это же будет доложено нашему непосредственному куратору в ЦК КПСС, в отдел пропаганды. А вдруг и он тоже начнёт «под лупой» изучать нашу газету? Нам разве надо находиться «под прицелом»? Легче снять эту заметку и поставить другую. Что, у нас, мол, нет заметки про вечер Исаковского, Симонова или Бориса Полевого? Какая, мол, нам разница?

Думаю, что некий страх – «как бы чего не вышло!» – сидел впереди большинства руководителей. Боязнь пусть даже гипотетической ответственности – решала очень многое.

С «перестраховщиками» я встречался очень часто. Скорее, обратных примеров не так уж и много! Например, когда газету «Книжное обозрение» возглавил другой главный редактор, Евгений Аверин, то всё поменялось просто кардинально! Аверин – человек непростой, долго работавший в партийном аппарате, прошедший все ступеньки партийной карьеры. И вот был такой случай: в газете шёл мой материал о Фёдоре Абрамове. И в тексте я привожу цитату: что говорил Абрамов о «проклятии цензуры». Главный редактор пропустил этот материал без проблем. А дальше на моих глазах стали происходить интересные вещи. Вначале, когда этот материал проходил уже в типографии, к нам в редакцию буквально ворвался рядовой цензор. И с порога начал чуть ли не угрожать: «Что вы тут себе позволяете?» Помню, заместитель главного редактора был готов тут же, без лишних вопросов, снять этот материал с

печати. Я попытался возразить: «Давайте дождёмся главного редактора!» На что получил ответ: «А чего ждать, зря время терять? Из-за тебя мы тут все получим нахлобучку!». Потом, правда, немного «сдал назад»: хорошо, давай дождёмся. Но уже сейчас готовь замену на эту полосу! «Замглавного» считал вопрос уже пред-решённым! Появился Аверин, внимательно перечитал материал – сказал: «Оставляем как есть!» Его заместитель аж изменился в лице: «Что значит оставляем? Цензор же сказал!..». На что Аверин возразил: «Цензор нам только порекомендовал!». Спустя какое-то время прибежал в редакцию заведующий цензурным отделом – «главный цензор», сидевший в здании типографии «Московская правда». Начал, буквально, метать гром и молнии! На что Аверин спокойно ответил: «Не надо на меня кричать! Я – главный редактор, я несу ответственность! Вы мне выразили своё мнение – мне оно понятно... До свидания!» Сразу после этого начались звонки – от Главлита, непосредственно от Солодова, курировавшего нашу газету. Но тот был старый аппаратчик, «хитрая лиса» – поэтому и не говорил прямо: «Я приказываю снять материал!». А начинал издавека: «А каково ваше мнение? А с кем вы посоветовались? А как думаете – оправдана именно такая подача?». То есть прямо не давил – всё исподволь. А вот то, что он сделал прямо, так это, сразу же после разговора с Авериным, позвонил Дмитрию Мамлееву, первому заместителю председателя Госкомиздата СССР. А потом ещё и куратору нашей газеты в ЦК КПСС. И всем им сказал буквально следующее: «Главлит руководство газеты предупредил – умываю руки! Вы дальше сами решайте!». Я помню, что тогда на нас «давил» по телефону инструктор ЦК КПСС, наш куратор. И ещё сильно возмущался Дмитрий Мамлеев, который считал себя нашим начальником. На всё это Аверин невозмутимо говорил: «Простите, но в Законе чётко указано: «под ответственность главного редактора!» Я беру ответственность на себя!». Помню, все ему пообещали «дальнейшие разборки». Возможно, они потом и случились. Но, к чести Аверина, он не посвящал нас в подробности: что обсуждали, как... Когда мы в редакции попытались спросить: как закончилась «эпопея» с материалом об Абрамове – он ответил: «Не ваше дело! Я здесь – главный редактор. Ваше дело – сдать мне материалы. А дальше – уже решаю всё я!». И, заметьте, тогда же шёл 1988 год! И было

ещё непонятно: куда повернут рельсы государственной политики.

У Главлита существовали особые списки: что именно запрещено к печати. Есть интересный исследователь советской цензуры, Арлен Блюм, опубликовавший уже в наше время все эти документы. В том числе, что в СССР запрещалось к изданию на уровне книг. Важно, что никаких упоминаний Высоцкого в этих списках нет! Существовали ещё Постановления ЦК КПСС, которые вводили запрет на те или иные упоминания. Там Высоцкого тоже нет! В справках отделов ЦК КПСС, которые сейчас обнародованы, также не видим Высоцкого. Хотя все эти справки, заключения отделов ЦК КПСС сохранились в партийных архивах. Например, в ЦК КПСС шло донесение: «Такое-то произведение является идейно неправильным, идеологически вредным. Предлагаем запретить к обнародованию!». И в ответ появлялось заключение Отдела ЦК КПСС: «Автора пригласить на беседу... Автору указать на недопустимость...». Но не с Высоцким! Хотя по другим авторам мы можем найти много подобных дел: например, по повестям Владимира Тендрякова, по пьесам Михаила Шатрова – целые баталии шли в ЦК КПСС! Было даже постановление Секретариата ЦК КПСС по повести о школе, написанной Разумовской. Это где-то 1983 или 1984 год, кажется. И к Юрию Любимову были претензии в ЦК КПСС – также выносились постановления на этот счёт. Но Высоцкий всего этого избежал! В Советском Союзе не было прямых указаний на запрет упоминания Высоцкого или его отдельных песен. При этом, согласен: те или иные произведения других авторов – действительно входили в цензурные списки.

Зачастую, самыми злостными «травителями» и «непущателями» Высоцкого – были его коллеги-поэты, артисты, музыканты, исполнители. В одной ситуации – они с радостью брали его к себе в собутыльники: «Володя, выпить с тобой бутылку водки – с радостью!». Но вот заступиться, порекомендовать, помочь – это ни в какую! Им же тогда меньше перепадёт читательского или зрительского внимания, славы, признания. Тем более, что на фоне Высоцкого большинство его «коллег по цеху» явно блёкли, тускнели! Поэтому, мы тебя лучше споим, посадим на иглу – чем позволим, чтобы ты так и оставался всеобщим любимцем!

Записал Дмитрий СИЛКАН

Насыр ЮРУШБАЕВ

Новый аппарат из Германии

На одну из 40 компрессорных станций, расставленных по всему 5000-километровому газопроводу «Уренгой – Помары – Ужгород», привезли из Германии новый аппарат. Аппарат как аппарат, местных рабочих этим не удивишь – привозят почти каждую неделю. Бывает и повнушительнее техника! Но русский человек не был бы русским, если не потрогает что-то новое, не поковыряется. Так и в этот раз...

Сварщик высшего разряда Мустафа хорошо работал, даже очень хорошо. Что там скромничать – лучший сварщик на всей станции! Он был даже обладателем специального почётного ремня, который выдаётся далеко не каждому мастеру. Мустафу все уважали, старались поддерживать с ним хорошие отношения. Вообще, он был человеком компанейским, с ним никогда не было скучно. И анекдот расскажет, и на рыбалку или охоту с собой возьмёт, и в баньке веником отхлещет за милую душу под пивко и медовуху. Медовуха, кстати, своя – с собственной пасеки. Пчёл у Мустафы было аж 28 семей, и этим он гордо рассказывал всем при каждом удобном случае. Его уважали и начальники даже самого высокого ранга. И не только за профессиональное мастерство, но и по той причине, что у всех в банях стояли сваренные умельцем чудопечки – быстро нагревающиеся, долго держащие тепло, годные и для отопления, и в парилку. Только Мустафа умел делать такие! Но был у него и изрядный недостаток: любил выпивать. Пил дома, пил на работе. И что примечательно: не прогуливал, не делал брак и не уклонялся от работы – боже упаси! В любом состоянии работал качественно. Но, выпивал.

Как он пронёс водку через КПП – это особый фокус. Ёмкости со спиртным он умел прятать мастерски: ни опытные в таких делах начальники смен, ни проницательный начальник мастерской разгадать секрет Мустафы не могли, хотя исходящий от него запах спиртного чувяли. С другой стороны, очень-то не придирались: подумаешь, запашок – работает-то человек хорошо! Главное, чтобы самому главному начальнику не подвернулся под горячую руку. Не посмотрит на былые заслуги, уволит в момент...

Однажды привезли из Германии новую машину. Красивая, как невеста! Глаз-лампочки, формы плавные, спереди монитор, снизу клавиатура... Мустафа с видом большого знатока обошёл машину, погладил, постучал, легонько пнул правым ботинком. «Да, ничего себе машинка... – подытожил он первое впечатление, – Приятно познакомиться. Меня зовут Мустафа, а тебя как? Чего молчишь? Ты не думай, что я придираюсь, просто нам же с тобой ещё работать... Ну да ладно: назовём тебя Круппом, раз уж ты из Германии!» Мустафа ещё раз погладил машину по лицевой панели, потом деликатно взглянул на заднюю стенку. «Та-ак, а тут что у тебя за болтики-шурупчики?» – заинтересовался сварщик, обнаружив закреплённую четырьмя болтами крышку размером примерно 30 x 30 сантиметров. Поглаживая редкую бородку, он несколько минут смотрел на загадочный лючок, бубня под нос старинную песню монтажников:

Не кочегары мы не плотники,

Но сожалений горьких нет как нет!

Ведь мы монтажники-высотники, да,

И с высоты вам шлём привет, привет, привет!

Хорошо знающие его люди сразу сказали бы: «Ага, Мустафа что-то затеял». И точно: разбираемый любопытством сварщик, вытянув из инструментальной сумки разводной ключ и хорошенько осмотревшись по сторонам, стал азартно свинчивать удерживающие крышку болты.

Помешать ему было некому – все рабочие мастерской ушли на праздничное собрание, посвящённое Дню медицинских работников. Конечно, у газовиков профессиональный праздник собственный и проходит от совсем в другой день, но медиков тоже нельзя было не поздравить – жена начальника работала врачом в местной больнице. Это не повод? Повод! Но Мустафа в этом году не стал отмечать, поскольку очень обиделся на врачей. А всё дело в том, что у него начали выпадать волосы. Пошёл к врачу, ему дали там таблетки – а волосы стали выпадать ещё больше! Вот он и разозлился.

Итак, снял крышку – и ахнул! Надо же такое придумать: в открывшейся нише среди переплетений проводов и каких-то трубочек уютно, как в гнезде, лежали две бутылки водки и куча закуски. Глаза у Мустафы засияли так, что в мастерской стало ещё светлее. «Какие же сообразительные люди эти немцы, – подумал Мустафа. – Не зря брат уехал жить туда».

Под впечатлением от находки, он отправился в курилку, подымить, поразмышлять о жизни. Следом зашёл начальник смены – старый приятель. Был явно не в духе – только что выяснилось, что и в наступающем году давно обещанная квартира ему не светит... Который раз уже сроки переносят! Мустафа принялся его утешать:

– Да ладно, Ибрагим, будет у тебя квартира, будет. Ты только верь! Потерпи чуть-чуть, потерпи... Я вот уже сколько часов терплю. Врачи приехали, сам знаешь...

– Так они уехали полчаса назад! – воскликнул Ибрагим.

– Ну так что ж мы сидим-то, пора бы и по рюмочке... Через неделю уже Новый год, а у нас ни в одном глазу!

– Давай! Только где возьмём-то?

– А у меня есть! Пошли, покажу сюрприз. Ты только, это, никому...

– Ты ж меня знаешь, я не болтливый...

– Пошли!

Мустафа жестом фокусника выхватил разводной ключ и торжественно вручил начальнику смену.

– Открывай, удивляйся, – приглашающе ткнул пальцем Мустафа в заветную крышку.

Заинтригованный Ибрагим, явно ожидая подвоха, неторопливо открутил болты... и в немом восхищении уставился на представшие перед ним две бутылки «Московской», полпалки сервелата, полбуханки хлеба, большую луковицу, чеснок, соль и перец.

– Ну, Мустафа, ты удивил! – еле вымолвил начальник смены...

Мустафа, радуясь как ребёнок, хлопнул друга по плечу:

– Это ты немцам спасибо скажи!

Друзья, сидя на железных ящиках, с удовольствием репетировали встречу Нового года. Скоро первая бутылка закончилась, и Мустафа пошёл было за новой. Но Ибрагим остановил его:

– Мне хватит, ещё нужно к шефу зайти... Отложим на завтра, хорошо?

– Ладно, – ответил Мустафа, – завтра так завтра.

Мустафе было хорошо. По телу разошлось приятное тепло, настроение улучшилось, захотелось петь. Насвистывая, он подошёл к окну... и увидел мчащегося в мастерскую главного начальника мастерской. Сварщик почуял неладное, но прятаться было уже поздно! Ворвавшийся в зал начальник направился напрямик к германской машине, на ходу вынимая из кармана именно такой ключ, который требовался к той самой крышке... – А вот поди-ка сюда! – очень зловещим голосом позвал он через минуту съжившегося у окошка Мустафу.

Мустафа нехотя подошёл.

– Это что такое? Откуда это? Может, объяснишь? – сердито повышал голос начальник...

Мустафа вспомнил друга Ибрагима, и вдруг ему стало весело. Взглянул на оставшуюся бутылку, потом на шефа – и уверенно сказал:

– А чего непонятного, товарищ начальник: немцы ведь народ умный, вот и ключи в комплект, продемонстрировали уважение!

– Я тебе дам комплект! Выгоню!!!

Мустафа молча вытащил бутылку и со всей силы швырнул на пол.

Начальник, тоже ничего не сказав, покинул мастерскую...

Перед самым новым годом Ибрагим поскользнулся на гололёде и сломал обе ноги. Про его квартиру все, кроме него, забыли.

Мустафу не выгнали. Кто ж выгонит человека с золотыми руками? Но, новогодней премии лишили.

А лючок на крупе у Круппа опечатали – от греха подальше. Но Мустафа водку в мастерскую всё равно проносил. А как именно – это уже совсем другая история.

г. ЛЕЙПЦИГ

Яростное обаяние Олонхо

Конечно, анекдот, связанный с роскошным якутским эпосом Олонхо – когда товарищ Сталин, попыхая трубкой, поинтересовался: «А какой есть эпос у моих якутов?» и получив ответ: «Никакого», велел: «Пусть советские писатели напрягутся, чтобы был у моих якутов эпос!» – всего лишь анекдот, забавная игра фантазии – но фантазия, плещущая и блещущая в недрах Олонхо завораживает, как всякое грандиозное построение: будь из слов, или из камня.

Интересно то, что фиксация эпоса на бумаге несколько условна, ибо сказители-певцы: олонхосутами – исполняя распевно, варьируя разнообразные сюжеты, создавали эпосы ещё более длинные, и, вероятно, слушатели уходили потрясёнными, с изменившимися душами. Музыкального сопровождения не требовалось, речь каждого персонажа пелась в особой тональности – и каждый был создан этой речью, окрашен ею.

Айыы – божества традиционной якутской религии – определяют пёструю космогонию Олонхо, ибо действия эпоса (сложно представить, что пелся он семь суток, дней и ночей – традиционно сильное число семь сильно в любой мифологии) разворачивается в трёх мирах.

(Заметим в скобках, что в трёх же мирах живёт и любой человек: в прошедшем, настоящем и будущем; миры эти, причудливо, частями, фрагментами, планами, мечтами, надеждами, разочарованиями переплетаясь в сознание и определяют конкретную человеческую единицу).

Три мира Олонхо – Верхний, Средний и Нижний; и в среднем, серединном сияет бурной листвою Мировое древо, осыпая снежные, соболями, красочные слова...

Витые корни уходят в Нижний мир – он является прибежищем, обиталищем сил тьмы, всегда, в любом мифологическом космосе находятся они под землёю; а мощные ветви древа устремлены – в небо, в подлинный космос, где божества света изливаются радостями и многознанием – в лучшие из душ.

Мы следим за судьбой эпического племени Айыы Аймага, следуя извивам и ответвлениям сюжета эпоса-поэмы; ибо племя это – прародительное, так сказать, для всех людей; ибо тема Олонхо – становление всего человечества и установление счастливой жизни в Среднем мире, для нас – юдоли.

О! Сколько всего происходит в пространственных пределах эпоса! Вот Эр Соготох, не знающий корней своих, обращается к духу-хозяйке Среднего мира, обитающей в священном древе; вот встаёт в полной, крепостной рост тема защиты племён Айыы от дремучих и тёмных сил Абасы; вот вырастают фигуры богатых и остальных персонажи группируются вокруг них, магнетизируемые доброй и умной силой.

Речевые и поющие разделы, яростные и захлёбывающиеся монологи героев, информация из прошлого, волшебный, как палочка, совет, преобразующий реальность...

...и вылезает великан с клыками, как остроги,

вываливается в реальность задолго до того, как старуха наплодит отродий...

На хребте яростью объятых небес могут жить только великаны, и верхушки мирового древа видны им чётко, как человеку, глядющему из окна – соседний дом.

...в каждом дереве – и скрипка и гроб; в любом из деревьев – символический образ единого, мирового, связавшего всё человечество: единый организм, где клетка – человек – чаще всего не знает об этом.

Словами, разящими, как копьё, создается бурный эпос, и полоса «стремительно гладких, белых небес» едва ли видна внизу живущим.

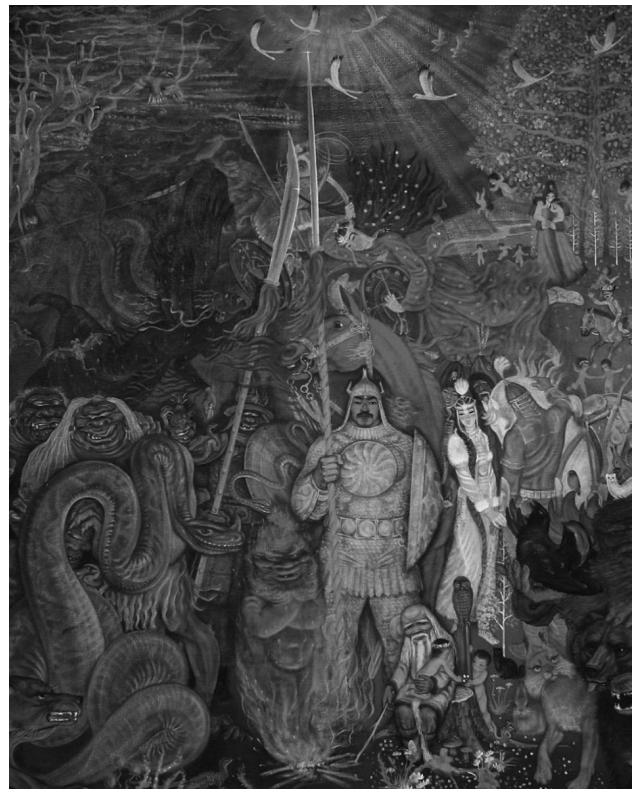
Бесконечны попытки народов докопаться до истоков, корней, сути существования; бесконечны ответвления мирового древа, но якутский эпос возвышается так ярко, что от дикой и мощной его образности захватывает дух...

Пока в другом краю земли греки плывут завоёвывать Трой и возвращать Елену.

Пока Один, отдавший глаз за сокровенную мудрость, проходит в костюме странника, сопровождаемый двумя волками и двумя воронами.

Из дебрей прошлого Олонхо вырастает в сегодняшний день, наполняя его россыпью мудрости и драгоценных, что камни, какими богата Саха, словес.

Александр БАЛТИН

Тимофей Степанов. Основные герои Олонхо, 1985